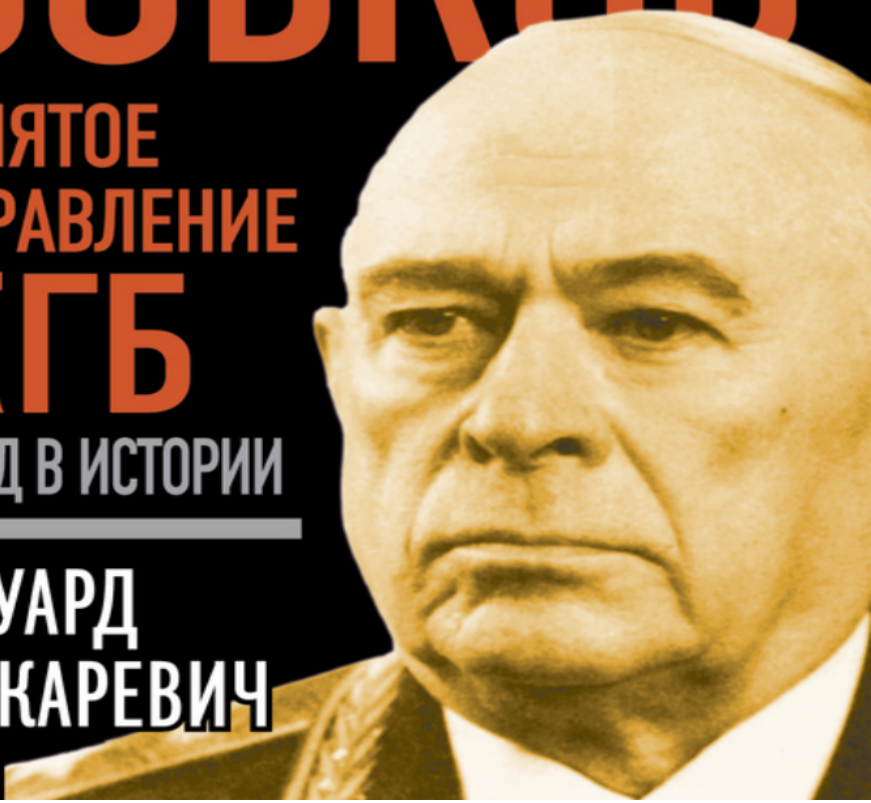
ГРОССМЕЙСТЕРЫ ТАЙНОЙ ВОЙНЫ

ФИЛИПП БОБКОВ

И ПЯТОЕ УПРАВЛЕНИЕ КГБ

СЛЕД В ИСТОРИИ



ЭДУАРД МАКАРЕВИЧ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Пятое Управление КГБ было создано в конце 60-х годов XX века как ответ на американский вызов – появление в ЦРУ подразделений, нацеленных на слом политической власти в СССР путем идеологической и коммуникационной войны.

Филипп Денисович Бобков, долгое время возглавлявший и курировавший пятое Управление, выстроил не узколобый политический сыск, подчиненный партийной бюрократии, а организацию, выявляющую сложнейшие социальные процессы и не только информирующую, но и силой аналитической мысли и политических предложений подталкивающую власть к определенным решениям в целях безопасности страны. В противовес такому контролю партия попыталась навязать обществу образ интригующей спецслужбы, в чем смыкалась с антисоветской и фрондирующей частью интеллигенции.

Трагедией коммуниста без фальши, генерала, ответственного за безопасность государства, стало осознание бессилия перед обстоятельствами, не позволившими пятому Управлению в составе КГБ политическими методами остановить лидеров партии, толкающих страну в пропасть – к геополитической катастрофе, к распаду СССР. Однако это не отменяет значимость и глубину следа, оставленного легендарным руководителем пятого Управления в истории государственной безопасности и в судьбе партии и страны.

- Эдуард Макаревич
  - Предисловие
  - Учиться контрразведке настоящим образом
    - О верности судьбе
    - Все начиналось с сопротивления обстоятельствам
    - Школа СМЕРШ и самообразовательный прорыв
    - Постижение контрразведки
  - Американский вызов: появление Пятого управления
    - Американский вызов, сотворенный политиками и учеными
    - Вызов для СССР делался интеллектом и руками ЦРУ
    - Принципы Андропова
    - Появление Пятого управления как сопротивление американскому вызову
    - Чем измерить профессионализм «пятой

службы»?
- «Новая» интеллигенция – объект интереса Пятого управления
- «Находящиеся на связи лица»
- «Архипелаг ГУЛАГ» в холодной войне
- «Культурологическую» активность ЦРУ можно было нейтрализовать «философско-искусствоведческим» опытом 1941 года в СССР
- Пятое управление: офицеры и джентльмены
- Методы
- История «Михалыча»
- Операция с участием газеты «Московские новости»

○ Пятое управление и партия: противоречивое сотрудничество
- Конфликт людей и мировоззрений
- «Выходит, он не знал?»
- Как остановить государственного деятеля, если его деятельность ведет к гибели государственного строя?
- Почему мы проиграли холодную войну, почему погиб СССР?

○ Примечания. Литература. Источники

Эдуард Макаревич
Филипп Бобков и пятое Управление КГБ: след в истории

Предисловие

Феномен Пятого управления Комитета государственной безопасности СССР заключался в том, что оно стало самым эффективным средством в холодной войне на внутреннем «фронте», но оно действовало, во многих случаях не находя поддержки партии. Как сказал его глава Ф. Д. Бобков, в холодной войне Пятое управление «чувствовало свое одиночество».

Пятое Управление было создано в конце 60-х годов XX века Ю. В. Андроповым – председателем КГБ, будущим главой советского государства. Пятое управление – это была политическая контрразведка. Она появилась в ответ на американский вызов, определивший стратегию холодной войны, мобилизовавший американских ученых на разработку идей и концепций для утверждения лидирующей роли США в глобальном масштабе.

Тогда в ЦРУ обрели самостоятельность тайные политические, идеологические и «культурологические» операции, нацеленные на слом политической власти в СССР. Субъектами противостояния американской политической разведки и советской политической контрразведки стали коммунистическая партия, советские люди, и прежде всего советская интеллигенция. Это противостояние проходило в определенных общественно-политических условиях. Одним из них стала тенденция к возрождению репрессивных мер в стране, появившаяся в конце 60-х годов прошлого века. Лишь появление Пятого управления сняло эту тенденцию. Его методы в борьбе с идеологическим противником оказались эффективнее репрессий. Управление изучало происходящие в стране процессы, благодаря чему удавалось предотвращать межнациональные конфликты, массовые беспорядки, которые происходили в стране ежегодно до появления «пятой службы». В своей деятельности Управление четко отделяло инакомыслящих от тех, кто, прикрываясь инакомыслием, действовал против существовавшего в стране конституционного строя.

В этой принципиальной войне за безопасность советского государства Пятое управление достигло своего могущества и вошло в неминуемый конфликт с партией, все чаще выступая в роли ее политического оппонента, обращая внимание на ошибки, интеллектуальную немощь и политическое безволие партийных лидеров.

Почти все годы действия Пятого управления его возглавлял или курировал по должности и по сути Филипп Денисович Бобков. Идеология, архитектура и технологии этого Управления

были выстраданы им, несли особенности его контрразведывательного таланта и политического мышления, поддержанного Андроповым. Деятельность Бобкова предстает в контексте политических событий того времени, тайных операций ЦРУ, идей западных научных фанатиков, мнений и достижений известных персонажей советской эпохи, нашедших себя в науке, культуре, искусстве, политике и власти.

Бобкову удалость выстроить не узколобую организацию политического сыска, подчиненную партийной бюрократии, а организацию, выявляющую социологическими и агентурными методами политические и социальные процессы, познающую и контролирующую среду, в которой они разворачивались. Организацию не только информирующую власть, но и аналитически контролирующую ее, толкающую ее к определенным решениям. Не интригами, не провокационными действиями, а силой аналитической мысли и политических предложений для безопасности страны.

Деградирующая партия не могла допустить столь явного политического контроля и «аналитического» насилия над собой. Она пыталась навязать общественному мнению образ Пятого управления как интригующей спецслужбы, в чем смыкалась с антисоветской и фрондирующей частью интеллигенции. В определенный момент Бобков понял свое бессилие перед теми обстоятельствами, что не позволили Пятому управлению в составе КГБ информационными и политическими методами остановить лидеров партии, толкающих страну в пропасть – к геополитической катастрофе, к распаду СССР. В этом бессилии была его трагедия как советского человека, как коммуниста без фальши, как генерала, ответственного за безопасность государства. Но след Управления в истории государственной безопасности и в судьбе партии небезынтересен для будущих поколений.

Учиться контрразведке настоящим образом

О верности судьбе

Девятого января 1991 года первый заместитель председателя КГБ СССР, генерал армии Филипп Денисович Бобков покинул свой кабинет, окна которого смотрели на площадь Дзержинского и центральный московский универмаг «Детский мир». Сорок пять лет назад он, тогда младший лейтенант, выпускник школы СМЕРШ, впервые вошел в здание Министерства государственной безопасности, что так уверенно раскинулось на этой площади. На одном дыхании были прожиты эти сорок с лишним лет. И вот пришел день, когда он, уже «четырехзвездный» генерал, отвечавший за политическую безопасность Советского Союза, за восемь месяцев до его кончины, завершил свою службу.

Он был из того поколения, о котором Эрнест Хемингуэй сказал: коммунисты – хорошие солдаты. Бобков был хорошим солдатом и в пехотной цепи на поле брани, и в борьбе за государственную безопасность страны. Только в той цепи можно было получить «подарок» от немецких фашистов – сорок осколочных ранений и пробитое легкое. Таким для него была цена одного боя в Белоруссии. А в политической борьбе за государственную безопасность раны были моральные и душевные. За них не давали нашивки на форму, они становились отметинами на сердце.

Он стал солдатом в шестнадцать, а в восемнадцать гвардии старшина Бобков, фронтовик, кавалер солдатского ордена «Славы», встретил победу в Курляндии. Недалеко от тех мест, где закончил воевать за два месяца до той же победы капитан Красной армии Солженицын, арестованный фронтовой контрразведкой СМЕРШ за нелестные слова о Верховном главнокомандующем.

Кто мог предположить в те дни, что жизненные линии старшины-фронтовика и арестованного капитана спустя тридцать лет пересекутся в точке идейного противостояния. Старшина к тому времени стал генерал-майором, начальником Пятого управления КГБ, а капитан – известным писателем и выдающимся «диссидентом».

Погрузившись в историю, вдруг неожиданно видишь, как соприкасаются жизненные линии людей в определенное время в определенном пространстве. А потом наступает другое время, и это соприкосновение повторяется в другом качестве. Меняются принципы и позиции. И жизни человеческие круто меняются. Но есть люди, что остаются верными своей судьбе, несмотря на любое качество времени.

Все начиналось с сопротивления обстоятельствам

Детство Бобкова связано с индустриальным городом Макеевка, что в Донбассе. Про его самые яркие детские впечатления можно сказать, что запомнилось прежде всего то, что было пережито. И первым таким переживанием для семилетнего мальчишки стал голод 1932–1933 годов.

Трудно передать словами это сосущее состояние голода. Каждый день все мысли и желания только о еде. Голоду сопротивлялись тем, что добывали съестное, где могли. Великой радостью были трава и картофельная ботва, водоросли и мелкая рыбешка, вычерпнутые из местных прудов и речушек. А уж арбузные корки, которые однажды принес отец, стали чуть ли не деликатесом. Все, что можно было жевать и проглотить, шло на стол.

Тогда в Макеевку хлынули голодающие из российских областей – Белгородской и Курской – в поисках все той же еды, ставшей источником выживания. Это хорошо сохранила детская память.

Спустя десятилетия тот голод недоброжелатели России назвали «голодомором» и сделали оружием пропагандистской войны. С циничной практичностью, так хорошо известной Бобкову по работе в контрразведке, американцы взялись за новое «прочтение» того голода, что поразил людей в СССР много лет назад.

Воспользовавшись тем, что с начала тех событий прошло 75 лет (дата, выступающая как информационный и политический повод), палата представителей Конгресса США 23 сентября 2008 года осудила «голодомор на Украине», признала его «геноцидом против украинского народа» и назвала источник той страшной беды – «советский диктатор Иосиф Сталин и его окружение, сталинское правительство, по воле которых был искусственно создан голод в 1932–1933 годах, жертвами которого стали почти 10 млн. жителей Украины». Констатировав это, американские конгрессмены осудили источник этой трагедии – советское правительство – за «систематические нарушения прав человека, в том числе и свободы самоопределения и свободы слова украинского народа». Но интерпретация «голодомора» в версии американских и украинских политологов и политиков игнорировала тот факт, что трагедия на Украине не была трагедией, сделанной для Украины. Такая же трагедия тогда

постигла целый ряд областей в России и в Казахстане. Причинами голода были и неурожай, и некомпетентность руководителей на Украине, в Казахстане, в областях России; и жестокая политика Сталина, требовавшего обеспечить запланированную сдачу зерна для продажи Западу, чтобы закупать оборудование и станки для строящихся заводов. И эти причины касались всех зернопроизводящих областей Советского Союза. При этом смертность от голода в СССР в 1932–1933 годы, по подсчетам российских исследователей на основе архивных материалов и с учетом неучтенной смертности, составила 3,8 млн. человек, но никак не 10 млн, безосновательно указанных в американской резолюции.

Но почему была выбрана Украина в пропагандистской кампании «голодомора»? Здесь стоит обратить внимание на следующую позицию в резолюции американских конгрессменов: Конгресс поддерживает усилия Украины в демократических и рыночных реформах, чтобы Украина «могла продать свой потенциал в качестве важного стратегического компаньона США в этом регионе мира». То есть речь шла о том, чтобы Украина, граничащая с Россией, стала стратегическим партнером США в этом регионе, где США обозначили свои геополитические интересы. И тема «голодомора» в интерпретации американских консультантов понадобилась, чтобы убедить Украину, что у нее своя история, а у России – своя, что Россия всегда угнетала Украину, и украинский «голодомор» самое яркое тому свидетельство. От «голодомора» изменение сознания шло по вектору ненависти – врагом теперь становились русские, которые якобы угнетали украинцев.

Такие вот воспоминания о голоде в интерпретации американцев снова ударили по Украине и России спустя десятилетия.

А тот реальный голод, которым было отмечено детство Бобкова, уже в 1934 году сник, растворился, и жизнь для мальчишки обрела свой смысл в иных ценностях. Школа, романтика пионерских отрядов, и самое главное – соприкосновение с большим и яростным миром. В этом мире, жившем по своим законам, уже гремели имена шахтеров, сделавших славу Донбассу, поднявших рабочих страны на рекорды производства угля, электроэнергии, стали и машин. Была гордость за Никиту Изотова, Алексея Стаханова, что делали историю. Это впечатляло, заставляло строить свои планы на жизнь. И потому запоминалось.

Переход из детства сразу во взрослую жизнь случился в год 1937-й, на который пришелся взлет сталинского террора. В один

из дней отец, который работал на металлургическом заводе, сказал сыну: «Ты почти взрослый. Поэтому хочу, чтобы ты знал: меня могут арестовать. Но я ни в чем не виноват. Совесть моя чиста». Бобков вспоминает себя, двенадцатилетнего, после этих слов отца: «Я был потрясен. Зачем арестовывать честного человека? И тут меня осенило: в нашем многоквартирном доме оставалось всего пять мужчин. Остальные были арестованы. Может, и они ни в чем не виноваты?» Угроза ареста не стала явью. Но слова отца и то ощущение после них отпечатались в сознании на всю жизнь, которая после этих слов так и осталась для него советской.

Фашистская Германия напала на его страну, когда он перешел в девятый класс. И хотя с каждым днем страна сопротивлялась все ожесточеннее, враг не слабел. Немцы уже выходили к Донбассу. Оттуда эвакуировались заводы, там взрывали шахты, на которых еще вчера делались рекорды. Вывезти или уничтожить, чтобы фашисты не воспользовались. Только так стоял вопрос.

Люди бросали дома, хозяйство, свою родную землю, уходили в глубь страны. Тяжело уходили. В этом нескончаемом человеческом потоке, объединенном горем уходящих, была и семья Бобковых.

Разве такое забудется?

Бобков говорит об особенностях памяти, живущей переживаниями: «Даже воспоминания о самых горячих боях на фронте, где я был ранен дважды и где видел тысячи смертей, не так преследовали меня в последующей жизни, как дорога беженцев».

Ровно об этом пишет Александр Фадеев в своем романе «Молодая гвардия», когда описывает переживания людей, уходящих почти из тех же мест, что и семья Бобкова: «Со времени великого переселения народов не видела донецкая степь такого движения масс людей, как в эти июльские дни 1942 года. По шоссейным, грунтовым дорогам и прямо по степи под палящим солнцем шли со своими обозами, артиллерией, танками отступающие части Красной армии, детские дома и сады, стада скота, грузовики, беженцы – то нестройными колоннами, то вразброд, толкая перед собой тачки с вещами и с детьми на узлах. Они шли, топча созревающие и уже созревшие хлеба, и никому уже не было жаль этого хлеба – ни тем, кто топтал, ни тем, кто сеял, – они стали ничьими, эти хлеба: они оставались немцам. Колхозные и совхозные картофельные поля и огороды были открыты для всех. Беженцы копали картофель и пекли его в золе костров, разведенных из соломы или станичных плетней, – у всех,

кто шел или ехал, можно было видеть в руках огурцы, помидоры, сочащийся ломоть кавуна или дыни. И такая пыль стояла над степью, что можно было, не мигая, смотреть на солнце».

Через пятнадцать лет майор Бобков будет читать посмертное письмо Александра Фадеева, застрелившегося у себя на даче. В этом письме, адресованном руководителям партии, писатель излил всю горечь от непонимания партией сути и смысла литературного творчества, сводимого к надзору за ним в худших традициях бюрократии. Он мог так написать, памятуя и свою судьбу, и то обстоятельство, что имя его уже навсегда было связано с романом «Молодая гвардия», где он показал силу духа юношей и девушек, сумевших так сопротивляться немцам на оккупированной ими донецкой земле, что ждала их только смертная голгофа, которую они приняли не как мученики, а как герои.

В отличие от действующих лиц романа Фадеева, не успевших уйти от немцев, семья Бобковых успела выйти на «большую» землю. Уже там отец получил назначение на строительство заводов подземной газификации угля в городе Ленинск-Кузнецкий, что в Кемеровской области. Тогда все работало на оборону, и заводы эти тоже.

Подкрепленные эвакуированными предприятиями из Донбасса, они сделались мощной энергетической силой, столь нужной для сражающейся страны. Туда и пришел работать младший Бобков. Это был его выбор. И все, кто был рядом, почувствовали самостоятельность этого парня.

А дальше события развивались так. Отец добровольно уходит на фронт, бронебойщиком, бить фашистские танки. Сына избирают секретарем комсомольской организации. В один из дней весны 1942 года в Ленинск-Кузнецкий приехал народный комиссар угольной промышленности Вахрушев, чтобы разобраться, как идут дела на этой большой заводской стройке. И неожиданно поинтересовался: где тут бюро комсомола? Его интересовал один вопрос: готовят ли специалистов для будущего производства из числа молодежи, работающей на стройке? Оказалось, что нет. Тогда он сказал директору строительства: «Вы не думаете о будущем». И указание дал такое: поручить комсоргу возглавить отдел кадров по подготовке специалистов для эксплуатации завода после его пуска. Так Бобков был определен ответственным за выполнение этой важной государственной задачи. Тогда быстро и решали, и работали.

Ему минуло шестнадцать лет, когда он стал секретарем комитета комсомола города Ленинск-Кузнецкий. Столь стремительной карьере способствовало то, что его

предшественник, прежний комсомольский секретарь, ушел воевать вместе с отобранными им добровольцами. Делом комсомола был отбор и направление добровольцев в сражающуюся армию. И Бобков недолго пребывал в должности городского комсомольского лидера. Он пошел тем же путем. Вместе с секретарем горкома партии и военным комиссаром он отбирал людей из массы стремящихся на фронт, формировал добровольческую команду. А потом и партийный секретарь, и секретарь комсомольский, и военком написали заявление с требованием отправить их на фронт с теми, в отношении кого они уже свыклись с мыслью воевать вместе.

Так он попал в 6-й сталинский стрелковый корпус добровольцев-сибиряков, части которого формировались на Урале, в Забайкалье, Кемерове, Новосибирске, Омске, Красноярске.

А дальше фронт. Думали, что корпус уйдет под Сталинград. Но фронт по воле Генштаба оказался Калининским. Тяжелейший фронт, долгий и кровавый, фронт, где был город Ржев и Ржевский выступ, который надо было ликвидировать, поскольку он угрожал Москве, и в который немцы вцепились зубами. А еще надо было сдерживать немецкие дивизии, что должны были уйти под Сталинград.

Кровавые затяжные бои, непролазная грязь, хлипкие блиндажи на еловых ветках, покрывающих болотную землю, уходящую из-под ног, по которой непрерывно садят немецкие минометы; тоска влажных и мрачных лесов, и неизвестно где поджидающая смерть. И тащили на руках через эти болота еду и боеприпасы.

В этом болотном аду Бобков выжил. И не только выжил, он получил свою первую боевую награду – медаль «За отвагу». Солдаты ее ценили, то была честная награда за солдатскую доблесть.

Но вот за что ее давали?

Команда «вперед!», и боец переваливается через бруствер и, пригнувшись, бросается навстречу пулям. Сила приказа, смелость молодости, глушащая страх, неистово гонят туда, где окопался проклятый немец.

А когда натыкались на стену огня, то было точно так, как в изложении фронтового поэта Семена Гудзенко:

Разрыв – и лейтенант хрипит.
И смерть опять проходит мимо.
Но мы уже не в силах ждать.
И нас ведет через траншеи

окоченевшая вражда,
штыком дырявящая шеи.

Эта вражда, проистекающая от злости на немца, усиленная приказом, сообщала неукротимую энергию броску наступающих. А сколько этих бросков было, когда брали Гнездиловские высоты, известные ожесточенными боями за них. Наши атаки, немецкие контратаки… Это был непрерывный ад в течение пяти суток. Дело кончилось тем, что немца все же сломали.

В бою за станцию Павлиново Бобков получил первое ранение – пуля пробила руку. Медсанбат. Там-то и нашел его отец. Он воевал в соседней дивизии, уже помощником начальника штаба полка.

Дальше были бои в Белоруссии, под местечком Ленино, где сын с отцом воевали рядом. За эти жестокие бои Бобков младший получил вторую медаль «За отвагу».

Потом брали Оршу, крупный железнодорожный узел в Белоруссии, стратегически важный для немцев. Здесь пришлось хлебнуть лиха. Немецкая мина разорвалась рядом, сорок осколков прошлись по телу. После операции – тридцать два остались в нем на всю оставшуюся жизнь. Замечательные хирурги школы академика Брайцева латали Бобкова в центральной клинической больнице в Москве.

Подлечился солдат, восстановились пробитые легкие. Через восемь месяцев Бобков снова был на фронте, в том же полку, где воевал и отец.

Полк наступал. Отчаянно сопротивлялись немцы. Их штурмовик неожиданно вынырнул из-за леса, прошелся огнем по нашим порядкам и бросил бомбу. Отец еще успел крикнуть: «Берегись!». Было много убитых, так как лежали скученно. Осколками накрыло и отца. Как вспоминал Бобков, «мы отнесли его в медсанбат, и там я с ним простился». Оказалось, навечно. После такого ранения отец не выжил.

А полк шел вперед. 13 октября 1944 года вышли на окраину Риги, столицы Латвии. Немцы держали оборону грамотно. Их пулеметный огонь с крыш домов не позволял пробиться в старый город. И тогда развернули артиллерию. Но последовал приказ командира дивизии: «По старой Риге огня не открывать». Город брали штурмом в уличных боях. Боевые группы буквально выдавливали из домов засевших там немцев. Город не пострадал. И не врут кадры фронтовой кинохроники, на которых рижане бросают цветы солдатам, проходящим по улицам Риги.

Война закончилась победой СССР над гитлеровской

Германией и ее союзниками. Бесспорность этой победы была подчеркнута взятием Берлина. Миллионы погибших, замученных, изувеченных сопровождают эту победу, делают ее горькой. Но на пути к ней, в боях этой жестокой войны мужали характеры тех молодых людей, что добровольно встали на линию огня, чтобы без громких слов защитить родину. А если судьба была благосклонна, то и выжить, вопреки обстоятельствам, не разменяв свою совесть на безопасность в тылу.

Впервые с иным пониманием победы Бобков столкнулся, когда допрашивал американских агентов, арестованных в СССР. Это были бывшие советские граждане из военнопленных и перемещенных лиц, прошедшие подготовку в американской диверсионной школе на территории Западной Германии и заброшенные в СССР. В ряду «шпионских» дисциплин будущим агентам преподавали и историю. Преподаватель, некто Лев Львович, старался доказать, что к поражению гитлеровской Германии Красная армия имеет лишь косвенное отношение. Он предлагал сидящим перед ним агентам вспомнить, как они попали в плен, как русские войска бежали от немцев. И так продолжалось до тех пор, пока союзники русских, главным образом американцы, не поняли, что Советский Союз не имеет ни современного оружия, ни боеспособной армии. Наиболее талантливые полководцы, вроде генерала Власова, поняли это первыми и перешли к немцам. Но один из агентов по кличке Боб, наиболее думающий (после ареста начал сотрудничать с контрразведкой), хорошо помнил и то, как отступали советские войска, и то, как бежали немцы, бросая оружие и технику. Поэтому он спросил Льва Львовича:

– А как же русские дошли до Берлина, если у них не было ни армии, ни оружия?

На что Лев Львович ответил:

– Благодаря решительным действиям американцев и той помощи, которую они оказывали русским.

Как только отгремели последние залпы войны и Запад стал претендовать на половину победы, писатель и публицист Илья Эренбург, ненавидимый Геббельсом, сказал в первой своей послевоенной публикации: «Если осмотреть труп фашизма, – на нем много ранений, от царапин до тяжелых ран. Но одна рана была смертельной, и ее нанесла фашизму Красная армия».

Это была та армия, которая перемолола в боях 85 процентов войск гитлеровской Германии и ее европейских союзников. Но стоило это Советскому Союзу 27 миллионов жизней его граждан, из которых около 13 миллионов были мирными жителями, – убитыми, умершими от голода и болезней, умерщвленными в

нацистских концлагерях, на немецких заводах и в немецких хозяйствах. Цена войны для Советского Союза складывалась из десятков миллионов человеческих жизней, тысяч разрушенных городов, деревень, заводов, школ, институтов, памятников культуры.

Когда после разгрома фашистской Германии в мире началась холодная война, западные оппоненты не хотели знать, а те, кто знал, – помнить, сколько жертв принес Советский Союз на алтарь победы. Сегодня Запад претендует уже не на половину победы во Второй мировой войне, как было более 70 лет назад, а на всю победу, пытаясь утопить в череде бегущих лет память о том, кто на самом деле разгромил цитадель фашизма – гитлеровскую Германию. Запад, прежде всего США, заново создает образы ушедшей в историю мировой войны, и делает это в определенных целях. Профессорам-политологам в союзе с политиками очень важно объединить нацистскую Германию с Советским Союзом, сделав их в своих умопостроениях субъектами одной крови. И тогда можно убеждать мир, что сталинский СССР был таким же агрессором, хищником, как и гитлеровская Германия. Он также завоевывал и оккупировал другие страны в Прибалтике, в восточной и центральной Европе, как и Германия нацистского фюрера. Следуя этой профессорской логике, публику подталкивают к выводу, что в этом случае Россия как преемник СССР должна взять на себя политическую и моральную вину за эту «оккупацию» и материально компенсировать «ущерб пострадавшим» народам. Но есть еще более дальняя цель этой интеллектуальной операции. Россия, приняв на себя эту мнимую вину за СССР, перестав быть страной-победительницей в мировой войне, уже вряд ли сможет стать кристаллизующим центром новой цивилизации – русского мира, развивающегося на ресурсах своей истории, культуры и интеллекта. Такая цивилизация, растущая рядом с Евросоюзом, никак не вписывается в мир по-американски.

Радикальные приверженцы этих целей для России считают, что страна, спасшая 70 лет назад мир от фашистской чумы, должна стать изгоем мира в первой половине нового века. Полагаясь на мощь массовых коммуникаций, они пытаются навязать миру тот образ России, что проектировали в той или степени с начала холодной войны. С ориентацией на этот образ предлагались учебники по истории, снимались фильмы, сочинялись книжки, сносились одни и возводились другие памятники, создавались компьютерные игры, одна за другой по определенным формулам проводились общественно-политические акции, чтобы изменить сознание людей.

Но разве во имя такой России страдали и гибли миллионы наших людей в ту Великую Отечественную войну?

Когда в 1965 году страна широко отмечала двадцатилетие победы, думающие люди из числа воевавших ловили себя на мысли, что наступит время, когда во власти будут люди, не хлебнувшие горя и побед этой войны. И, возможно, чувство родины у них будет другое, и боль той войны они не удержат. И это самое опасное. Судьбы Горбачева и Ельцина были окрашены как раз непониманием этой боли и этих побед, что тоже привело к трагедии страны.

А что может удержать и понимание той войны, и гордость за победы в ней, и за ее героев, и боль за ее жертвы? Такой вопрос задавали и Бобкову.

С течением времени вопрос этот только крепнет. А сегодня он вообще оказался в центре мировоззренческого противостояния России и Запада. Но какой может быть ответ?

Опытные бойцы мировоззренческого фронта, в том числе и с учеными степенями, все более обращают внимание на мораль и нравственность в поисках ответа.

Это честные знания и честная память о великой войне. Знания и память, обусловленные моралью, которые необходимо культивировать наукой, литературой, искусством, образованием и постоянно поддерживать, предоставляя все новые и новые доказательства нашей победы в этой войне. Если дело было правое, то правда все докажет.

Не потому ли Джордж Кеннан, главный стратег холодной войны, выступая в Национальной военной академии США в декабре 1947 года, предложил для дипломатии и идеологических операций понятие «необходимой лжи»?

Но опытные бойцы знают, что молчанье или искривленная правда, или «необходимая ложь», всегда хуже доказательств, обусловленных нравственным подходом.

Школа СМЕРШ и самообразовательный прорыв

Война кончилась. И нужно было определять свое будущее. А какие ресурсы для этого имел Бобков? Лучший – конечно, молодость, восемнадцать лет. К тому же фронтовик, да еще в звании старшины, опытный солдат, смел, сообразителен, психологически устойчив, в бою надежен. Образование почти среднее. Коммунист. Такими людьми не бросаются. Таким людям предлагают стоящее дело.

Бобкову предложили учиться в школе контрразведки СМЕРШ. «Смерть шпионам» – так назвал Сталин в 1943 году реорганизованную военную контрразведку. За годы войны, эта служба заявила о себе так, что гитлеровские спецслужбы – Абвер, СД, гестапо – признали в ней серьезного, бескомпромиссного противника, действующего жестко, агрессивно, изобретательно.

Бобков выбрал Ленинградскую школу СМЕРШ. Уже после первых занятий стало понятно, как были далеки от реальности представления о контрразведывательной деятельности у слушателей школы. Оказывается, это была целая наука с множеством технологий, приемов и практических действий, которые нужно было освоить. Но при этом наука эта была не засохшая, а занимательная, обращенная к жизни, снимающая покров с ее тайных лабиринтов.

Слушали лекции профессионалов, изучали документы, связанные с разоблачением фашистской агентуры, действовавшей в нашем тылу, постигали методы заброски агентов немецкими спецслужбами, разбирали деятельность разведывательных и контрразведывательных органов, диверсионных и разведывательных школ, созданных немцами на оккупированной территории. И, конечно, вникали в операции внедрения нашей агентуры в немецкие спецслужбы, в диверсионные школы и гитлеровские спецформирования.

Вчерашний день? Враг разбит, а тут изучают его методы и наши методы против него. Зачем?

Но американцы занимались тем же самым. Так же изучали достижения немецкой разведки и контрразведки. Колоссальное количество материалов было вывезено из поверженной Германии для изучения в США. Да и бывшие деятели немецких разведывательных и контрразведывательных органов, оказавшиеся в США, пришли туда не с пустыми руками. Генерал Рейнхард Гелен, начальник отдела «Иностранные армии востока»

немецкого генштаба, передал американцам огромный и бесценный архив развединформации по Советскому Союзу, и в придачу – каталог описания методов добывания этой информации. Главным методом здесь были многочисленные допросы советских военнопленных, которые представляли разные слои общества. Архив Гелена, пятьдесят стальных ящиков, был набит папками с материалами о Вооруженных силах СССР, о советских военачальниках, об экономике и советской политической системе, там были данные аэрофотосъемки советской территории. Материалы Гелена показывали потенциальные возможности металлургической, нефтехимической, танковой, артиллерийской, авиационной промышленности СССР, пропускную способность транспортных коммуникаций, людские резервы, систему подготовки кадров, творческие возможности советских армейских, авиационных, «промышленных» генералов. Материалы Гелена отражали особенности социальных, политических, национальных отношений в СССР, взаимоотношения власти и населения. Вся эта информация теперь была у американцев. Первые послевоенные разведывательные операции американского Управления стратегических служб (предшественника ЦРУ) против СССР питались немецкими разработками и «немецкой» информацией об СССР.

Поэтому то, как учили в СМЕРШе (особенно работе с информацией, особенно на опыте немецких спецслужб), предопределяло уверенный профессиональный рост будущих контрразведчиков.

Но какой он – контрразведчик из СМЕРШа? Какой его образ вдохновлял выпускников школы? Пожалуй, тот, который воплощали офицеры военной контрразведки в годы войны, выполняя опасные, сложные и ответственные задания, от которых зависели жизни тысяч людей и судьбы военных операций в масштабах фронтов. Именно такой образ создал писатель В. Богомолов через много лет в своем замечательном романе «Момент истины», в котором рассказывалось о том, как офицеры СМЕРШа ищут и находят в тылах нашей армии, готовящейся к наступлению, немецких агентов. Случай действительно реальный.

Но то, как изобразил Богомолов профессионалов СМЕРШа, их методы, совпадало отчасти и с тем, как и чему учили в школе СМЕРШ в 1945 году, когда там учился Бобков.

И прежде всего это касалось того объема информации, который офицер СМЕРШа должен был прокачать в уме при встрече с подозреваемыми людьми. Как это в романе делает капитан Алехин: «Словесный портрет совпадает… Неужели

Мищенко?.. Не исключено!.. Мищенко – это фигура!.. Не факт, что это Мищенко, и не факт, что они – „Неман“… Качай! Аттестат на продовольствие… Шифр… Реквизит содержания… Шрифты текста… Петит подстрочный… Капитан Елатомцев А Пэ и с ним два офицера… Убывшему в командировку… Вильнюс… Лида и районы… Номер и дата документа… Командировочное предписание от десятого августа… Фактура бумаги… плотность… Так… исключен с довольствия с шестнадцатого… Срок действия аттестата… двадцать первое… Роспись лица, получившего аттестат… Поговори с ним… насчет довольствия… Так… Фиксируй лицо!.. Хорошо… Так… Теперь спроси у них… Документов у них достаточно… И никаких вазомоторов, никакой вегетатики!.. Словесный портрет совпадает, наверное, полностью… Но не факт, что это Мищенко… Не думай о Мищенко! Твоя задача – заставить этих троих проявить свою суть… Кто бы они ни были!.. Поставь их на место… И обозли… Повтори еще раз… Простака играй, дубового службиста… Больше упрямства… Обостряй!.. А капитан молодец!.. Как владеет собой!.. Неужели это – Мищенко? Неужели они „Неман“?»

За десять минут капитан Алехин «прокачал» Мищенко.

Но мог ли предполагать Бобков тогда, в 1945 году, что через 29 лет будет написан такой роман о контрразведчиках СМЕРШа, и он, Бобков, генерал КГБ, будет вместе с другими понимающими и смелыми людьми спасать этот роман от посягательств бюрократов из пресс-службы КГБ, от военной цензуры, от генералов из Министерства обороны, от перестраховщиков в журнале «Новый мир».

Приведу здесь слова самого Богомолова, который потом описал эпопею с публикацией романа:

«Хорошо помню июльский полдень 1974 года, когда И. С. Черноуцан (консультант ЦК КПСС. – Э. М.), ознакомясь с десятками замечаний на полях и убедившись, что среди них нет ни одного относящегося к компетенции людей, их писавших, сказал мне: „Там есть очень толковый доброжелательный человек, генерал Бобков. Сейчас пойду и от Беляева (заведующий Отделом культуры ЦК КПСС – Э. М.) «по вертушке» ему позвоню…“ (Филипп Денисович Бобков, генерал-лейтенант, возглавлял 5-е управление КГБ, иначе Управление по борьбе с идеологическими диверсиями, созданное по личной инициативе Ю. В. Андропова, который считал, что „основной функцией органов госбезопасности является защита конституционного строя – не людей, стоящих у власти, а именно устоев государства“).

Минут десять спустя он вернулся и сообщил: „Я с ним говорил, он отнесся с пониманием и все передаст. К сожалению,

Пресс-бюро (Пресс-бюро КГБ. – Э. М.) ему не подчиняется…“

Несомненно, разговор Ф. Д. с Пресс-бюро повлиял на дальнейшие события…» [1].

Потом Богомолов напишет:

«Я до конца своей жизни всегда с благодарность буду помнить замечательных людей, чья гражданская позиция, смелость и мужество в принятии решений способствовали тому, что роман увидел свет. Это трогательный и отважный Валентин Павлович Аксенов (редактор издательства „Молодая гвардия“. – Э. М.), честный Олег Александрович Смирнов (и. о. главного редактора журнала „Новый мир“. – Э. М.), умный и проницательный Игорь Сергеевич Черноуцан, доброжелательный Альберт Андреевич Беляев, принципиальный генерал Филипп Денисович Бобков.

Низкий им поклон!» [2].

Еще в школе СМЕРШ Бобков понял важную истину: в контрразведке побеждает тот, кто имеет широту взгляда, знания, прежде всего гуманитарные, хорошую память и ищущий ум. Конечно, сугубо профессиональная школа СМЕРШ гуманитарных знаний университетского уровня дать не могла. Но выход был в самообразовании. И не от случая к случаю. А регулярно, методично, день ото дня самостоятельно идти к этим знаниям, читать и читать. Не бессистемно, а постигая историю России, классическую литературу, работы классиков марксизма. Пусть только Маркса, Энгельса, Ленина, но все же классиков политики и классовой борьбы.

Бобкову было легче. У него была предрасположенность к чтению еще с детства. Когда уходили из Донбасса на «большую» землю, отец положил в вещевой мешок двухтомник романа С. Н. Сергеева-Ценского «Севастопольская страда». Пока добрались до места назначения, прочитали оба тома. «А осенью сорок третьего, – рассказывал Бобков, – когда мы вошли в какой-то одинокий пустой дом на краю деревни, отбитой у немцев, я увидел на этажерке третий том „Севастопольской страды“. Взял с собой, читал по возможности между боями. А последний, четвертый том, одолел уже, когда лежал в госпитале после второго ранения».

Вот еще один книжный эпизод, который вспоминает Бобков: «Когда были на передислокации под Гжатском, к офицерам полка попала книга того же Сергеева-Ценского „Брусиловский прорыв“. Она долго ходила по рукам и в конце концов осела у меня. Я читал ее вслух солдатам во время перерывов на учениях, на привалах по пути на передовую. А закончил читать перед атакой на Гнездиловские высоты, за которые мы бились пять суток. Это

была череда непрерывных, жестоких боев».

А пока шло зачисление в школу СМЕРШ, грянула другая книжная история. Будущим слушателям школы поручили разобрать книги из частных собраний, из книжных хранилищ, разбитых во время блокады. Эти книги свозили в Петропавловскую крепость, и теперь они ждали, когда с ними разберутся, чтобы пополнить научные и публичные библиотеки. Бобков попал в команду, которой предстояло сортировать книги на хорах собора Петра и Павла. «Каких только уникальных изданий я там не увидел, – вспоминал он, – книги с автографами Достоевского, Герцена, Огарева, Горького, подшивки журнала „Будильник“… Мы забирались на хоры, читали запоем, оторваться не могли. Спохватывались, снова брались за разборку…»

Отчетливо вспоминается то, что пережито. Здесь пережитое связано с книгами. Это приобретает какой-то мистический смысл: книга в долгую дорогу, книга в одиноком доме, книга перед атакой, книги на хорах собора Петра и Павла… Может, книги и хранили человека? Такой вот книжный талисман, сохранивший жизнь бойцу.

А потом этот книжный талисман вывел бойца в мир серьезного знания. Школа СМЕРШ запомнилась самообразовательным прорывом. Каждое воскресенье Бобков посещал открытые лекции в университете, которые читал академик Евгений Викторович Тарле. Что значил Тарле для исторической науки? Его исследования о Наполеоне, о нашествии Наполеона на Россию, о падении абсолютизма в Западной Европе, о Европе в эпоху империализма, о Екатерине II и ее дипломатии, о внешней политике Петра I, о Крымской войне вывели советскую историческую науку на мировой уровень. И лекции его были настолько впечатляющими, что помнятся до сих пор.

Но Тарле был по воскресеньям. А по будням – «самообразовательные» вечера в богатейшей публичной библиотеке Ленинграда, что носит имя М. Е. Салтыкова-Щедрина. Но ведь были еще и воскресные вечера, которые посвящались театрам. Классические пьесы и современные драмы запоминались прежде всего игрой выдающихся ленинградских актеров того времени.

Но тогда же на ниве самообразования Бобков, – как он говорит, – получил политический нокдаун. Он, да и все его товарищи по школе СМЕРШ зачитывались рассказами М. Зощенко, стихами А. Ахматовой, что печатались в журналах «Звезда» и «Ленинград». Журналы те буквально ходили по рукам. И вдруг в августе 1946 года появляется постановление ЦК партии

с уничтожающей критикой этих изданий и сочинений этих авторов.

– Чувствовали, что это несправедливо, но понять, в чем дело, не могли, – говорит Бобков. – И не раздумывая понеслись в театр, чтобы успеть увидеть, пока не сняли, комедию Зощенко «Парусиновый портфель».

Такой вот был спонтанный ответ слушателей школы СМЕРШ на решение ЦК.

Спустя годы стало понятно, что вся эта кампания против журналов и Зощенко с Ахматовой была следствием борьбы определенных группировок за влияние в партии. А Бобков и товарищи тогда ломали головы над разрешением этой загадки, названной «политическим нокдауном».

Вспоминая свои самообразовательные бдения, Бобков признавался, насколько они помогли ему уверенно работать с разными людьми, смотреть на проблемы не чиновничьим, а исследовательским взглядом и находить стоящие решения.

Постижение контрразведки

После окончания школы СМЕРШ Бобков был направлен на работу в центральный аппарат Министерства государственной безопасности. Тому способствовало и стечение обстоятельств, и состояние здоровья. Сырой ленинградский климат был ему противопоказан: ранение легких не прошло бесследно. Стоило ему пробежать стометровку, как мучил кровавый кашель. Будущее определилось, когда пришла заявка из Москвы. В октябре 1946 года младший лейтенант Бобков переступил порог здания МГБ на площади Дзержинского. С должности помощника оперуполномоченного началась его служба.

Ранним утром, когда еще улицы были пусты, он спешил на работу. И каждый раз взгляд его задерживался на витрине коммерческого магазина, мимо которого он держал путь. А там, за сияющим стеклом, вальяжно расположились копченые и вареные колбасы, окорока, банки с крабами, севрюжьи бока, горбуша, кета и разная рыбка помельче. Он мог только вздыхать, сожалея, что лейтенантская зарплата не дает возможности вкусить это изобилие. Страна еще жила по карточкам, залечивая военные раны. И офицеры контрразведки, даже имея офицерский паек, не слишком отличались своим материальным благополучием.

Работа захватила сразу, потому что его включили в самые сложные дела. Уже прозвучала речь У. Черчилля в американском Фултоне, положившая начало холодной войне. В этой речи он сказал, что «на свет союзнической победы (над гитлеровской Германией. – Э. М.) легла черная тень Советской России и руководимого ею международного коммунистического сообщества и их настойчивых стараний обратить весь мир в свою веру», – это образ врага, который уравнивается с фашизмом. Вот как это им сделано: «Если бы монополией на ядерное оружие завладело какое-нибудь коммунистическое или неофашистское государство, в отличие от монополии на него США, то они смогли бы навязать свободному демократическому миру одну из своих тоталитарных систем». Черчилль тогда создал образ, объединяющий коммунизм и фашизм в одно целое, образ тоталитаризма, интегрального фашизма – врага человечества. Черчилль первый в новом послевоенном мире, кто объявил тождественность понятий коммунизма и фашизма. В последующие годы «советологи» и «русисты» в научных центрах шли по его колее. Советский Союз не просто враг – он идейный враг для христианской цивилизации. И в связи с этим образ

приобретает новый смысл: «Советская Россия хочет бесконечно наращивать свою мощь с одновременной экспансией своей идеологии». Черчилль говорил, что именно война и тирания, исходящие от Советского Союза, – враги простых людей и человечества.

Фултонская речь У. Черчилля как первая политико-идеологическая доктрина холодной войны удачно встроилась в планы американского военного командования. К декабрю 1945 года у США уже было 196 атомных бомб, и, согласно военным циркулярам, им готовилось достойное применение. В директиве Объединенного комитета военного планирования № 432/д от 14 декабря 1945 года (то есть через семь месяцев после совместной с СССР победы над Гитлером) говорилось:

«На карте к приложению А [документ разведки]… указаны двадцать основных промышленных центров Советского Союза и трасса Транссибирской магистрали – главной советской линии коммуникаций. Карта также показывает базы, с которых сверхтяжелые бомбардировщики могут достичь семнадцати из двадцати указанных городов и Транссибирскую магистраль. Согласно нашей оценке, действуя с указанных баз и используя все 196 атомных бомб… Соединенные Штаты смогли бы нанести такой разрушительный удар по промышленным источникам военной силы СССР, что он в конечном счете может стать решающим» [3].

В середине 1948 года был составлен план «Чариотир» – по нему предполагалось сбросить 133 атомные бомбы на 70 советских городов. К 1 сентября 1948 года появился документ «Флитвуд» – своего рода методическое руководство к составлению оперативных планов. А уже 21 декабря 1948 года был готов разработанный по этой методике оперативный план бомбардировки СССР. В 1949 году родился еще один план – «Дропшот», по которому в первые дни войны на СССР планировалось сбросить более 300 атомных бомб, не считая обычных, способных уничтожить до 85 процентов советской промышленности [4].

В связи с разработкой таких планов активизировалась американская разведка. Чтобы планировать нанесение ударов по Советскому Союзу, необходимо было представлять оборонные возможности этой страны – инфраструктуру, жизненно важные промышленные предприятия, систему противовоздушной обороны, расположение военных аэродромов, типы боевых самолетов на них.

Генерал Кертис Лемей, глава стратегической авиации США, знал, что экипажи его бомбардировщиков после сброса ядерных

бомб на советские города должны будут катапультироваться над территорией СССР, поскольку у самолетов не хватит топлива, чтобы вернуться на свои базы. Поэтому Лемей ставил перед ЦРУ задачу создания маршрутов эвакуации экипажей бомбардировщиков, требовал от ЦРУ быть готовыми организовать диверсии на взлетно-посадочных полосах советских военных аэродромов, чтобы нейтрализовать советскую авиацию, способную помешать американским бомбардировщикам выполнить свою боевую задачу. ЦРУ планировало тогда расположить своих агентов с радиостанциями близ советских аэродромов, которые находились между Берлином и Уралом.

Поэтому тогда резко увеличилось количество забрасываемых на территорию СССР разведывательно-диверсионных групп. Бобкову пришлось работать с такими группами. Контрразведывательная особенность такой работы была в том, что эти группы формировались из бывших советских граждан, – либо из тех, кто попал в немецкий плен в годы войны, либо из так называемых перемещенных лиц – людей, в свое время вывезенных немцами на работу в Германию и оставшихся там или попавших в Германию в поисках куска хлеба. Такая особенность этих групп диктовала и особые подходы к агентам, что действовали в их составе.

Вот что рассказывает Бобков:

«В начале 50-х годов в местечке Тагернзее, что в 50 километрах от Мюнхена, в большом двухэтажном особняке, стоявшем особняком, расположилась американская разведывательно-диверсионная школа. Преподавателями-наставниками в ней были американцы и русские. Настал момент, когда восемь выпускников школы с интервалами в несколько дней были попарно заброшены в разные районы СССР с целью разведки и организации диверсий на промышленных объектах. Их хорошо подготовили, все было предусмотрено, чтобы агенты не провалились. Организаторы операции не могли предусмотреть только одного. В школе работал наш человек, и отнюдь не в роли рядового курсанта. Так что нам заведомо стало известно, кто, где и когда будет к нам заброшен. Мы дали агентам возможность найти надежные тайники, спрятать свое снаряжение, а потом задержали. Семеро из них оказались солдатами, попавшими в годы войны в немецкий плен. В послевоенные годы всем им пришлось влачить жалкое существование в Западной Германии, но домой они боялись вернуться – были убеждены, что их немедленно, чуть ли не на границе расстреляют. После нескольких допросов мы убедились, что четверо из них не враги,

а просто несчастные, измученные люди. Их выпустили на свободу, помогли устроиться на работу, получить жилье.

Один из этих заброшенных агентов – Петр Кудрин, по кличке Боб, привлек к себе особое внимание. Из родных мест он ушел еще мальчишкой, вслед за отступавшими немцами. На чужбине жизнь его была невыносимой: ни жилья, ни работы, лишь редкие случайные заработки. Вконец отчаявшийся, он попал в американскую разведывательно-диверсионную школу, после подготовки в которой он оказался на территории СССР. Мы поверили ему и предложили помогать нам. Он согласился.

По заданию своих хозяев он должен был обосноваться недалеко от Москвы. Поэтому устроили его на завод по производству термометров, что в Клину. Но самое важное – близ этого завода находился военный аэродром. А как предписывали его американские руководители, он должен был обосноваться рядом с этим аэродромом. Боб написал первое донесение и в условленный день и час вышел на связь с центром. Агент сообщил, что благополучно прибыл, нашел работу в Клину и о дальнейшем будет сообщать регулярно. Боб передал нам двадцать шесть условных сигналов, по которым в американском разведцентре могли определить, не работает ли он под контролем. Например, на вопрос: „Слушаете ли вы «Голос Америки?»“ – радист должен был ответить: „Слушаю голос кита“. Любой другой ответ означал бы, что передачу контролируют.

Мы верили, что Петр не обманывает, однако сомневались, полностью ли доверяют ему хозяева. А вдруг догадаются, что он ведет тонкую игру. Поэтому решили кое-чем пожертвовать.

На верхушке дерева оборудовали ему „рабочее место“, откуда хорошо просматривался аэродром. Несколько дней подряд Боб вел наблюдения, записывая все, что видел, и регулярно с этого „места“ выходил на связь. Благодаря этим сведениям его хозяева могли определить, что представляет собой аэродром, сколько там базируется самолетов, их типы.

Спустя некоторое время наш агент в Берлине передал американской разведке вместе с другими „секретными данными“ и сведения о военном аэродроме в Клину. Они почти полностью совпали с тем, что было ранее сообщено Бобом. Мы знали, что обе информации попадут в одни руки, значит, не останется сомнений в правдивости сообщений агента.

Полтора года Боб вел игру, и она принесла нам немалую пользу. По вопросам, которые разведцентр ставил перед Бобом, мы точно установили, что именно интересует американцев» [5].

А интересовало их то, что требовал генерал Лемей от ЦРУ, готовя свою стратегическую авиацию для ядерных ударов по

СССР.

По большому счету успех этой контрразведывательной операции, как и других подобных, в которых принимал участие Бобков, зависел от того, насколько искусно контрразведчики могли работать с людьми, ставшими агентами вражеской разведки. Работать тонко и проникновенно, погружаясь в хитросплетения человеческих судеб.

В начале 50-х годов американцы отказались от планов нанесения ядерных ударов по Советскому Союзу. И не только благодаря растущей военной мощи СССР, у которого к концу 1949 года уже была своя атомная бомба, но и в силу «внутрисоветских» причин, главная из которых – отношения власти и народа. Американская разведка обратилась тогда к ученым Университета Гарварда, чтобы те выявили настроения советских людей, хотя бы из числа перемещенных лиц, что содержались в лагерях на территории Западной Германии. И неожиданным оказалось для американцев то, что далеко не все советские люди мыслили, как солженицынский Спиридон Данилович из романа «В круге первом»: «Если бы мне, Глеба, сказали сейчас: вот летит такой самолет, на ём бомба атомная. Хочешь, тебя тут как собаку похоронит под лестницей, и семью твою перекроет, и еще мильён людей, но с вами – отца Усатого и все заведение их с корнем, чтоб не было больше, чтоб не страдал народ по лагерям, по колхозам, по лесхозам?.. Я, Глеба, поверишь? нет больше терпежу! терпежу – не осталось! я бы сказал… А ну! ну! кидай! рушь!!».

Фиксация такого мнения, пожалуй, была не меньшим успехом американского ЦРУ, чем проведение тайных операций на территории СССР.

После этого американцы обращаются к новой стратегии в отношении СССР, которая к тому времени уже была разработана талантливыми функционерами Государственного департамента США и ЦРУ. Ведущая роль здесь принадлежала Джорджу Кеннану, возглавлявшему тогда отдел планирования внешней политики Госдепартамента США. Как пишет биограф ЦРУ Тим Вейнер, 4 мая 1948 года в одном сверхсекретном документе, предназначенном для двух десятков лиц в Госдепартаменте, Белом доме и Пентагоне, Кеннан провозгласил «инаугурацию организованной политической войны» против Советского Союза и призвал к созданию новой тайной службы, которая займется проведением операций во всем мире. Так впервые негласно Советскому Союзу была объявлена политическая война. Кеннан определенно заявил, что план Маршалла и тайные операции ЦРУ отныне становятся частями одной большой стратегии,

направленной против Сталина [6].

Здесь небольшое отступление по поводу плана Маршалла. Согласно этому плану, шестнадцати европейским странам, чья экономика пострадала в годы войны и где у власти были некоммунистические правительства, предлагались миллиарды долларов в качестве финансовой помощи. А скрытая цель была еще и в том, чтобы с помощью этих стран создать американский экономический и политический барьер против Советского Союза. Американский конгресс выделил на план Маршалла около 13,7 млрд долларов на срок более пяти лет. А дальше началось самое интересное. Страна, которая получала помощь по этому плану, должна была зарезервировать эквивалентную сумму в собственной валюте. При этом пять процентов из указанного бюджета, 685 млн. долларов, поступали в распоряжение ЦРУ через заграничные представительства плана Маршалла. Как отмечает Тим Вейнер, это была глобальная схема отмывания денег, которая оставалась секретной вплоть до полного окончания холодной войны. Добавим, что как раз на эти деньги, ставшие деньгами ЦРУ, и велась подрывная работа против СССР.

Идеи Кеннана о политической войне с Советским Союзом были одобрены в секретной резолюции Совета национальной безопасности США от 18 июня 1948 года. Тайные операции против СССР теперь можно было вести согласно директиве 10/2 СНБ. Ударной силой, которая могла организовать и вести такие операции, стало Управление координации политики ЦРУ. И все благодаря тому, что это управление возглавил Фрэнк Уизнер. Это была легендарная личность. Как свидетельствует Т. Вейнер, Уизнер работал в «состоянии контролируемого безумия» не менее двенадцати часов в день, шесть дней в неделю, и такой же самоотдачи требовал от подчиненных. Его управление вскоре переросло все остальные в составе ЦРУ. Тайные операции стали доминирующей силой Управления; в эти операции было вовлечено больше людей, больше материальных и финансовых средств и больше власти.

По планам Уизнера, мощным оружием политической войны должно было стать радио. И подрывную деятельность против Советского Союза тогда планировалось строить на радиопропаганде. Радио доказало свою ударную возможность во Второй мировой войне во всех воюющих державах. Американцы учились и у немцев, и у англичан. Но они не только перенимали опыт, они намерены были превзойти достижения и тех и других во влиянии на людей. Уизнер создал мощную группировку СМИ для пропаганды, в которой ведущими были радиостанции, выполняющие провоцирующую и организующую роль в создании

антисоветских групп в Советском Союзе.

Но выход радио на сцену политической войны произошел еще до появления планов радиовойны от Фрэнка Уизнера. Политическое радио заявило о себе 17 февраля 1947 года, когда правительственная радиостанция «Голос Америки» начала вещать на Советский Союз. А в Советском Союзе в это же время рижский радиозавод выпустил приемник с ультракоротковолновым диапазоном. Покупали его хорошо, публика могла свободно слушать зарубежные радиопередачи. И, конечно, «Голос Америки».

По этому поводу в МГБ собрали рабочую группу из представителей разных отделов для обсуждения этой ситуации, итогом чего должно было стать некое решение, оформленное запиской в ЦК партии. Группу возглавил Леонид Райхман, к тому времени заместитель начальника второго Главного, контрразведывательного управления МГБ. И его подчиненный Филипп Бобков тоже оказался в этой группе.

Собирались несколько раз и дискутировали, невзирая на чины и звания. Но в целом спор свелся к противостоянию «молодых» и «старых» чекистов. «Старики» предлагали изъять у населения приемники, как это сделали в начале Великой Отечественной войны. «Молодежь» эту идею не воспринимала. Итоги дебатов подвел Райхман. Позиция его была по тем временам смела: технический прогресс не остановить, изъятием радиоприемников мало чего добьешься, только вызовешь недовольство людей, а вообще надо быть готовым к идеологической борьбе с нашим противником на поле радиопропаганды. Ну а ближайшая мера – потребовать от производителей радиоаппаратов исключить диапазон УКВ на выпускаемых приемниках. Что и было сделано. А вот по первой части его выступления, оформленной запиской в инстанции, как принято тогда было говорить, и которая, конечно, была адресована партийным функционерам из Управления агитации и пропаганды, ничего не было сделано. От идейной борьбы ушли, закрывшись на долгие годы «радиоглушилками». Это была, пожалуй, первая ситуация, которую наблюдал Бобков, когда явным стало расхождение в понимании проблемы между партийными чиновниками и чекистами. В этом расхождении партийная позиция была далеко не прогрессивной.

Надо сказать, что Бобков познавал тонкости контрразведки, работая под началом талантливых контрразведчиков. Одним из них и был Леонид Федорович Райхман, предложивший столь смелое решение проблемы противодействия американской радиопропаганде. Райхман – интеллектуально одаренный

человек, автор эффективных контрразведывательных операций, чье имя связывают с деятельностью Николая Кузнецова, легендарной личности в советской разведке. Райхман был родом из семьи ремесленника, и свое образование он получил в начальной школе. Но следствием этого начального образования стала неуемная жажда чтения, превратившаяся скоро в систему самообразования. Чекистская деятельность у него, семнадцатилетнего парня, началась в 20-е годы в Ленинградском управлении ГПУ. В начале 30-х способного сотрудника перевели в Москву, в центральный аппарат НКВД. Карьера развивалась стремительно: в 1938 году он – начальник отделения, а потом заместитель начальника отдела Главного Управления госбезопасности НКВД СССР. Свидетельница из того времени спустя десятилетия скажет о Райхмане начала 40-х годов: «Молодой военный с густой шевелюрой волос, маниакально упоенный следственной деятельностью». В 1941 году Райхман – заместитель начальника управления контрразведки НКГБ СССР, с 1946 года – заместитель начальника второго (контрразведывательного) Главного управления МГБ СССР. Со слов тех, кто его помнит: невысокого роста, ладный, обаятельный в общении, всегда незауряден в делах, точен, аккуратен, тщательно выбрит, отутюжен, пахнет дорогим одеколоном, всегда с неизменной папиросой из дорогой коробки марки «Казбек», о которую постукивает мундштуком, прежде чем закурить. Его начальником был небезызвестный контрразведчик Павел Васильевич Федотов, о котором в служебной характеристике говорилось: «свою работу знает хорошо, в выполнении заданий медлителен, что объясняется чрезвычайной тщательностью работы». Эта некоторая медлительность Федотова хорошо компенсировалась энергетикой и изобретательностью Райхмана. Но конфликтов между ними не было, Федотов очень ценил своего зама. Супруга Райхмана, прима-балерина Большого театра Ольга Лепешинская, рассказывала: «Мы с Федотовыми дружили семьями, часто собирались вместе. Так принято было: легкое застолье, интересные разговоры, песни. У Райхмана был прекрасный баритон, абсолютный слух, пел он красиво. И столько песен знал! У нас в гостях бывали Эйзенштейн, Пудовкин, многие известные люди искусства. Райхман никогда не терялся, общаясь с ними. Он как-то умудрялся быть своим среди них».

Мог ли тогда представить Бобков, что спустя четыре года после того совещания по проблемам радио, летом 1951 года, Райхман будет арестован, так же как некоторые другие начальники управлений и отделов МГБ, а перед этим будет арестован министр госбезопасности В. Абакумов. Все эти аресты и

скандалы, которые сотрясали тогда МГБ, были следствием жестокого столкновения группировок, борющихся за власть в стране. Как вспоминал Бобков, «мы шли на работу, не зная, что нас ждет, а уходя, шутили: „Если не вернусь, считайте меня коммунистом“». Но тем не менее даже в тех условиях контрразведка свою работу делала.

Я бы отметил одну особенность мышления Райхмана, которая оказала влияние на Бобкова. Заключалась она в том, что действие любого приема или средства, применяемого иностранной разведкой, он проецировал в будущее, ставя это действие в новые обстоятельства, соединяя его с достижениями научно-технического прогресса и ожидаемыми новыми формами социальной жизни. Когда ЦРУ занялось созданием мощной группировки СМИ, ориентированной на пропаганду, он понял раньше всех, насколько и как усилится потенциал подрывных действий против существующего строя в СССР.

А Штаты действительно наращивали радионаступление. В начале 1951 года начались регулярные передачи радио «Свободная Европа», а в марте 1953 года прорезался голос радио «Свобода». Они считались частными радиостанциями, и американское правительство заявляло, что не имеет к ним никакого отношения. ЦРУ имело, негласно, а правительство – нет. Тогда же, в начале 50-х, ЦРУ помогло развернуться на американские деньги и радиостанции НТС «Свободная Россия», что вещала из Западной Германии, из Южной Кореи, с Тайваня на Советский Союз. Главная, стратегическая идея, в соответствии с которой они действовали, определялась откровенно: это «голоса революционеров, действующих против существующих режимов в тех странах, на которые шли передачи». Солидный источник дает основание утверждать, что это были, конечно, подрывные радиостанции. Да и американцы потом это подтверждали, не стесняясь.

Одно из свидетельств принадлежит старшему научному сотруднику Архивов национальной безопасности США Джону Прадосу: «В самом начале – с 1950 по 1952 год – ЦРУ было главным спонсором „Свободы“ и „Свободной Европы“. Оно предоставляло им не только деньги, но всю аппаратуру и необходимых технических экспертов. Однако постепенно стратегия „Свободной Европы“ начала меняться. Она стала больше ориентироваться на социально-культурные процессы в восточноевропейских государствах, открылась для финансирования со стороны частных лиц. Роль ЦРУ как ее ментора уменьшалась. В совете директоров осталось всего, может быть, пара людей, которые осуществляли связь с Лэнгли (штаб-

квартира ЦРУ. – Э. М.) и соответственно выполняли его волю. Однако им еще нужно было убедить остальных членов совета в необходимости принятия тех или иных рекомендаций ЦРУ. На радиостанции „Свобода“ была другая ситуация, поскольку она напрямую финансировалась ЦРУ в течение длительного периода времени… Я думаю, что роль… „Свободы“ и „Свободной Европы“, вещавших с территории Европы на СССР и другие страны Восточного блока, была (в холодной войне. – Э. М.) особенно велика. Некоторые эксперты считают, что радиостанция «Свободная Европа» сыграла роль прямого катализатора восстания венгров против коммунистической системы в 1956 году. У нас нет стопроцентных свидетельств того, что эта радиостанция призывала венгров к восстанию, хотя, безусловно, мы не можем утверждать, что она соблюдала полный нейтралитет во время тех событий. В любом случае и события в Венгрии, и события в Чехословакии, и развал СССР (недаром Борис Ельцин как-то признался, что из всех радиостанций он слушал в основном „Свободу“) дают возможность судить о степени влияния американских радиостанций на умы и души жителей Восточной Европы» [7].

Контрразведка КГБ знала, что мощную подрывную радиодеятельность инициировал неистовый Фрэнк Уизнер, что создан комитет радио «Свобода», в котором работают сотрудники ЦРУ, занимая там официальные должности, что вещание «Свободы» организовано на 22 языках (практически на языках большинства народов, населявших СССР). Деятельность этого радиокомитета шла по двум направлениям. С одной стороны, радиопропаганда, в которой умело использовались все просчеты и ошибки лидеров коммунистической партии и государства. Делались прямые призывы к открытой борьбе с существующим коммунистическим режимом. С другой стороны, комитет и радио «Свобода» занимались агентурной работой, поиском сообщников, объединением их в группы, оказанием им материальной помощи. Делалось это для того, чтобы эти группы создавали внутри страны так называемые «очаги сопротивления», которые способны были бы в нужный момент выступить и поддержать тех, кто возьмет на себя смелость начать открытую борьбу. В программе комитета говорилось о том, что его целью является необходимость добиваться так называемых «конструктивных» изменений в СССР. Комитет радио «Свобода» был одним из самых эффективных центров идеологической диверсии. Именно диверсии, а не только пропаганды.

Параллельно с радионаступлением американцы занялись мобилизацией антисоветских центров эмиграции. Внимание было

обращено прежде всего к НТС – Народно-трудовому союзу. Этот союз был наследником созданного в 1932 году Национально-трудового союза нового поколения, молодежного крыла белогвардейской военной организации, рожденной в эмиграции офицерами белых армий, бежавшими после гражданской войны в России в Европу и нашедшими потом пристанище во Франции, Германии, Югославии, Чехословакии. С момента образования НТС занял резко антисоветскую позицию и посвятил свою деятельность борьбе с советской властью в СССР. В Великую Отечественную войну агенты НТС появлялись на оккупированных немцами территориях Советского Союза и формировали подпольные группы сопротивления для последующей борьбы с властью коммунистов. После войны НТС сотрудничал с английской разведкой СИС, потом его подобрало американское ЦРУ. Один из руководителей НТС профессор В. Д. Поремский в начале 50-х годов разработал так называемую «молекулярную» теорию для подрывной работы. Сначала он ставит вопрос: что невозможно в тоталитарных условиях? Невозможна разветвленная организационная структура с ее разделением функций, системой подчинения и связей для борьбы с режимом. Но, может быть, структура организации и не столь важна, когда есть единство идей и действий? Если эффективность организации, рассуждает Поремский, равна произведению трех факторов – структуры, единства идей и единства действий, – то такую же эффективность можно получить, уменьшив первый фактор и увеличив последние два. И в этом суть тайной организации «молекулярного» типа. Она становится неуязвимой из-за сведения к минимуму структуры внутри страны-противника. Ведь любая «организация» всегда вызывает интерес органов безопасности. А когда ее нет, когда существует лишь некий центр за пределами страны, который направляет «молекулам» – жителям этой страны безадресную информацию, чтобы усилить единство их взглядов и индивидуальных действий, то сопротивление режиму становится невидимым. При определенных условиях создается единство взглядов, настроений «сопротивленцев», этих людей-«молекул», что способны в час «Х» поднять массы. Сами же люди-«молекулы» сигнализируют другим «молекулам» о своем существовании безадресно: распространяя листовки, подпольную литературу, рисуя символы, делая надписи в публичных местах. Единство действий, в свою очередь, предусматривает, по мнению Поремского, самообразование, общение в группах из двух – четырех человек («кухонные разговоры»), продвижение на выгодные в будущем позиции. По мере роста числа «молекул» самые активные из них перестают

лишь пассивно принимать безадресные сообщения от зарубежного центра, а вступают с ним в конспиративную обратную связь, создавая «каркас» организации. Насыщение страны-противника «молекулами», делает вывод Поремский, изменяет психологический климат в обществе, вселяет веру в собственные силы, подтачивает могущество коммунистической власти и, главное, создает условия, при которых взрывные ситуации станут возможными даже при небольших выступлениях, забастовках, демонстрациях, митингах. Теория Поремского приглянулась и американцам. Но главное – она открыла новое дыхание для НТС, мобилизованного на подрывную войну в СССР.

Бобкову пришлось осваивать новую сферу контрразведки и искать технологии и приемы работы в ней. Когда с помощью радио «Свобода» и приезжих эмиссаров НТС делались попытки создания подпольных групп, которые должны были вести антисоветскую деятельность, то контрразведка стремилась выявлять эти группы уже на стадии зарождения или в начале их активности. В середине 60-х годов в Москве, Ленинграде, в некоторых республиках СССР было выявлено несколько десятков таких антисоветских и националистических групп. По крайней мере, развернуться таким группам, превратиться в «очаги сопротивления» на территории СССР контрразведка не дала.

Но дело группы Гинзбурга, Галанскова, Добровольского и Лашковой оказалось «шумным». Группа готовилась издавать газету «Посев», представляя себя ее московским отделением. «Посев» – это было издание НТС, нацеленное на борьбу с коммунистическим режимом в СССР. И вот теперь группа Гинзбурга превращалась в московский форпост НТС со своей газетой, программой, активистами, в соответствии с «молекулярной» теорией Поремского. Дело этой группы показало, насколько противоречива была позиция партии в отношении антисоветской деятельности, предъявленной мировому общественному мнению, в отношении КГБ, вскрывшего эту деятельность. Вот что рассказывал в связи с этим Бобков.

«Процесс был громким – весь мир оказался вовлеченным, а нашим властям хотелось и влияние сохранить, и уйти от того негатива, который стал серьезно сказываться на обстановке в государстве. Ситуация дошла до того, что в отделе информации ЦК КПСС родилась идея обвинить КГБ в фальсификации дела. В первый день судебного процесса Ю. В. Андропов (к этому времени он уже был шесть месяцев на посту председателя КГБ) позвонил мне с вопросом: „Есть ли среди обвиняемых агенты КГБ?“. Отрицательный ответ не успокоил, к вечеру меня вызвал его первый заместитель Цвигун и в присутствии начальника

секретариата Крючкова стал буквально настаивать на том, что дело создано руками агентуры. То ли очень хотелось выявить провокацию предшественников (дело возникло при Семичастном – председателе КГБ до Андропова), то ли страх одолевал (можно ли возразить против глупости, рожденной в самом ЦК КПСС?). Должен сказать, что Андропов, в отличие от Цвигуна, не побоялся отстоять истину, не отошел в сторону. Дело Гинзбурга с доказательной стороны не вызвало вопросов у суда».

В 50-е годы контрразведка КГБ столкнулась еще с одной сферой, которую ей пришлось тоже осваивать. Это публичные волнения на политической или национальной почве. Первое такое волнение случилось в марте 1956 года в Тбилиси. Уже три года в городе существовала своего рода традиция: 5 марта, в день смерти Сталина, люди шли с цветами и венками к его памятнику, который был поставлен еще при его жизни в парке на берегу реки Куры. Но в феврале 1956 года состоялся XX съезд партии, на котором ее первый секретарь Никита Хрущев выступил с докладом, осуждающим культ личности Сталина. В Тбилиси готовились к очередному возложению цветов и венков, но тут пришла весть о докладе Хрущева. Так как доклад нигде не публиковался, то весть эта пришла в виде слухов, будто съезд в Москве оскорбил личность Сталина. При этом ЦК партии Грузии распорядился не делать и не продавать венки для возложения к монументу Сталину. Это еще больше подогрело страсти и приумножило и без того немаленькие ряды защитников вождя. Прежде всего, возмутилась студенческая молодежь. Но никто не знал, как успокоить студентов. Власть вообще не знала, как вести себя в ситуации, когда отмечать очередную годовщину смерти Сталина нельзя, а сказать, почему нельзя, – никто не может. 5 марта на берегах Куры собрались сотни тысяч людей. Образовался стихийный митинг, звучали призывы к непослушанию Москве, кто-то выступал против Хрущева, кто-то призывал к независимости Грузии. Начались беспорядки. Обстановка потребовала объявления осадного положения в городе и ввода войск.

Глава КГБ СССР И. Серов для наведения порядка в столице Грузии направил туда группу сотрудников КГБ. Это была достаточно представительная команда – заместители начальников двух ведущих управлений, с ними – опытные профессиональные работники. В этой группе был и Бобков. Вот как они действовали, по словам Ф. Д. Бобкова:

«Приехав в Тбилиси, мы начали с того, что попытались разобраться в том, что происходит и почему, а главное – понять, что делать. Трудность, опять-таки, была в том, что даже мы –

представительная, опытная, профессиональная команда КГБ – не знали настоящего содержания доклада Хрущева. Даже нас с докладом никто не ознакомил. Аргументировать призывы, просьбы, требования прекратить стихийную волну протестов приходилось чисто интуитивно, ориентируясь только на свое представление и понимание происшедшего на съезде. Это было непросто. До сих пор в памяти разговор с Маквалой Окроридзе, редактором газеты „Сталинское племя“, издававшейся в Гори, родном городе Сталина. Она активно выступала на митингах, призывала к защите имени Сталина и непризнанию доклада Хрущева. Она пользовалась большим авторитетом и поддержкой митингующих в Гори и Тбилиси. Она, конечно, могла бы помочь нам успокоить людей, если бы мы могли убедить ее в необходимости сделать это. А пока ее позиция и мотивы выступлений были такие: „Я родилась в Гори. Наш дом рядом с домом Сталина. Я окончила школу имени Сталина, университет имени Сталина. Была пять лет сталинской стипендиаткой. Писала дипломную работу о трудах Сталина. Издаю газету «Сталинское племя». Как я могу выступать против Иосифа Виссарионовича?“. Аргумент у меня был всего один: „Не могу оценивать вашу биографию и даже осуждать сегодняшнее поведение. Но если мы пойдем против партии, которую воспитал Сталин, а такое станет возможным, если не успокоить людей, то не будет ли это антисталинским шагом?“. Путано, но что еще можно было сказать в такой ситуации? Убедить Маквалу в конце концов удалось, и она много сделала для недопущения протестных настроений против доклада Хрущева. Но ведь эта женщина была только одной из тех, кто звал людей к митингам в защиту имени Сталина, не зная при том доподлинно, в чем его обвинили на съезде. Аргументы для успокоения людей приходилось выбирать индивидуальные в каждом конкретном случае. Они не повторялись при встречах с офицерами национальной грузинской дивизии в Кутаиси, с рабочими и инженерами на авиазаводе в Рустави, в беседах со студентами университета и других вузов».

Потом пришлось разбираться с задержанными на улицах Тбилиси в ночь на 6 марта, когда вводилось осадное положение. Таких оказалось более четырехсот человек. Расследование показало, что обоснованно были задержаны только 26 человек – это были активисты, призывавшие к антиобщественным акциям, к массовым беспорядкам. Остальных освободили. И это сразу изменило настроения и обстановку в городе. Местным газетам посоветовали публиковать портреты Сталина со словами, посвященными годовщине его похорон. Порядок восстанавливался. И здесь интересная подробность, которую

отмечает Бобков: удалось даже уговорить руководителей ЦК Компартии Грузии выйти на площадь к митингующей толпе. Их встретили без восторга, но спокойно.

Явно обозначилась тенденция к затуханию конфликта. Но особенность публичных волнений в том, что они заканчиваются лишь после прохождения кризисной точки. Как правило, кризис вспыхивает, когда появляются провокаторы. Вот и в тбилисских событиях произошло то же самое. 9 марта на митинге, уже в значительной степени успокоенном, появилась группа экстремистов, возглавляемая неким выходцем из города Сталинири (ныне город Цхинвали). Они стали призывать толпу к захвату Дома связи, чтобы по радио обратиться к мировым державам и призвать их к поддержке митингующих в Тбилиси. Многотысячная толпа, ведомая провокаторами, осадила Дом связи, но передние ряды не решались прорвать цепь солдат, охраняющих этот объект. И тогда раздался выстрел. Стрелял главарь этих провокаторов. Настроение толпы моментально изменилось, и она бросилась на штурм. Остервеневшие люди ворвались в Дом связи. Дальше первого этажа они пробиться не могли, но на первом этаже случился настоящий бой. Нападение на солдат закончилось тем, что один из них был вынужден стрелять. От этой автоматной очереди погиб 21 человек. Так трагически закончились публичные волнения в Тбилиси. На следующий день все митинги прекратились, и город окончательно пришел в себя после угара антиправительственных выступлений.

Какие тогда выводы сделал Бобков как контрразведчик после этих событий в Тбилиси?

Во-первых, массовые волнения «запускаются» благодаря слухам, неполной искаженной информации. Чтобы предотвратить такие волнения, нужно смело выходить к людям и говорить им полную правду о сложившейся ситуации, не утаивая ничего. И говорить такую правду должны прежде всего партийные лидеры.

Во-вторых, если волнения не удается остановить, то необходимо определить активистов стихийных выступлений, в полемике с ними убедить их в неконструктивности их позиции и с их помощью успокоить массу.

В-третьих, оперативным путем нужно выявлять потенциальных и действующих провокаторов, экстремистов, провоцирующих толпу на незаконные действия, и изолировать их.

В-четвертых, все действия по прекращению массовых волнений должны параллельно сопровождаться мощным «прессингом» СМИ, в которых объективно и честно излагать и комментировать события и поступки людей.

Для того чтобы находить верные решения и действовать в той обстановке конца 50-х – начала 60-х годов, Бобков (к тому времени он уже был заместителем начальника Главного управления контрразведки) придерживался определенной политической истории, которая была результатом его личных размышлений по поводу текущих событий. Конечно, это не была официально или ведомственно оформленная политическая история, а была история, которая складывалась из его личных наблюдений и оценок тех процессов, что шли в стране, оценок после чтения Маркса и Ленина, иногда после доверительных обсуждений с коллегами. Но эта «своя» история помогала ориентироваться, была полезна и необходима для действий в той обстановке.

Вот пример такой истории.

«Именно на период хрущевского правления приходится самая интенсивная фаза холодной войны. Активность холодной войны при Хрущеве объяснима тремя причинами. Во-первых, неожиданность удара по сталинскому времени привела к растерянности внутри самого СССР, к началу расслоения советского общества. Во-вторых, непродуманность концепции развития страны привела к шараханью даже в таком вопросе, как дальнейшие оценки Сталина (то он злодей, то „мы его в обиду не дадим“). В-третьих, оказались несостоятельными все попытки Хрущева наладить экономику – период его пребывания у власти сопровождался непоследовательными, подчас взаимоисключающими решениями. Многие люди во власти начали жить своей жизнью, меньше заботиться о народе. Возникла и нарастала теневая экономика. Ей способствовала ликвидация артельного труда, промысловой кооперации; ликвидация частного скота, приусадебных участков у тружеников села, линия на перевод колхозов в совхозы.

Потому иностранные разведки легко находят в СССР недовольных, обиженных людей, способных сознательно, а зачастую по недомыслию сотрудничать с центрами психологической войны.

Хрущев укреплял власть, прежде всего, усилением влияния партийного аппарата не только на политическую и государственную жизнь страны, но и на хозяйственно-экономическую деятельность. Хрущев укрепил отраслевые отделы Центрального комитета КПСС (сельскохозяйственный, тяжелой, легкой, оборонной промышленности, отделы финансов, здравоохранения и другие), но они дублировали Госплан и соответствующие отделы Совета министров, подменяли их. При этом с них не снималась ответственность за результаты текущей

работы. Произошла подмена советской власти властью партийной. Советы отодвигались все дальше и дальше от управления, особенно в регионах.

После XX съезда коммунистической партии, на котором Хрущевым был осужден культ личности Сталина, в рядах самой партии не было никакого понимания событий. Часть коммунистов сказали бы „да“ кому угодно. Они и подчинились Хрущеву в силу партийной дисциплины. Это честные люди, но инертные и послушные, неспособные к действиям, к выражению собственного мнения. Вторая часть была против, но делала это молчаливо, ушла в глухую оборону. Но появилась и третья часть, коммунисты, которые не только пошли с Хрущевым, но и забежали вперед: они рьяно требовали идти дальше по пути разоблачений, выражая недоверие членам Политбюро, которые работали когда-то со Сталиным и оставались и теперь в его составе. Это было, как выяснилось, испытание, к которому никто не был готов. Хрущев принимал решения одно импульсивнее другого, что свидетельствовало о его глубочайшей растерянности. Ему хотелось дозированных разоблачений, в Президиуме ЦК еще оставались Молотов, Каганович, Маленков, Ворошилов… И начались внутрипартийные репрессии. Неуверенность и растерянность Хрущева стоила партийных билетов генералу Григоренко и физику Орлову. Оба встали впоследствии во главе группы диссидентов.

Новый взрыв культа Сталина произошел на XXI съезде, который был почти весь посвящен этой теме. Уже появлялись значимые произведения советских писателей на эту тему. Но снова складывалась двойственная ситуация: власти, развязывая критику Сталина, призывали убрать практически все, что связано с именем вчерашнего вождя, но к выступлениям общества на ту же тему относились осторожно. Здесь таилась причина копившегося недовольства, прежде всего в среде репрессированных и их близких. Кроме них структурировался слой интеллигенции и молодежи, которые стремились утвердить себя на новой идеологической основе. Кто-то шел по этому пути искренне, кто-то делал карьеру, завоевывал популярность. Здесь и черпали для себя ресурсы западные спецслужбы: первым диссидентам давали трибуну радио „Свобода“, печатные издания НТС и другие антисоветские центры. Хрущев же тем временем, с одной стороны, публично рассказывал о своих встречах с сыновьями репрессированных военачальников, выражал сочувствие их судьбам, поддерживал репрессированных, а позже амнистированных членов партии, а с другой – громил художественную выставку в Манеже и топал ногами на поэта

Андрея Вознесенского.

Хрущев, может быть, сам того и не замечая, а может быть, и замечая, порождал ситуацию, которая создавала благоприятные условия западным эмиссарам спецслужб для рекрутирования недовольных. Эти эмиссары брали „гонимых“ под свое „крыло“, а значит, под свое влияние».

Такие политические истории в уме для «внутреннего» пользования стали частью профессиональной технологии политического контрразведчика, и с течением времени они предстают как личный исторический и политический документ.

Американский вызов: появление Пятого управления

Американский вызов, сотворенный политиками и учеными

Пружина холодной войны, взведенная после фултонской речи Черчилля, закручивалась с годами все сильнее. Это видно по тем директивам, которые принимал Совет национальной безопасности США, и тем программам, которые разрабатывало и осуществляло ЦРУ.

В сентябре 1949 года в американском Совете национальной безопасности родилась директива СНБ-58. Президент США Г. Трумэн утвердил ее как руководство к действию. Изложенные в ней политические цели и технологии не устарели до последних лет существования СССР и стран – его союзников. Вот некоторые фрагменты из этой директивы:

«Наша конечная цель, конечно, появление в Восточной Европе нетоталитарных правительств, стремящихся взаимодействовать и найти свое место в свободном мире. Однако серьезнейшие тактические соображения препятствуют выдвижению этой цели как непосредственной… Для нас практически осуществимый курс – содействовать еретическому процессу отделения сателлитов. Как бы они ни представлялись слабыми, уже существуют предпосылки для еретического раскола. Мы можем способствовать расширению этих трещин, не беря на себя за это никакой ответственности. А когда произойдет разрыв, мы прямо не будем впутаны в вызов советскому престижу, ссора будет происходить между Кремлем и коммунистической реформацией…

Мы должны вести наступление не только открытыми, но и тайными операциями… Курс на подстрекательство к расколу внутри коммунистического мира следует вести сдержанно, ибо этот курс всего-навсего тактическая необходимость, и нельзя никак упускать из виду, что он не должен заслонить нашу конечную цель – создание нетоталитарной системы в Восточной Европе. Задача состоит в том, чтобы облегчить рост еретического коммунизма, не нанеся в то же время серьезного ущерба нашим шансам заменить этот промежуточный тоталитаризм терпимыми режимами, входящими в западный мир. Мы должны всемерно увеличивать всю возможную помощь и поддержку прозападным лидерам и группам в этих странах» [1].

В этой директиве впервые обрела право на жизнь идея, в соответствии с которой тайные операции приравнивались к боевым планам.

В 1950 году в США появилась новая директива по поводу тайных операций – СНБ-68. Ее текст отражает явный прогресс в мыслях и устремлениях создателей:

«Нам нужно вести открытую психологическую войну с целью вызвать массовое предательство в отношении Советов и разрушать иные замыслы Кремля. Усилить позитивные и своевременные меры и операции тайными средствами в области экономической, политической и психологической войны с целью вызвать и поддержать волнения и восстания в избранных стратегически важных странах-сателлитах. (…)

Успех предлагаемой программы полностью зависит от того, насколько наше правительство, американский народ и все свободные народы сумеют в конечном итоге признать, что холодная война – это на самом деле настоящая война, в которой на карту поставлено выживание свободного мира… Выполнение этой программы потребует от нас всех находчивости, жертвенности и единства, диктуемых суровостью проблемы, и настойчивого упорства в достижении наших национальных задач» [2].

Эти директивы давали политическое обоснование для проведения тайных операций, которые должны были привести к расколу социалистического мира и впоследствии к разрушению Советского Союза.

Но интеллектуальная и эмоциональная насыщенность этих директив (чего стоит одно выражение «выполнение программы потребует от нас находчивости, жертвенности и единства») выдавала их творца, коим был небезызвестный нам Джордж Кеннан. Тот, который провозгласил в мае 1948 года организованную политическую войну против Советского Союза и настаивал на создании новой тайной службы. Выпускник Принстонского университета, он работал в СССР в 1934–1938 годах в ранге первого секретаря посольства США, потом в 1945–1946 годах в качестве советника посольства, а в 1952 году четыре месяца служил послом США. Его проблема была в том, что, находясь более пяти лет в СССР, он так и не понял ни страну, ни людей, ни власть. Но он оказался автором внешнеполитической доктрины «сдерживания», изложенной им в так называемой «длинной телеграмме» из Москвы в адрес государственного секретаря США (февраль 1946 года). В ней он предлагал правительству США жестко выступить против советской экспансии в Восточной Европе. В июле 1947 года, в журнале «Форин афферс» появилась его статья «Истоки советского поведения», в которой излагалась стратегия сдерживания, основы которой были намечены в той «длинной телеграмме». Эта

стратегия, предложенная им, оказала огромное влияние на выработку директив Совета национальной безопасности США, на идею организованной политической войны против СССР, стала основой таких политических инициатив, как план Маршалла и создание НАТО.

Если Дж. Кеннан был первым, кто дал теоретическое обоснование директивам холодной войны, то дальнейшие теоретические разработки исходили от ученых-гуманитариев. Эти мудрые профессора руководствовались осознанной ими истиной. В изменении мира, в противостоянии с государствами, имеющими иной социальный строй, лучше себя чувствует тот, кто лучше создает смыслы и управляет образами на их основе. Здесь, несомненно, начиная с послевоенных лет в лидеры выходили США. Если говорить о смыслах, оказавших влияние на мир начиная с середины XX века, стоит назвать концепции холодной войны, «народного» капитализма, государства всеобщего благоденствия, неолиберализма и неоконсерватизма, глобализации, распространения демократии и теорию революций.

Над ними трудились американские университеты, научные центры и исследовательские лаборатории, возглавляемые яркими умами. Они создали Америке славу ведущей интеллектуальной лаборатории мира. Поэтому в американские университеты стремилось попасть много способных интеллектуалов из разных стран. Большинство из них после учебы продолжали «служить» в этих университетах. Все это позволило создать конкуренцию ведущих научных школ, замешанную, по словам профессора социологии Р. Коллинза, на интерактивных ритуалах, энтузиазме и эмоциональной энергии.

Во многом благодаря такой конкуренции и рождались идеи и смыслы для развития Америки, в том числе и для холодной войны. Причем рождались как ответ на вызовы, риски, угрозы для американского общества как внутри США, так и за пределами страны. А если исследования или разработки рассматривались как ответ на вызов, волнующий общество, элиту, бизнес, то государство и бизнес финансировали их. Самые глубокие, многообещающие смыслы, принятые американским интеллектуальным сообществом, превращались в инструмент глобальной экспансии, глобального манипулирования людьми.

На эти смыслы ориентировались люди, работающие в Государственном департаменте США и ЦРУ. Ориентировались, либо принимая их, либо отвергая.

Дальше речь пойдет о научных концепциях, что послужили основой для политических документов и операций холодной войны. Но знакомство с ними позволяет понять, как ученые,

разработками которых пользовались в Госдепартаменте и ЦРУ, делали холодную войну.

В 60-е – начале 70-х годов XX века Америку захлестнули левые идеи, за которыми стояли неомарксисты – Т. Адорно, Г. Маркузе, М. Хоркхаймер. Их идеи в то время стимулировали массовые выступления молодежи в Европе и в США. Но более всего эти идеи затронули общественные науки, культуру и образование. И тогда против них объединились другие интеллектуалы, тоже, кстати, приехавшие из Европы. Они-то и породили новую теорию: неоконсерватизм. Идейным и теоретическим вдохновителем «неоконсервативных» интеллектуалов был Лео Штраус. Он бежал из нацистской Германии осенью 1938 года, когда стало ясно, что в этой стране для евреев нет будущего, их ждут жуткие времена. Его новой родиной стали США, где он продолжил занятия философией в Чикагском университете. Скоро у него появились ученики, которые разделяли его идеи и которые потом нашли себя в науке, политике, Госдепартаменте и в ЦРУ. Какими же идеями заразил Штраус своих учеников?

Штраус считал, что необходимо бороться с моральной толерантностью, которой пронизаны теоретические изыскания левых интеллектуалов. Их либерализм запятнал себя тем, что признавал равными все точки зрения, что совершенно не годится для политиков, ведущих борьбу.

По мнению Штрауса, точка зрения политического философа должна быть основана на твердых моральных принципах: благородное (то есть добро) есть благородное, а низкое (то есть зло) есть низкое, свобода есть свобода, а тирания есть тирания, истина есть истина, а демократия есть демократия. Он добавлял при этом: невозможно прояснить характер демократии как таковой без четкого понимания ее альтернатив, так же как невозможно понимать мораль без понимания аморальности. И поэтому следует противостоять упрекам левых интеллектуалов, считающих, что в познании подход с позиции твердых моральных принципов не диалектичен, не демократичен, не способствует развитию мысли. Невозможно изучать социальные феномены, «не вынося при этом ценностных суждений», – утверждал Штраус [3].

Но мало придерживаться только морального принципа разделения добра и зла, свободы и тирании. Нужно теоретически обосновать необходимость борьбы добра со злом, борьбы за свободу против тирании. Добро должно уметь защищаться и нападать. О том же еще в 1925 году говорил русский философ И. А. Ильин, когда выдвинул тезис о «сопротивлении злу силою». Правда, спустя годы Ильин искал поддержку у гитлеровской

Германии, а Штраус – у США. И вот здесь начинается самое интересное.

Исходя из морального принципа борьбы добра со злом, Штраус предлагает такие понятия, как «хороший гражданин» и «достойный человек». Их различие в том, что «хороший гражданин» связан с режимом, а «достойный человек» такой связи не имеет. Но только в случае наилучшего режима понятия «достойный человек» и «хороший гражданин» тождественны [4]. И это, конечно, режим, сложившийся в США. На языке классической метафизики, – отмечает Штраус, – родина или нация есть материя, тогда как строй – форма, которая по своему достоинству выше материи. «Можно назвать этот взгляд „идеализмом“. Практическое значение этого идеализма заключено в том, что… наилучший строй важнее, чем родина» [5].

Этот вывод («наилучший строй важнее, чем родина»), известный уже в начале холодной войны, до сих пор является предметом сражений в коммуникационных мировоззренческих войнах. Этим выводом руководствовалось и ЦРУ, работая с советскими диссидентами.

Развивая свою теорию, Штраус проводил параллели между коммунизмом и нацизмом, представляя их как зло абсолютное. Поэтому борьба с этим злом должна быть радикальной. А если представить США в качестве субъекта абсолютного добра, борющегося с мировым злом (а его можно найти всегда), то это становится философией развития страны. А сама ситуация противостояния добра и зла превращается государством в социальные практики. Такой научный взгляд был очень привлекателен для стратегов холодной войны.

Философия абсолютного добра Лео Штрауса удивительным образом соответствовала его внутреннему этическому настрою, в котором не последнюю роль играло самомнение. Не зря он так ценил тех древних философов, которые придерживались той точки зрения, что «немытые массы не достойны ни истины, ни свободы».

Американский президент Рональд Рейган превратил философию Штрауса в политический и пропагандистски-идеологический проект. Выступая в марте 1983 года в Орландо (штат Флорида) перед национальным обществом евангелистов, он назвал Советский Союз «империей зла». Как бывший актер, снимавшийся в боевиках, он понимал толк в таких образах. Для США это был достаточно жесткий образ, предполагающий мобилизацию сил «добра» для откровенной политической, экономической, идеологической борьбы с носителем «зла» –

страной, именуемой СССР.

Художественность образа СССР как «империи зла», пришедшая от Рейгана, подтолкнула американскую научную элиту к созданию политической теории глобализации, вытекающей из философии Штрауса. В основе этой теории – идея глобальной демократии, которая должна мотивировать миссионерскую деятельность США.

По большей части научная элита США рассматривала глобальную демократию как абсолютную ценность, которая необходима всему миру. А раз эта ценность мировая, то и защищать ее должно глобальное государство.

Но уж очень близок образ «глобального государства» образу «братской ассоциации англоязычных народов, противостоящей тирании», который сформулировал бывший премьер Великобритании У. Черчилль в своей фултонской речи 1946 года, положившей начало холодной войне между СССР и странами Запада. Согласно этим определениям, роль глобального государства должны играть США, претендующие на глобальное лидерство. Поэтому США обязаны взять на себя ответственность за защиту мировой демократии. Под влиянием интеллектуалов так считает значительная часть американского истэблишмента. В понимании американской элиты эта защита должна сводиться к экспорту демократии в те страны, где ее нет или где она находится под угрозой либо не соответствует глобальным, а по сути – американским стандартам.

Союзником философии Штрауса в проектах американского лидерства для изменения мира начиная с 60-х годов прошлого века выступает историческая социология со своими концепциями социальных революций, которые с тех пор активно разрабатывались в американских и британских университетах.

Со времен холодной войны в западной макросоциологии, занимающейся исследованиями революционных процессов, сложились два подхода: гносеологический (познавательный) и прагматический. Оба подхода обосновывают систему действий для революционного или контрреволюционного проектов.

Гносеологи (Д. Голдстоун, Ч. Тилли, Т. Скочпол) объясняют причину революций развалом государства, которое не способно справиться с бюджетным кризисом и расколом во власти.

Прагматики, представленные такими научными авторитетами, как С. Хантингтон, Э. Геллнер, Ф. Фукуяма, оказались для стратегов холодной войны интереснее.

Возьмем С. Хантингтона. В 60-е годы XX века он опубликовал работу о политическом порядке в меняющихся обществах. В ней он обосновал алгоритм возникновения революций. Потом, когда

Америка вела войну во Вьетнаме, он сумел свою научную концепцию превратить в систему действий, нужных для Пентагона – американского министерства обороны. Как пишет профессор Нью-Йоркского университета Г. Дерлугьян, Хантингтона не зря прозвали «Карлом Марксом для Пентагона» – он выезжал во Вьетнам консультировать американское командование по стратегии борьбы с партизанами, а бунтующие студенты тем временем пикетировали его кабинет в Гарварде [6].

«Революционный» алгоритм С. Хантингтона основывался на пирамиде стрессов, которым было подвержено общество в переходный период модернизации. Причинами этих стрессов являлось крушение традиционных устоев жизни, хозяйственных укладов, социальных авторитетов, религиозной веры, а также массовое движение населения из деревень в беспорядочно растущие города. Переходное состояние модернизации – самое неустойчивое, оно и порождает революции. Как их остановить?

Хантингтон рекомендовал в переходный период модернизации вводить жесткую диктатуру, способную нейтрализовать сбои в модернизации. Поэтому, как пишет критик его теории, Вашингтону рекомендовалось относиться прагматично-реалистически к своему вынужденному покровительству военным и авторитарным правителям в Третьем мире, вполне по восхищенно-циничной формуле президента Ф. Рузвельта, высказанной по ходу доклада о деяниях никарагуанского диктатора Сомосы: «Совершеннейший сукин сын, но наш сукин сын!» [7].

Контрреволюционная теория Хантингтона, по мнению критика, была мощно аргументированной схемой, в которой присутствовали как анализ структурных условий, взятых в исторической динамике, так и функциональное указание на роль элит и политических режимов, на источники массового недовольства, на влияние мировой геополитики и идеологической конфронтации времен холодной войны. Схеме Хантингтона отвечал военный переворот в Чили в 1973 году, когда военные, предводимые генералом А. Пиночетом, убили избранного народом президента страны С. Альенде и при поддержке ЦРУ установили диктаторский режим в стране.

Еще более сильную концепцию для практики холодной войны и революций предложил британский макросоциолог Э. Геллнер. Его книга «Нации и национализм», вышедшая на Западе в 1983 году, поразила ученый мир, вызвала возбуждение среди политиков и стала руководством к действию для организаторов тайных операций и политических проектов на годы вперед.

Э. Геллнер рассматривал нацию не как общность людей на

основе единого языка и культуры, общей территории и экономической деятельности, а как сконструированный массовый политический проект. И, согласно этому проекту, «именно национализм порождает нации, а не наоборот», «нации делает человек; нации – это продукт человеческих убеждений, пристрастий и наклонностей» [8].

Как считал Э. Геллнер, два человека принадлежат к одной нации лишь только в том случае, если их объединяет одна культура, которая, в свою очередь, понимается как система идей, условных знаков, связей, способов поведения и общения. Культуры, которые национализм требует защищать и возрождать, часто являются его собственным вымыслом или изменены до неузнаваемости. Культурные лоскутки и заплатки, используемые национализмом, часто являются произвольными историческими изобретениями [9].

«Вымышленная» культура, исторические изобретения для национализма поддерживаются повсеместным распространением «опосредованного школой, академически выверенного, кодифицированного языка, необходимого для достаточно четкого функционирования бюрократической и технологической коммуникативной системы», распространением символики, стилизованной национализмом под народную культуру [10].

Концепцию Э. Геллнера использовали социальные технологи, которые выстроили систему действий в отношении Югославии в 1991–2008 годах. В этот период Социалистическая Федеративная Республика Югославия распалась на шесть независимых стран и одно частично признанное государство. В этом процессе активную роль играли сербские националисты, с которыми работали западные политологические центры, связанные с ЦРУ. Их стратегия сводилась к стимулированию национализма в Югославии в соответствии с выводом Э. Геллнера: национализм – прежде всего политический принцип, суть которого в том, что политическая и национальная единицы должны совпадать [11].

В начале 2000-х годов США, в соответствии со своими геополитическими соображениями, выбрали Украину, чтобы превратить ее в игрока первой линии в своей борьбе за глобальное лидерство на восточном направлении, где сходятся интересы Европы и России. В этой геополитической игре Украина, по замыслу американцев, должна была создать свою новую нацию. И тем самым выйти из культуры российской цивилизации, которая объединяла людей различных этносов – русских, украинцев, белорусов, казахов и других, проживавших на территории СССР и именуемых в свое время советским народом, ядро которого составляли русские, благодаря своей

многочисленности и притягательной силе своей культуры.

Согласно Э. Геллнеру, не нации порождают национализм, а национализм порождает нации. Когда эта идея овладела умами геополитических стратегов, тогда в одном из американских научных центров политический проект национализма для Украины обрел ведущую идею – «украинство». Под эту идею на американские гранты украинские обществоведы обосновывали ведущую роль украинского этноса в рождении древнерусского государства, а потом и самостоятельную историю украинцев. Идея украинства закладывалась в новые учебники истории для школ и университетов. Вожди политических партий, учителя, организаторы массовых коммуникаций, национальной культуры, публичных ритуалов, организаторы поиска и канонизации национальных героев, коими оказались радикалы-бандеровцы, – все работали на идею украинского национализма, тоталитарность которого формировала новую, украинскую нацию. Вся эта открытая и скрытая деятельность поддерживалась различными американскими институтами и фондами, среди которых ведущая роль принадлежала институтам республиканской и демократической партий США.

Но, возможно, придет то время, когда ЦРУ поставит вопрос перед профессорами-геополитиками: чья нация наиболее жизнеспособна? Нация, порожденная национализмом, как образование скорее искусственное и недолговечное, или нация, порожденная культурой, которая предстает как накопленная в веках сила человеческого духа?

В 1996 году, через 20 лет после своей революционной работы об алгоритмах революции, С. Хантингтон предложил научному сообществу и политической элите свой фундаментальный труд под названием «Столкновение цивилизаций», который сделался настольной книгой политологов. Это случилось в том числе благодаря его идее о том, что имеющиеся в мире цивилизации придется вводить в требуемый цивилизационный образ западной цивилизации. Но на рубеже XX и XXI веков провокационный прогноз столкновения цивилизаций, предложенный С. Хантингтоном, не был востребован практикующими политиками и деятелями из Госдепартамента США. Время этого прогноза придет чуть позже. А тогда понадобился Ф. Фукуяма с его эссе, а потом и книгой «Конец истории и последний человек», вышедшими соответственно в 1989 и в 1992 годах. Его работа привлекла либеральным подходом к распространению демократии и попыткой убедить, что цивилизационный образ Запада стал определяющим для современного мира. Но особенная ценность ее была в том, что борьбу за демократию он

рассматривал как борьбу за признание человеческого достоинства. По Гегелю, борьба за признание есть главная движущая сила истории. Когда Ф. Фукуяма отождествил стремление к признанию человеческого достоинства с духовностью, с самоценностью и свободой человека, он тем самым предложил лозунг будущих революций, который скоро прибрали к рукам «разработчики» «цветных» революций. Под сенью такого лозунга эти «разработчики» готовы были биться за геополитические интересы США.

Несомненно то, что путь к практике глобальной демократии, к практике приобщения разных стран к цивилизационному образу по западному варианту был проложен американскими профессорами. Главными идеологами этой практики стали Самюэль Хантингтон с его книгой «Столкновение цивилизаций», Фрэнсис Фукуяма с его произведением «Конец истории и последний человек» и Збигнев Бжезинский с самой известной его книгой «Великая шахматная доска: главенство Америки и ее геостратегические императивы», где представлена доктрина глобального лидерства. Они – ведущие умы в деле утверждения глобальной демократии в мире. За ними тянутся Марк Палмер, известный своим сочинением «Сломать ось зла. Как к 2025 году устранить от власти последних диктаторов», и Джозеф Най, написавший книгу «Мягкая сила. Как добиться успеха в мировой политике» – об использовании привлекательности американской культуры для распространения демократии в мире.

Глобальное лидерство США определяет процесс глобализации мира. А он включает в себя и экспорт демократии, и господство транснациональных корпораций, большая часть которых – американские; и действия, связанные с лишением стран их самодостаточности путем превращения их в страны одного продукта. Все это так или иначе связано с глобальным лидерством «глобального государства», которое придерживается того принципа философии Штрауса, который гласит, что наилучший строй важнее, чем родина. Если наилучший строй – это максимальная включенность страны в глобализацию, то это важнее родины. Такой строй порождает «достойного человека», по определению Штрауса, для которого действительно лучший строй был в США, куда он бежал от гитлеровского режима, утвердившегося в 30-е годы на его родине – в Германии.

Именно глобализация по такой модели лишает страны и их народы экономической, политической, культурной и ценностной идентичности, «растворяет» эти страны в глобализированном мире. При этом главный менеджер этих глобальных процессов – США – остается и самодостаточным, и сохраняющим, и

наращивающим свою идентичность.

С появлением в США философской доктрины Штрауса, которую высоко подняли интеллектуалы его школы, на ключевых постах в экономике, науке, юстиции, в массовых коммуникациях, системе государственного управления, в ЦРУ, АНБ, ФБР стали появляться приверженцы этой доктрины.

Исследователь философии Штрауса профессор Е. М. Дроне вскрыл механизм концентрации его учеников во власти и тем самым изменения власти: «есть несколько кругов учеников… своим же ближайшим ученикам передаем тонкости учения вне текста, в устной традиции, совсем почти тайно. <…> Воспитываем несколько выпусков, все посвященные составляют как бы секту, помогают друг другу с карьерой, делая ее сами, держат в курсе учителя. <…> Через несколько десятков лет „наши“ без единого выстрела берут власть в самой сильной стране мира».

Действительно, начиная с конца 60-х годов в американской власти появлялось все больше интеллектуалов школы Штрауса – в Государственном департаменте, в экономических и финансовых ведомствах, в Центральном разведывательном управлении. Не без их участия ЦРУ и другие разведслужбы все больше отдавали предпочтение оперативной деятельности, нежели аналитической. ЦРУ возвращалось к методам, с помощью которых в 40–50-е годы осуществлялась смена политических режимов в некоторых странах Европы, Ближнего Востока, Азии, Латинской Америки. Сторонники мировоззрения Штрауса действовали, руководствуясь не только политическими установками, но прежде нравственно-религиозными принципами его философии. И оппонентам было трудно им противостоять.

К. Райс (в 2000–2009 годах помощник президента США по национальной безопасности, госсекретарь США), одна из самых верных почитателей философии Штрауса, говорила: «Во внешней политике давно идет спор между так называемой „школой реализма“ и „школой идеализма“. Упрощенно – реалисты принижают важность моральных ценностей, подчеркивая соотношение сил как основу стабильности и мира. Идеалисты подчеркивают примат моральных ценностей и характер общественных формаций как критически важные для отношений государства с другими странами. Возможно, этот вопрос мог бы быть интересен в академических дебатах, но в реальной жизни могущество и моральные ценности нераздельно связаны между собой. Великие державы способны оказывать влияние на жизнь миллионов людей и изменять ход истории. И моральные ценности великих держав имеют значение. Если бы Советский

Союз выиграл холодную войну, сегодняшний мир был бы иным… Американский идеализм – вот проблема мира… без этого самого американского идеализма не было бы ни освобожденного Ирака, ни объединенной Германии, ни свободной России. Идеализма и людей с горячими сердцами, мечтавших о свободе…» [12].

Таким «идеалистом с горячим сердцем» в своих научных изысканиях и в политической практике был Збигнев Бжезинский, профессор Гарвардского университета, потом глава центра по исследованию проблем коммунизма при Колумбийском университете и советник американских президентов.

В 1961 году у него выходит книга «Советский блок: единство и конфликт», в которой он делает вывод, что в странах социализма началась «идеологическая эрозия», что советский блок разрушается, что вполне вероятен распад Советского Союза, и тогда на его бывшем пространстве появятся независимые национальные государства. Причем этот вывод он делает на основе диалектического, марксистского метода анализа. Но процесс распада советского блока можно и ускорить, если предпринимать определенные действия, – считает он. Для этого нужно утвердить лидерство США в этом мире. Теме американского глобального лидерства посвящены его главные научные работы: «Политические системы – США и СССР: сходство и различие, конвергенция или эволюция» (написана вместе с С. Хантингтоном) (1964); «Между двумя веками: роль Америки в эру технотроники» (1971); «План игры: геостратегическая структура ведения борьбы между США и СССР» (1985); «Рождение и смерть коммунизма в XX веке» (1988); «Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы» (1997); «Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство» (2003).

Когда еще в начале 60-х годов он выдвинул тезис о том, что определенными действиями можно ускорить падение СССР, он имел в виду, прежде всего, идею прав человека, превращенную в оружие политической войны. В 1977 году он стал советником по национальной безопасности в администрации президента Дж. Картера, что открыло ему возможности для реализации его концепции прав человека. Используя Хельсинкские соглашения 1975 года по разоружению и безопасности в Европе в части прав человека, он инициировал новый виток борьбы с политическим строем в СССР. Настойчивость Бжезинского в реализации выдвинутой им концепции прав человека в условиях соблюдения Советским Союзом Хельсинкских обязательств принесла коммунистической власти в СССР немало проблем. По инициативе Бжезинского ЦРУ тогда предприняло немало усилий для поддержки диссидентских групп в СССР, в Германской

демократической республике, в Чехословакии, в Польше (профсоюз «Солидарность»).

ЦРУ до сих пор придерживается в своей практике линии Штрауса – Бжезинского. К идеям младоинтеллектуалов штраусовского толка оказался весьма восприимчив президент США в 2001–2009 годах Дж. Буш-младший. Он творчески развивал проекты Рейгана на основе все той же политической философии штраусовского толка. В ноябре 2003 года, выступая по случаю 20-летия созданного Рейганом фонда «National Endowment for Democracy», он заявил о начале глобальной демократической революции и в связи с этим о новой внешней политике США, главной целью которой становится распространение свободы в мире. А в марте 2005 года в Конгресс США несколькими конгрессменами был внесен законопроект, регламентирующий продвижение демократии и демократических ценностей в недемократических странах. Разработали этот документ в стенах Гудзоновского института политолог, дипломат и бизнесмен Марк Палмер, а также политологи Майкл Горовиц и Брент Тантильо и присоединившийся к ним юрист Эрик Кадель. Неформальным лидером этого «авторского коллектива» был М. Палмер, который в своей нашумевшей книге «Сломать ось зла» описал условия, принципы, методы смены режима в той или иной стране [13].

Выход этой книги приветствовали Ф. Фукуяма и Дж. Муравчик, которые по праву числятся среди первых лиц американской политологии. Довольны были и политики-практики, в частности бывший директор ЦРУ Д. Вулси, лидеры Демократической партии в Конгрессе США Н. Полоси и Д. Байден. Мысли и настроения соратников Палмера тогда удачнее всех выразил Вулси в предисловии к книге «Сломать ось зла»: «В ходе трех мировых войн (двух горячих и одной холодной) мы и наши союзники освободили большую часть человечества. Марк Палмер показал нам, каким образом нужно довести наше дело до конца».

А теперь обратимся во времена сегодняшние, чтобы лучше понять времена ушедшие. Особенность влияния США на продвижение демократии в мире заключается не столько в использовании ресурсов ЦРУ, как в годы холодной войны, сколько в использовании могущества американской правящей элиты. Вот как объяснил это теоретик глобального лидерства США З. Бжезинский: «Появление американской гегемонистской элиты является неизбежным следствием роста американской мощи в последние полвека. В то время как США в период холодной войны и после ее окончания выполняли свои

глобальные обязательства, постепенно складывалась соответствующая всемирная военно-политическая структура, управляемая исполнительной властью и обеспечивавшая реализацию постоянно усложнявшейся роли Америки в мире. Со временем колоссальный дипломатический аппарат, военные инфраструктуры, системы сбора разведывательной информации и бюрократические интересы объединились для управления этим всеобъемлющим присутствием Америки в мире. Воодушевленные концентрацией знания, интересов, власти и ответственности, имперские бюрократы стали смотреть на себя как на людей, обладающих всем необходимым для того, чтобы определять поведение Америки в этом сложном и опасном мире» [14].

Сегодняшние «цветные» революции, бескровные перевороты в странах с неугодными США режимами обеспечиваются, как и во времена холодной войны, тремя условиями: теоретической концепцией, имеющей ранг политической доктрины, организацией и финансами. Эта политическая доктрина, вырастая из работ Бжезинского о диалектике мирового господства и глобального лидерства, определяет перспективы развития человечества в условиях глобализации и распространения демократии под управлением американской элиты. Эту концепцию усиливает теория «мягкой силы» (soft power) и понятие «власть народа» (people power), которое появилось в 1986 году, когда в США решили, что президент Филиппин Ф. Маркос должен уйти со своего поста. «Мягкая сила» в трактовке Д. Ная – это использование привлекательности определенной культуры, определенных политических идеалов и ценностей для выработки линии поведения на мировой арене, определенной культуры коммуникаций. Предлагаемая им структура мягкой силы – это работа международных экспертов и советников, деятельность глобальных массовых коммуникаций, продвижение определенных установок и стандартов поведения и потребления, привлекательных, прежде всего, для молодого поколения.

Доктрина глобального лидерства, принципы «мягкой силы» позволили интеллектуалам создать матрицу политической экспансии, которая есть тактика бескровного переворота. По М. Палмеру, матрица смены режимов мало чем отличается от концепций холодной войны, и сводится к следующему (за основу взяты его суждения в книге «Сломать ось зла»):

1) поиск в стране лиц, ориентирующихся на либеральные ценности и придерживающихся проамериканских взглядов; создание с участием этих лиц различных неправительственных организаций – студенческих, молодежных, правозащитных;

2) создание в стране либеральных, прежде всего прозападных

каналов коммуникации: ТВ, радио, печатных СМИ и интернет-сайтов. Продуктом деятельности этих каналов являются определенные образы;

3) распространение западными СМИ среди граждан данной страны западного общественного мнения и создание нелегитимного и демонического образа так называемого недемократического режима в стране;

4) создание западными и внутренними, «демократическими» СМИ образа оппозиционных групп и организаций как «настоящих» представителей народа страны;

5) принятие международными организациями резолюций, осуждающих «нарушения свобод и прав человека», «наступление на свободу прессы» в стране, где готовится «демократическая революция»;

6) подготовка оппозиционных групп и организаций к проведению уличных «ненасильственных» акций – демонстраций, митингов, пикетов, массовых акций (например, блокирования зданий, где находятся органы власти). Лидеры этих групп и организаций должны являть собой образы бескорыстных борцов за свободу и демократию;

7) создание в стране психологической атмосферы, парализующей способность сторонников власти к сопротивлению;

8) использование политических, дипломатических и финансовых методов давления на лидеров страны, членов правительства, чтобы они «добровольно» ушли в отставку.

Философию Штрауса, стратегии Фукуямы, Хантингтона, Бжезинского и тактику Палмера дополняет практическими рекомендациями гарвардский профессор Джин Шарп. В своей книге «From Dictatorship to Democracy» («От диктатуры к демократии») он рассматривает 198 способов ненасильственной борьбы, включая саботаж, разного рода акции, парализующие государственные учреждения, и, конечно, организацию толпы, проведение демонстраций и митингов.

В основе смены режимов в тех или иных странах – использование «мягкой силы». В противовес «жесткой силе», основывающейся на принуждении, на экономической и военной мощи, «мягкая сила», включающая «власть народа», эффективна за счет опоры на определенные политические и культурные ценности, определенные принципы поведения на мировой арене. Если мягкая сила «питается» историей, дипломатией, политикой и культурой, то «жесткая» сила опирается на экономическую и военную мощь США – это прежде всего сила экономических санкций, которые по инициативе США вводятся против «непослушного» государства.

С. Хантингтон, единомышленник З. Бжезинского, еще в период холодной войны с Советским Союзом обосновал некоторые принципы и положения экономической войны в своей статье «Торговля, технология и рычаги: экономическая дипломатия», написанной в начале 80-х годов прошлого века. В этой статье Хантингтон ставил вопрос о пересмотре существующего в США законодательства в отношении предоставления кредитов СССР, замену жестких рамок кредитования более гибкими, позволяющими американскому правительству использовать этот «финансовый рычаг» в интересах внешней политики США [15].

По мнению Хантингтона, необходимо постоянно увязывать передачу Советскому Союзу современных американских технологий, расширение объемов торговли двух стран, предоставление кредитов и т. д. с политическими отношениями СССР и США, в которых должны превалировать интересы США.

Когда президент США Р. Рейган объявил СССР «империей зла» и поставил задачу «ломать» эту империю, то командовать силами «слома» был определен директор ЦРУ У. Кейси, человек, который фанатически жаждал борьбы с таким политическим противником, как СССР. Для этого он создал штаб, собрав верных ему людей, которые были способны анализировать информацию, разрабатывать концепции и рекомендации. И здесь можно обратиться к Петеру Швейцеру, который в своей книге «Победа» раскрывает стратегию США, направленную на развал СССР.

Он пишет: «Ему (У. Кейси. – Э. М.) удалось уговорить бывшего председателя „Rand Corporation“ („фабрика мысли“, американский стратегический научно-исследовательский центр. – Э. М.) Генри Роуэна возглавить национальный Совет по делам разведки, взяв в качестве своего ассистента по специальным делам редактора журнала „Фортуна“ Герберта Мейера. Оба они были экспертами по советской экономике. Своим связным с Белым домом он взял Дэвида Вигга, экономиста, создавшего систему контроля поступлений твердой валюты в Советский Союз и ее экспорта». Среди этих экспертов также были: профессор Алан Уайттэкер, психолог, по заданию ЦРУ анализировавший портреты советских политиков; Ричард Пайпс, доктор философии, профессор-историк из Гарвардского университета, специалист по российской и советской истории. От этих ученых и аналитиков У. Кейси хотел знать: чего боится Москва; где ее слабые, уязвимые стороны; какова ее способность восстанавливать силы; как быстро она способна восстанавливаться после поражения; можно ли поколебать ее уверенность? [16]

Уже тогда этот штаб рекомендовал применение «мягкой» и

«жесткой» силы, предлагал действовать на нефтяном рынке, сбивая цены на советскую нефть; в Афганистане, организуя сопротивление советским войскам, и в Польше, организуя таранную силу профсоюза «Солидарность» против режима.

И сегодня наиболее верным способом изменения мира становится сочетание «мягкой» и «жесткой» силы, столь присущее «миссионерам» из США. При этом наиболее действенной оказывается «мягкая сила», проводником которой являются неправительственные организации, различные фонды. Они выделяют гранты, ведут пропаганду, устраивают форумы политиков, организуют обучение национальных лидеров, поездки молодежи в страну, инициирующую «демократическую» экспансию. Все это формирует представление о другой жизни, лучшей, чем та, к которой соответствующую страну привела ее правящая элита.

Несомненно, что работа американских и британских ученых, одержимых идеей холодной войны, сделало «машину» этой войны достаточно эффективной. Но чего бы стоили их научные головы без заинтересованности в них американского Госдепартамента внешней политики и ЦРУ, с которым боролся КГБ?

Вызов для СССР делался интеллектом и руками ЦРУ

В 1947 году американский президент Г. Трумэн предложил Аллену Даллесу, бывшему сотруднику Управления стратегических служб, во время войны резиденту американской разведки в Швейцарии, теперь директору адвокатской конторы, поработать в комиссии, готовившей доклад о национальной безопасности и о состоянии дел в разведывательных организациях. Даллес отнесся к поручению руководителя страны суперответственно и вскоре представил доклад, ставший, по сути, революционным. Он ломал привычные представления о стратегии и методах работы спецслужб. Главная идея доклада была в том, что из-за своей пассивности США могут пасть жертвой коммунистической угрозы. Поэтому задача создаваемого Центрального разведывательного управления (ЦРУ) – не просто получать разведданные с территории СССР, а проводить в самом СССР тайные политические и пропагандистские операции с целью подрыва социалистического строя, разрушения союза СССР и стран-сателлитов, помощи этим странам в поиске своего, несоциалистического пути развития. Благодаря Даллесу термин «тайные операции» стал рабочим в директивах Совета национальной безопасности США. Так впервые обрела право на жизнь идея, в соответствии с которой тайные операции приравнивались к боевым планам.

И тогда американцы стали искать эмигрантские группы, имеющие связи с подпольем в Советском Союзе. И скоро их нашли с помощью генерала Р. Гелена, бывшего руководителя разведывательной службы германского генерального штаба, теперь по договоренности с ЦРУ создававшего свою службу в Западной Германии, близ Мюнхена. Самой дееспособной среди этих групп оказался некий совет по освобождению Украины, главой которого был Степан Бандера – один из боевых вождей Организации украинских националистов (ОУН). Он выступал под лозунгом «Либо завоюем самостийную Украину, либо погибнем за нее!». Вела его по этой стезе идеология крайнего, так называемого интегрального национализма, который пронизывает все сферы жизни человека и требует исключительного самопожертвования в борьбе за национальную идею и жестокую кару для несогласных.

В свое время ОУН была связана с гитлеровскими спецслужбами, и сведения об этом прозвучали на Нюрнбергском

процессе над немецкими военными преступниками [17].

Из показаний полковника Эрвина Штольце – бывшего заместителя начальника отдела «Абвер-2» германской военной разведки и контрразведки при верховном командовании германских вооруженных сил от 25 декабря 1945 года. (Документ СССР-281):

«В марте или апреле 1941 года мой начальник – руководитель отдела „Абвер-2“ полковник (ныне генерал) Лахузен вызвал меня к себе в служебный кабинет… дал мне для ознакомления и руководства приказ, … подписанный фельдмаршалом Кейтелем и генералом Йодлем… содержавший основные директивные указания по проведению подрывной деятельности на территории СССР после нападения Германии на Советский Союз. …В приказе указывалось о том, что в целях нанесения молниеносного удара против Советского Союза „Абвер-2“ при проведении подрывной работы против СССР должен использовать свою агентуру для разжигания национальной вражды между народами Советского Союза. Выполняя упомянутые выше указания Кейтеля и Йодля, я связался с находившимися на службе в германской разведке украинскими националистами и другими участниками националистических фашистских группировок, которых привлек для выполнения поставленных выше задач. В частности, мною лично было дано указание руководителям украинских националистов германским агентам Мельнику (кличка „Консул-1“) и Бандере организовать сразу после нападения Германии на Советский Союз провокационные выступления на Украине с целью подрыва ближайшего тыла советских войск, а также для того, чтобы убедить международное общественное мнение о происходящем якобы разложении советского тыла».

Им же, Степаном Бандерой, была организована так называемая Украинская повстанческая армия (УПА), которая с 1943 года действовала на западной Украине, в основном нанося удары по советским партизанам и войскам Красной армии, воевавшим с гитлеровским вермахтом. По крайней мере, в аналитической записке гитлеровской службы безопасности СД, составленной в ноябре 1944 года, об этом было сказано так:

«Численность УПА: регулярная, то есть обученная часть, насчитывает 80–100 тыс. бойцов. По украинским данным, она доходит до 400 тыс. и даже до 1 млн. человек. УПА действует по политическим инструкциям ОУН. …Свою главную задачу УПА видит в том, чтобы замедлить темпы наступления Красной армии на запад и тем самым выиграть время для формирования своей регулярной армии. Своим слабым местом УПА считает

недостаток обученных бойцов, вооружения и боеприпасов. … Определенные трудности в борьбе УПА создают различия в интересах разных регионов, на территории которых действуют отряды УПА. Так, западноукраинская группа УПА опирается на тех культурных и образованных украинцев, которые ориентируются на Запад и на греко-католическую церковь. Раньше этот регион входил в Австрию, и в Польше его именовали „Украинским Пьемонтом“. Он сформировал свое собственное национальное самосознание… Эта группа представляет собой наиболее активную среди других групп УПА» [18].

Это была достаточно заметная сила, которая принесла неисчислимые беды гражданам СССР. В боях с УПА и ОУН в течение 1945–1953 годов погибло более 25 тысяч советских солдат и офицеров армии, погранвойск, сотрудников органов государственной безопасности. Бандеровские формирования за этот же период потеряли более 60 тысяч человек убитыми [19].

И вот в сентябре 1949 года сотрудник ЦРУ, выпускник Йельского университета Стив Таннер, работавший с украинцами из мюнхенского штаба Бандеры, забрасывает подготовленную группу на территорию советской Украины. Здесь сошлюсь на американского исследователя Тима Вейнера, который в своей книге «ЦРУ. Правдивая история» рассказывает, что было дальше. «Несколько месяцев спустя эти люди вернулись из Прикарпатья с донесениями от украинского подполья… Эти многочисленные записки свидетельствовали о крепнущем движении сопротивления, представители которого могли предоставить ценную информацию о событиях на Украине…» В штаб-квартире ЦРУ на этот проект возлагали еще более высокие надежды. Руководство ЦРУ полагало, что «существование такого движения может иметь важное значение в ходе возможного открытого военного конфликта между Соединенными Штатами и СССР». То есть в случае военного конфликта сеть оуновских формирований могла выполнить роль пятой колонны на территории Советского Союза, способствовать оккупации его.

Вместе с американцами активно включилась в поддержку оуновских формирований на территории советской Западной Украины и английская разведслужба СИС. ЦРУ и СИС снабжали бандеровское подполье оружием, боеприпасами, документами, советскими деньгами, используя для этого самолеты, которые вторгались в воздушное пространство СССР и в условленных районах, снижаясь до высоты 200–250 метров, сбрасывали эти грузы.

Особенно усердствовали англичане, которые уверовали в силу и могущество ОУН. Но первыми прозрели американцы.

Здесь очень ценны воспоминания Кима Филби («Моя незримая война»), который в 1949–1951 годах был представителем СИС в американском ЦРУ. Вот что он пишет: «Нападки американцев на сотрудничество между Бандерой и СИС стали резкими в 1950 году, и, работая в США, я потратил много времени на передачу язвительных посланий из Вашингтона в Лондон… ЦРУ выдвинуло… возражения против Бандеры как союзника. Его крайний национализм с фашистским оттенком являлся препятствием, которое помешает Западу вести подрывную работу в Советском Союзе с использованием лиц других национальностей, например русских. … Заявление англичан, что Бандера используется только в целях сбора разведывательной информации и что такое его использование не имеет какого-либо политического значения, было отвергнуто американцами. Последние возражали, что, какой бы ни был характер связи СИС с Бандерой, сам факт этой связи может поднять его престиж на Украине. Американцы высказали опасение, что любое усиление последователей Бандеры чревато опасностью раскола „движения сопротивления“ на Украине, с которым вели работу они сами» [20].

Но спустя 50 лет американцы благосклонно промолчали, когда националистические организации на Украине реанимировали образ Бандеры и подняли его как идеологическое знамя в воспитании молодого поколения. Вероятно, посчитали, что русские не восстанут, – история давняя.

Важным делом ЦРУ в 50-е годы становится расшатывание отношений между народами СССР. Этому способствовало принятие Сенатом и палатой представителей Конгресса США в июле 1959 года Закона об освобождении порабощенных наций (Public Law 86–90), который был утвержден президентом Д. Эйзенхауэром. Этот закон создал правовую базу для вмешательства Америки во внутренние дела СССР и вывел политическую войну, связанную с национальными отношениями в Советском Союзе, на новый виток. В этом законе перечисляются так называемые «порабощенные нации» – более двух десятков народов, кого Россия якобы «лишила национальной независимости путем прямой и косвенной агрессии». Там наряду с республиками Советского Союза назывались такие неизвестные образования, как «Казакия» и «Идель-Урал». Этот Закон позволил ЦРУ развернуть мощные программы радиовещания на языках республик, входящих в СССР, которые были нацелены на расчленение Советского Союза. Эти достаточно изощренные программы осуществлялись радиостанциями «Свобода», «Свободная Европа» и «Голос Америки». Одновременно ЦРУ

стимулировало создание националистических антисоветских групп в национальных республиках СССР. В этом Законе СССР был назван «обширной империей». Как считает Бобков, именно в слове «обширная» и спрятан смысл устремлений некоторых держав, готовых воевать с Россией, чтобы расчленить ее. Он обращает внимание на то, что этот Закон жив до сих пор и позволяет США вмешиваться теперь уже во внутренние дела как России, так и отдельных государств – бывших республик СССР, получивших независимость в 1991 году.

Но вернемся еще раз к директиве Совета национальной безопасности США по поводу тайных операций – СНБ-68, в которой говорилось: «Нам нужно вести открытую психологическую войну с целью вызвать массовое предательство в отношении Советов».

Не иначе как подобного рода программные документы СНБ вдохновили американских политиков на новые предложения по ослаблению Советского Союза на годы вперед. Американский сенатор Г. Хэмфри пишет президенту США, что «для историка культуры… нет ничего более интересного, чем тщательный и объективный анализ наших новейших основных усилий оказать решительное воздействие на культуру другого народа прямым вмешательством в процессы, через которые проявляется эта культура» [21].

В 50–60-е годы программы тайной войны ЦРУ оказываются все более связанными со сферой культуры. Именно в эти «культурологические» войны правительство США вкладывает огромные средства, особенно в секретную программу пропаганды, влияющую на творческую интеллигенцию в европейских странах и особенно в Советском Союзе. Руководило такой культурной деятельностью Центральное разведывательное управление США. К этому выводу пришла английский историк Френсис Стонор Сондерс в своей книге «ЦРУ и мир искусств: культурный фронт холодной войны». Организатором этой тайной «культурологической» кампании стал Конгресс «За свободу культуры», который управлялся двумя управлениями ЦРУ – координации политики, во главе с небезызвестным Фрэнком Уизнером, и управлением международных организаций, во главе с Томом Брейденом. Конгресс «За свободу культуры» имел отделения в 35 странах, издавал престижные журналы, обладал новостными и телевизионными службами, занимался книгоиздательской деятельностью, проводил международные конференции, выставки художников, музыкальные фестивали, кампании награждения самых ярких деятелей культуры и искусства.

Предтечей Конгресса стал некий консорциум – широкое и влиятельное сообщество интеллектуалов, политических стратегов, корпоративной элиты, пронизанных университетскими связями «Лиги плюща» (объединение старейших университетов, куда входил и Гарвард). Из этого интеллектуального сообщества ЦРУ и сколотило «Конгресс за свободу культуры», который работал во имя одной цели: защитить мир от коммунистической заразы, отвлечь интеллигенцию Западной Европы от увлечения марксизмом и коммунизмом, привести ее к восприятию «американского образа жизни» и облегчить продвижение интересов США в мире. Эти интеллектуалы, объединенные Конгрессом, считали, что мир нуждается в мире по-американски – в Pax Americana, «новой эпохе Просвещения, которая могла бы называться „американским веком“» [22].

Борьбу за «американский век» тогда возглавило ЦРУ. Появившееся после УСС (Управления стратегических служб – американской разведки в годы второй мировой войны) ЦРУ оказалось больше чем разведкой. ЦРУ стало инструментом тайной политической и идеологической борьбы за интересы США в глобальном мире. Именно такое направление деятельности получило ЦРУ во времена, когда его директором стал Аллен Даллес, «человек коварный, безжалостно честолюбивый и хронический прелюбодей», по выражению американского исследователя Тима Вейнера.

Элиту самого ЦРУ также составляли члены «Лиги плюща», этого университетского объединения, которые находили кадры для Управления в советах директоров компаний, академических учреждениях, ведущих средствах массовой информации, в юридических фирмах. Они были воспитаны «на принципах интеллектуальной мощи, спортивной удали, благородного обхождения и твердой христианской этики».

Ф. Сондерс довольно-таки точно выразила суть этих людей: «В долгих разговорах, подогреваемых интеллектуальной страстью и алкоголем, их видение нового мирового порядка начало обретать форму. Ориентированные вовне, исполненные духа соревнования, резкие, эти люди обладали неколебимой верой в свою систему ценностей и были готовы предложить ее другим. Они были патрициями современной эпохи, паладинами демократии и не видели в этом никакого противоречия. Это была элита, которая направляла американскую внешнюю политику и формировала законодательство внутри страны. Через интеллектуальные центры, фонды, правления, членство в джентльменских клубах эти мандарины были прочно связаны друг с другом как принадлежностью к организациям, так и общей

верой в свое превосходство. Их задачей было установление, а затем оправдание послевоенного Pax Americana. И они были верными сторонниками ЦРУ, которое стало быстро укомплектовываться их школьными друзьями, товарищами по бизнесу, а также старыми бойцами из УСС» [23].

И здесь надо вернуться к главному герою холодной войны, уже упомянутому выразителю взглядов американской элиты того времени – Джорджу Кеннану. Этот ученый, дипломат, конструктор известного «Плана Маршалла», руководитель аппарата политического планирования Госдепартамента США, был одним из ведущих политиков, соратников Даллеса в деле создания ЦРУ и определения его стратегии. Он сформулировал идею холодной войны с СССР. Утверждая, что Кремль с его «фанатичной идеологией» стремится к доминированию в мировом пространстве, он предложил политику «устойчивого противодействия», «твердого и бдительного сдерживания», где предусматривалось «максимальное развитие пропаганды и техник политической борьбы» [24].

В теорию тайной войны он ввел понятие «необходимой лжи», объясняя его следующим образом: коммунисты «сражались с нами с помощью нереальности, иррационализма. Можем ли мы успешно бороться против этой нереальности при помощи рационализма, правды, при помощи честной, исполненной благих намерений экономической помощи?» [25] Нет, отвечает он, Америке для достижения ее демократических целей нужна новая тайная война против советской хитрости.

Родившийся в июне 1950 года Конгресс «За свободу культуры» изначально рассматривался как инструмент «организованного интеллектуального сопротивления коммунизму» посредством пропаганды и техники политической борьбы.

Еще до официального рождения Конгресса ЦРУ остановилось на идее, что с коммунизмом и коммунистами могут лучше всего бороться бывшие коммунисты. Потом в консультациях с бывшим коммунистом А. Кестлером, автором романа «Слепящая тьма» о сталинских репрессиях, эта идея трансформировалась в концепцию использования «некоммунистических левых» в идеологической борьбе. Они, некоммунистические левые, стали ведущими активистами Конгресса.

Выдающийся историк Америки Артур Шлезингер потом скажет, что влияние ЦРУ было не только «реакционным и зловещим… По моему опыту, их руководство (некоммунистических левых. – Э. М.) было политически просвещенным и утонченным» [26].

А возглавили Конгресс Майкл Джосельсон, агент ЦРУ, бывший закупщик универмага, в годы войны офицер службы пропаганды, теперь ставший, по выражению Ф. Сондерс, «Дягилевым американской антисоветской культурной пропаганды»; и композитор Николай Набоков, двоюродный брат писателя Владимира Набокова, – в должности генерального секретаря Конгресса. В 1950 году Управление координации политики ЦРУ утвердило Конгресс «За свободу культуры» в качестве постоянного органа со штаб-квартирой в Париже. На проекты Конгресса тратились миллионы долларов. Основные усилия ЦРУ по мобилизации культуры в качестве орудия холодной войны были направлены на культивирование и систематическое развитие некоего сообщества, состоящего из благотворительных фондов, коммерческих корпораций, разных учреждений, «частных групп», «друзей» и лиц, которые работали в тесном взаимодействии с ЦРУ, чтобы обеспечить прикрытие и выделение средств на секретные программы [27].

Ведущим направлением деятельности Конгресса было завоевание интеллигенции в странах Восточной и Западной Европы и в Советском Союзе. Для этого издавался целый ряд журналов, на страницах которых выступали выдающиеся интеллектуалы, писатели и художники – светила того времени. Эти журналы были созданы Конгрессом или аффилированы с ним. С 1955 года начал издаваться ежемесячный бюллетень «Советское обозрение» под редакцией историка Уолтера Лакера, одного из «лучших международных экспертов по Советскому Союзу» [28].

Конгресс использовал мощное средство продвижения идей, минуя границы государств, – политические и культурные программы на радиостанциях «Свобода», «Свободная Европа», «Голос Америки», где давалось слово интеллектуалам. Конгресс находил союзников в Голливуде, которые понимали «проблемы пропаганды США» и могли «умело вставить в свои сценарии и действия нужные идеи». Был определен список таких «друзей», куда вошли президенты крупнейших кинокомпаний США.

Особое направление деятельности ЦРУ и ведомого им Конгресса была работа с писателями и книгоиздание. В 1977 году «Нью-Йорк Таймс» писала, что ЦРУ было причастно к изданию по крайней мере тысячи книг [29]. Все это делалось в рамках тайной программы книжного производства и распространения, которая считалась мощным инструментом стратегической пропаганды.

Помимо книжного, ЦРУ успешно работало и по другим культурным направлениям. В начале 1951 года Николай Набоков разработал план проведения масштабного фестиваля искусств

«Шедевры XX века», где музыке отводилась большая часть. Фестиваль начался в апреле 1952 года с исполнения произведения Игоря Стравинского «Весна священная» Бостонским симфоническим оркестром. В течение всего апреля в Париже прозвучали сотни симфоний, концертов, опер и балетов, созданных композиторами XX века. Девять симфонических оркестров, американских и европейских, исполняли произведения этих композиторов. Но особенность музыкального фестиваля была в том, что там исполнялись произведения Арнольда Шенберга, которого в 1933 году выселили из Германии как еврея и композитора «декадентской музыки», о которой советские критики говорили как о «негармоничной», «хаотичной», «бессодержательной»; исполнялись сочинения Пауля Хиндемита, также бежавшего из фашистской Германии, чью музыку также отрицала советская музыкальная критика, как и музыку Клода Дебюсси, тоже исполняемую на фестивале, в которой, по выражению журнала «Советская музыка», господствовали «цветы зла модернизма» [30].

По схеме этого музыкального фестиваля проводились и будущие музыкальные мероприятия, организуемые Конгрессом.

Изобразительное искусство – отдельное сфера деятельности Конгресса «За свободу культуры». Почти все директора западноевропейских художественных музеев были включены в комитет искусств Конгресса. Самая большая его акция – это создание вместе с американским музеем современного искусства нового направления в изобразительном искусстве – абстрактного экспрессионизма, экспортом которого в страны Европы и СССР занималось ЦРУ.

Так американцы выстраивали систему идеологического давления на интеллектуалов Европы и Советского Союза. И вот здесь приведу красноречивый фрагмент из книги американского исследователя Тима Вейнера «ЦРУ. Правдивая история»:

«„Президент вызвал меня и Генри Киссинджера в Овальный кабинет после заседания Совета национальной безопасности, которое превратилось в 25-минутное обсуждение множества тем, включая ОСВ (программа Ограничения стратегических вооружений. – Э. М.), Лаос, Камбоджу, Кубу и противозаконные операции, – записал Хелмс (глава ЦРУ. – Э. М.) 25 марта 1970 года. – Что касается противозаконных операций, то президент приказал мне ударить по Советам, притом покрепче, и делать это в любом удобном месте в мире. Он сказал, что можно «действовать на свое усмотрение», но при этом держать Генри Киссинджера (помощник президента по национальной безопасности. – Э. М.) в курсе всех дел и проявлять как можно

больше творчества и смекалки. В этот момент он был красноречив и эмоционален, как никогда“. Поощренный столь редким моментом президентского внимания, Хелмс „воспользовался случаем, чтобы подчеркнуть, что, по его искреннему убеждению, Соединенные Штаты не должны отказываться ни от чего, что способно оказать давление на Советский Союз или вызвать недовольство или раздражение Советов“. Он пообещал президенту разработать множество новых секретных операций против Советов.

Из всего достаточно объемного текста, который Хелмс направил в Белый дом на следующей неделе, Никсон пробежал глазами лишь один параграф…

Хелмс еще раз пересмотрел работу радиостанций „Свободная Европа“ и „Свобода“, в развитие которых за двадцать лет было вложено более 400 миллионов долларов, и оценил их способность поддерживать мятежный „огонь“ инакомыслия по ту сторону железного занавеса. Он проанализировал работу советских диссидентов, таких как физик Андрей Сахаров и писатель Александр Солженицын, высказывания которых передавались в эфир на территории Советского Союза через ЦРУ. 30 миллионов человек в Восточной Европе слушали „Свободную Европу“, а многие советские граждане настраивались на волну „Свободы“, хотя Москва тратила 150 миллионов долларов в год, чтобы заглушить их сигналы. Кроме того, с конца 1950-х годов „Свободная Европа“ и „Свобода“ распространили в Советском Союзе и странах Восточной Европы почти 2,5 миллиона экземпляров книг и периодических изданий. Выражалась надежда на то, что слова, произнесенные в эфире и через печать, могут стимулировать порывы к интеллектуальной и культурной свободе» [31].

В конце 1970-х годов деятельность ЦРУ в холодной войне с СССР обретает новое качество. И оно связано с так называемым «правозащитным движением», в соответствии с концепцией З. Бжезинского о правах человека как оружии политической и коммуникационной войны. Это новое качество в деятельности ЦРУ проявилось после Совещания по вопросам разоружения и безопасности в Европе, которое состоялось в Хельсинки в 1975 году. Достижение договоренностей о сокращении ядерных и обычных вооружений, прежде всего военных потенциалов США и СССР, о нерушимости границ в Европе стало событием величайшей важности. Однако Запад согласился на эти договоренности при том условии, что они будут дополнены соглашением по правам человека. Это так называемая «третья корзина» соглашений (свобода слова, печати, передвижения и

т. д.). ЦРУ и другие центры холодной войны этим и воспользовались.

Сошлюсь здесь все на того же Тима Вейнера, который отмечает, что Бжезинский с одобрения президента Картера распорядился о запуске множества секретных операций ЦРУ, нацеленных на Москву, Варшаву и Прагу. ЦРУ было приказано издавать соответствующую литературу и субсидировать печать пропагандистских материалов и газет в Польше и Чехословакии, помогать в распространении печатных произведений диссидентов в Советском Союзе, оказать поддержку советским этническим меньшинствам, передать факсимильные аппараты и магнитофонные кассеты в руки свободомыслящих людей по ту сторону железного занавеса. Политическая война, которую вел Джимми Картер, открыла новый фронт в холодной войне, заявил Боб Гейтс из ЦРУ, который в то время работал аналитиком в Совете национальной безопасности при Бжезинском: «Проводя политику по соблюдению прав человека, он стал первым президентом со времен Трумэна, который бросил вызов непосредственной законности советского правительства в глазах собственного народа» [32].

Ф. Д. Бобков замечает: «Под покровительством политического отдела посольства США в СССР, в частности его сотрудника Ричарда Колмса, создавались „хельсинкские группы“ борцов за права человека, которые легализовали тех, кто вел незаконную деятельность против советской власти. Это была серьезная и глубоко разработанная программа борьбы с Советским Союзом. Спецслужбы США получили практически легальную возможность руководить движением, направленным не перемену строя внутри СССР, иметь для этого отряды диссидентов под вывеской борьбы за права человека. Сохранилось множество документов, подтверждающих это. Вначале такую роль играли письма против отдельных правительственных решений и акций, затем возникла „Хроника текущих событий“, вокруг которой стали сплачиваться „борцы за права человека в СССР“, – за все платили специальные центры и фонды на Западе. Позже (при том же финансировании и при той же организации) стали распространяться программы „Демократическое движении в СССР“ и „Тактические основы демократического движения в СССР“».

Бобков обращает внимание на то, что если посмотреть на соответствующие директивы СНБ, программы тайных операций ЦРУ в духе этих директив, начиная с послевоенных лет, то вырастает стратегия длительного разрушения Советского Союза. Он называет эту стратегию «планом Лиоте». Сначала о названии. Здесь история такая. Французский генерал по фамилии Лиоте во

время колониальной войны в Алжире приказал своим солдатам высадить деревья вдоль дорог, чтобы солдаты могли спасаться от палящего африканского солнца. Его не понимали. Как это деревья могут защитить от жары, когда они вырастут только лет через пятьдесят? А Лиоте объяснял, что действительно деревья вырастут через пятьдесят лет, и тогда их могучие кроны защитят от солнца тех французских солдат, что будут в это время нести здесь службу. И они с благодарностью вспомнят своих предшественников. Эта операция с посадкой деревьев была операцией для будущего. Вот так же для будущего лучшие умы Америки разрабатывали стратегические планы, ставшие директивами Совета национальной безопасности и программами ЦРУ в отношении Советского Союза. В ряде документов эти разработки и назывались «планами Лиоте». Эти планы были рассчитаны на далекую перспективу. Цели тайных операций формулировались как постепенное изменение государственного строя в СССР, по принципу «вода камень точит».

Уже последующий анализ выявил особенности американской стратегии, нацеленной на длительный процесс разрушения Советского Союза. Выделялись два основных направления.

Первое касалось мощной, масштабной работы, подрывающей государственный строй СССР изнутри. Компрометировалась партия как руководящая сила страны, с целью ее полного разложения и ликвидации; взращивались оппозиционные настроения среди научной и творческой интеллигенции, особенно в сфере культуры; поддерживались агенты влияния в руководящих органах, способных остановить развитие страны; разжигалась национальная вражда. Продвигались проекты «прав человека», «демократии», предусматривающие помощь тем группам и людям в СССР, которые были в оппозиции к правящему режиму, как правило, в среде интеллигенции. Планировалось эту помощь предоставлять в виде денежных средств, типографского оборудования, определенного снаряжения для подрывной деятельности.

Второе направление было связано с нанесением чувствительного ущерба экономике, с манипулированием ценами на нефтяном рынке, со значительным ограничением поставок нового оборудования и технологий для промышленности, и при этом с максимальным наращиванием новейших видов вооружения, втягивающим СССР в тяжелейшую гонку вооружений, истощающим его экономически.

О том, насколько серьезны были усилия американцев в этом направлении, говорит документ, направленный председателем КГБ Ю. В. Андроповым в ЦК КПСС 24 января 1977 года, в котором

говорилось о планах ЦРУ по приобретению агентуры влияния среди советских граждан. Речь шла о том, что, «по замыслу ЦРУ, целенаправленная деятельность агентуры влияния будет способствовать созданию определенных трудностей внутриполитического характера в Советском Союзе, задержит развитие нашей экономики», направит научные изыскания в СССР по тупиковым направлениям. Такие планы появились у ЦРУ с того момента, как СССР начал активно развивать свои контакты с Западом.

Президент США Р. Рейган, объявив СССР «империей зла», возложил задачу борьбы с этой «империей» прежде всего на ЦРУ, которое сделало эту борьбу национальным проектом. Тогда в ЦРУ был создан штаб из интеллектуалов для координации действий государственных структур на советском фронте [33].

То, что США возвели задачу борьбы с Советским Союзом в ранг национального проекта на долгую перспективу, говорит о том, что эта борьба была жизненно важной для развития Америки, и она переходила от президента к президенту. По крайней мере, формулировка из директивы СНБ-68 – «холодная война – это на самом деле настоящая война, в которой на карту поставлено выживание свободного мира…» – оставалась руководящей для американской политической элиты во все годы существования СССР. Да и требования к этой элите в условиях холодной войны директива предъявляла весьма жесткие: «Выполнение этой программы потребует от нас всех находчивости, жертвенности и единства, диктуемых суровостью проблемы, и настойчивого упорства в достижении наших национальных задач».

Но какое отношение было у лидеров Советского Союза к набирающей силу холодной войне?

«Вся беда наша, если говорить о холодной войне, – говорил Бобков в отношении этой ситуации, – состояла в том, что руководство СССР не придавало большого значения тому, что против нас идет именно война. У нас было немало материалов разведки, которые были представлены руководству страны. Однако в аппарате ЦК КПСС росло убеждение, что нам ничего не угрожает. Мы победили Гитлера, фашизм, и нам ничего не страшно – такая была точка зрения. Холодную войну в основном рассматривали как пропаганду».

Вызов США как вызов политический и интеллектуальный, нацеленный на разрушение социалистического строя в СССР, партия не воспринимала. И вызов этот не приняла. Но его принял КГБ, когда его возглавил политик, обладающий аналитическим умом, – Юрий Владимирович Андропов.

Принципы Андропова

Без Андропова Пятое управление вряд ли бы появилось в Комитете государственной безопасности СССР. Вообще, приход в КГБ такой незаурядной личности, как Андропов, изменил облик этой организации, поднял ее интеллект, придал ей политическую заостренность и оперативный блеск. Пожалуй, КГБ времен Андропова превзошел в понимании политических и идеологических процессов аппарат партии, что вызывало тогда подозрительность М. А. Суслова, идеолога партии, и Б. Н. Пономарева, занимавшегося международным коммунистическим движением.

Сделать Юрия Владимировича Андропова руководителем КГБ решил Л. И. Брежнев, генеральный секретарь партии. Тогда складывалась сложная ситуация в партийном руководстве. Там боролись за влияние две группировки лидеров. Брежнев поддержал тех, кто выступал против растущего влияния в партии и государстве А. Н. Шелепина, бывшего председателя КГБ, тогда секретаря ЦК партии, члена Политбюро. Близок к Шелепину был и В. Е. Семичастный, глава КГБ в тот период. Андропов, в то время секретарь ЦК, занимавшийся связями с коммунистическими партиями социалистических стран, не примыкал ни к каким группировкам, не занимался интригами, а честно и творчески выполнял свои обязанности. Поэтому решение Брежнева назначить его председателем КГБ было верным.

Но в самом Комитете госбезопасности ситуация тогда, в 1967 году, была сложная, напряженная. Причиной тому были распри между отдельными группами руководящих работников. Как вспоминал Бобков, основную группу составляли бывшие партийные работники, которые появились в органах госбезопасности после ареста В. С. Абакумова (министра госбезопасности СССР в 1946–1951 годах. – Э. М.). Эти работники, пришедшие из партийного аппарата, занимали ключевые посты и считали себя заслуживающими ведущего положения и, по выражению Бобкова, «держали оборону против новых молодых сотрудников, которым Шелепин и Семичастный открывали дорогу на руководящие посты». Но «фракция» партработников не сдавала своих позиций. В этой ситуации труднее всех приходилось профессионалам – кадровым офицерам разведки и контрразведки, которые и несли на себе всю тяжесть оперативной работы.

И вот в КГБ появился Андропов. Тут сразу засуетились бывшие партработники, которые старались показать себя

сторонниками нового председателя и продемонстрировать свою значимость. Андропов не стал реагировать на лесть, на видимые и невидимые знаки преданности, а выразил доверие профессионалам. Это сразу вызвало уважение к нему. Это его доверие профессионалам не было жестом опытного управленца. Это было принципом Андропова – делать ставку на профессионалов в любом деле, доверять им. «Жертвой» этого принципа стал и Бобков, когда позже Андропов определял руководителей Пятого управления.

Но был высший принцип, которому следовал Андропов. Быть твердым в своих убеждениях. Он никогда не подвергал сомнению социалистический путь развития Советского Союза. Именно с этой позиции он смотрел на проблему настроений и взглядов некоторых партийных и государственных деятелей, оппозиционной интеллигенции, на проблему нравственной ущербности их поведения, на усилия ЦРУ, стремящегося разложить советское общество, разделить власть и народ. Ведущий тезис его позиции здесь был такой: «Мы живем в стране социализма. Немало тех, кто сомневается в этом, говорит, что социалистическое общество не таким должно быть. Мы, дескать, ушли от социалистических начал. Но мы – первые. Иного социализма на Земле никто в жизни не воплотил, да и не воплощал. Конечно, многое хочется улучшить, усовершенствовать. Мы обязаны это делать. Но искать иные пути, бросать наш опыт, отказываться от него – значит уйти от социализма, похоронить завоевания Октября, закрыть дорогу в будущее».

И вот здесь стоит рассказать об одной ситуации, в связи с которой Андропов произнес знаменательную фразу, высветившую ярчайшим образом его позицию в том сложном, явном и неявном, политическом и нравственном противостоянии, что складывалось тогда в партии и обществе. Это фраза дает совершенно неожиданное понимание личности Андропова. Вот что рассказывал Бобков:

«В начале 70-х годов к нам поступила информация о том, что известный публицист, бывший секретарь ЦК ВЛКСМ Л. В. Карпинский задумал создать некое подобие нелегальной библиотеки для распространения запрещенной литературы. Я хорошо был знаком с Карпинским, знал о его неординарных оценках событий, происходящих в стране, ценил высокую эрудицию и рассудительность, его широкий взгляд на политические события и свободомыслие. Наши встречи еще в ЦК ВЛКСМ всегда давали почву для размышлений. Когда Карпинский перешел на работу в газету „Правда“, он совместно с известным

журналистом Федором Бурлацким опубликовал статью в „Комсомольской правде“, в которой осуждался подход партийного руководства к работе в сфере искусства. Это вызвало раздражение в ЦК КПСС. Карпинский был устранен от активной общественной и журналистской деятельности и перешел в разряд инакомыслящих».

Здесь замечу, что появление такой критической статьи на тему руководства партией культурой и искусством в контексте той деятельности, что вело ЦРУ в сфере культуры и искусства, было архинеобходимо. Ибо сфера культуры и искусства становилась основным каналом влияния на творческую интеллигенцию в СССР. И косная позиция КПСС в этой сфере лишь усиливала эффект операций ЦРУ. Об этом речь в главе «Американский вызов делался интеллектом и руками ЦРУ». Но продолжим рассказ Бобкова:

«Политические взгляды Л. В. Карпинского никакого беспокойства у органов госбезопасности не вызывали. Они могли соответствовать или не соответствовать моим, но это не имело значения. Когда же речь зашла о создании некой нелегальной структуры, это настораживало. Не хотелось видеть Карпинского, ставшего к тому времени руководителем одной из идеологических редакций в издательстве „Прогресс“, среди так называемых диссидентов.

После размышлений пригласил Карпинского, и мы обстоятельно поговорили.

Ему хотелось добиться у меня политических оценок его деятельности, но я, честно говоря, уклонился от этого и переадресовал в ЦК, хотя мы оба отлично понимали, что ничего хорошего его там не ждет. Однако он был членом КПСС, и я решил занять в данном случае формальную позицию, преследуя только цель – уберечь его от нелегальщины. И Лен Вячеславович понял это.

Я доложил о беседе Андропову. Помню, Юрий Владимирович встал из-за стола и долго ходил взад-вперед по кабинету, а это всегда сопутствовало его серьезным раздумьям. Потом остановился и внимательно посмотрел на меня.

– Плохо, что такие, как Карпинский, уходят от нас. Это свидетельство: в нашем доме не все ладно. Не знаю, поймут ли его в ЦК…

Однако, как и ожидалось, в Комитете партийного контроля при ЦК КПСС Карпинского не поняли. Он был исключен из партии и уволен с работы».

Вот эта фраза Андропова: «Плохо, что такие, как Карпинский,

уходят от нас. Это свидетельство: в нашем доме не все ладно. Не знаю, поймут ли его в ЦК», – говорила о назревающем расколе между ним и частью партийной элиты, принимающей решения.

Он понимал, что мыслящие люди в партии все чаще восстают, кто мысленно, а кто смел, как Карпинский, – публично, против ее бюрократизма и интеллектуального бессилия, уходят в себя, когда не находят понимания. Они партии не враги, они просто понимают, что в новых обстоятельствах нужно действовать иначе. А партия отторгала их, превращая некоторых во врагов.

Андропов уже тогда говорил, что нужно уметь отделять истинных противников социализма и существующего строя от мнимых, для которых не социализм враг, а те в партийной верхушке, кого они обошли в понимании общественных процессов, в теоретических и методологических взглядах на развитие общества. И таких людей нужно не отталкивать, а привлекать.

Андропов вернул в столицу крупнейшего русского философа, теоретика искусств, литературоведа М. М. Бахтина. Для культурологов не было тогда более авторитетного ученого, чем Бахтин. Историю этого возвращения хорошо знал Рой Медведев. В сталинские времена Бахтин подвергался репрессиям, однако и после XX съезда КПСС не был полностью реабилитирован. В 60-е годы он мог работать в провинции и даже публиковаться, но ему не разрешали жить в Москве и Ленинграде, что крайне ограничивало возможности работы и научного общения. Когда Андропова только назначили председателем КГБ, несколько литераторов сумели добиться у него приема. Андропов внимательно выслушал доцента филфака МГУ В. Турбина и немедленно распорядился принести ему «дело» Бахтина. Бегло просмотрев содержимое принесенной ему папки, Андропов обещал помочь. Через пару недель 72-летний и уже тяжело больной ученый получил возможность вернуться в Москву. Но никто не знал, каким образом устроить в столице жизнь Бахтина и его семьи. Но оказалось, что об этом уже позаботились. Встречавшие Бахтина неизвестные молодые люди помогли ему сесть в машину и отвезли в Кремлевскую больницу, где он лечился больше месяца. Ему были предоставлены работа и квартира. Через несколько лет вышел в свет сборник его статей. Он также смог завершить большой труд о творчестве Франсуа Рабле. В 1975 году Бахтин умер, и, как подчеркивает Р. Медведев, он ушел из жизни окруженный вниманием и уважением, и сегодня все признают его одним из классиков русской литературы.

Своеобразную оценку отношениям Андропова с

интеллигенцией дает пресс-секретарь Горбачева Андрей Грачев, многие годы работавший в аппарате ЦК КПСС: «По ряду личных качеств Андропов и впрямь лучше подходил для „работы“ с интеллигенцией, чем такие „профессиональные“ идеологи, как Суслов, Зимянин или заведовавшие отделом культуры ЦК Петр Демичев и Василий Шауро, не имевшие авторитета в творческой среде люди, отслужившие свой должностной срок в кабинетах и президиумах торжественных собраний и игравшие, в сущности, роль идеологических надзирателей, „комиссаров“, приставленных к несознательным деятелям искусства… Напротив, Андропов даже в роли хозяина зловещего КГБ внушал интеллигенции наряду со страхом и определенное уважение масштабностью личности, трезвостью и откровенностью суждений, а также репутацией аскетичного ригориста. В чем-то, по видимому, Андропову даже помогала его малопочтенная должность: председателю КГБ не было нужды опускаться до примитивной демагогии, без чего не могли обойтись из-за служебных обязанностей идеологические руководители ЦК. Он мог позволить себе вести себя прямее и честнее, хотя явно жестче и суровее своих собратьев по Старой площади» [34].

Некоторые дела по так называемым «диссидентам» Андропову приходилось решать на заседаниях Политбюро или Секретариата ЦК партии. И он часто предлагал более мягкие решения и приговоры, настаивал на них, чем вызывал раздражение, иногда неудовольствие Суслова, Подгорного, а то и Косыгина с Брежневым. После выхода на Западе книги талантливого логика и социального философа Александра Зиновьева «Зияющие высоты», где советская действительность стала объектом сатиры, М. Суслов потребовал сурово наказать автора: отправить его в колонию строго режима на 7 лет, а потом добавить 5 лет ссылки. Зиновьева тогда пришлось лишить всех должностей и исключить из партии. Но Андропов не допустил его ареста. Через два года Зиновьев принял решение об эмиграции. И вот что пишет в связи с этим Андропов в записке, направленной в ЦК КПСС: «Имеющиеся в Комитете госбезопасности материалы свидетельствуют о том, что вся деятельность Зиновьева является противоправной и есть юридические основания для привлечения его к уголовной ответственности. Однако эту меру пресечения антисоветской деятельности Зиновьева, по нашему мнению, в настоящее время применять нецелесообразно… Известно, что Зиновьеву поступили приглашения для участия в симпозиумах, чтения лекций по логике в некоторых университетах Западной Европы и США, а также частное приглашение из Франции. Зиновьев делает попытки оформить документы на выезд за

границу совместно с женой и дочерью дошкольного возраста. Комитет госбезопасности считает возможным разрешить Зиновьеву и его семье выезд в одну из капиталистических стран в частном порядке и закрыть ему въезд в СССР… Проект постановления ЦК КПСС прилагается. Просим рассмотреть» [35].

До перестройки, затеянной М. Горбачевым, Зиновьев был одним из самых ярких критиков советской системы. При этом он был суровым критиком либеральных ценностей, продвигаемых Западом. В поздних своих работах он крайне негативно оценивал разрушение советской системы, широкое хождение получила его фраза: «Целились в коммунизм, а попали в Россию». В отношении его можно сказать то, что Андропов говорил о Карпинском: «Плохо, что такие… уходят от нас».

Но зато в отношении не мнимых, а действительных противников и врагов социализма, Советского Союза и советского строя, которых растило ЦРУ и родственные ему центры, Андропов был неумолим и последователен. Поэтому вполне понятно его предложение сделать более эффективной борьбу с антисоветской политической оппозицией с учетом новых обстоятельств. Это предложение было плодом его долгих размышлений, в основе которых был анализ оперативных документов разведки и контрразведки, материалов западных научных центров, дискуссии с коллегами в Комитете. В записке, направленной в ЦК КПСС, Андропов ставит вопрос о целесообразности образования самостоятельного управления по борьбе с идеологическими диверсиями противника.

В этой записке от 3 июля 1967 года № 1631-А Андропов пишет: «Имеющиеся в Комитете государственной безопасности материалы свидетельствуют о том, что реакционные силы империалистического лагеря, возглавляемые правящими кругами США, постоянно наращивают свои усилия в плане активизации подрывных действий против Советского Союза.

При этом одним из важнейших элементов общей системы борьбы с коммунизмом они считают психологическую войну…

Замышляемые операции на идеологическом фронте противник стремится переносить непосредственно на территорию СССР, ставя целью не только идейное разложение советского общества, но и создание условий для приобретения у нас в стране источников получения политической информации.

В 1965–1966 годах органами госбезопасности в ряде республик было вскрыто около 50 националистических групп, в которые входили свыше 500 человек. В Москве, Ленинграде и некоторых других местах разоблачены антисоветские группы, участники которых в так называемых программных документах

декларировали идеи политической реставрации…

Под влиянием чуждой нам идеологии у некоторой части политически незрелых советских граждан, особенно из числа интеллигенции и молодежи, формируются настроения аполитичности и нигилизма, чем могут пользоваться не только заведомо антисоветские элементы, но также политические болтуны и демагоги, толкая таких людей на политически вредные действия…»

В этой связи предлагалось создать в центральном аппарате КГБ самостоятельное Управление (пятое), возложив на него следующие функции:

– организации работы по выявлению и изучению процессов, могущих быть использованными противником в целях идеологической диверсии;

– выявления и пресечения враждебной деятельности антисоветских, националистических и церковно-сектантских элементов, а также предотвращения (совместно с органами МВД) массовых беспорядков;

– разработки в контакте с разведкой идеологических центров противника, антисоветских эмигрантских и националистических организаций за рубежом;

– организации контрразведывательной работы среди иностранных студентов, обучающихся в СССР, а также по иностранным делегациям и коллективам, въезжающим в СССР по линии Министерства культуры и творческих организаций.

Эта записка рассматривалась на Политбюро ЦК партии, потом было принято соответствующее постановление Совета министров СССР.

Знание – вот еще один принцип Андропова. Знание обстановки, знание документов, знание политических, социальных и экономических процессов, идущих в стране, знание научных исследований и публикаций социально-политического характера, знание основных работ классиков общественно-политической мысли, знание художественной литературы, – все это он считал необходимостью для руководителя службы государственной безопасности.

Стиль интеллектуальной работы, который выработался у Андропова в ЦК партии, он сохранил и в КГБ. Об этом стиле пишет академик Г. А. Арбатов: «Я был приглашен консультантом в отдел Ю. В. Андропова в мае 1964 года. Могу сказать, что собранная им группа консультантов была одним из самых выдающихся „оазисов“ творческой мысли того времени… Очень существенным было то, что такую группу собрал вокруг себя секретарь ЦК КПСС. Он действительно испытывал в ней

потребность, постоянно и много работал с консультантами. И работал, не только давая поручения. В сложных ситуациях (а их было много), да и вообще на завершающем этапе работы все „задействованные“ в ней собирались у Андропова в кабинете, снимали пиджаки, он брал ручку – и начиналось коллективное творчество, часто очень интересное для участников и, как правило, плодотворное для дела. По ходу работы разгорались дискуссии, они нередко перебрасывались на другие, посторонние, но также всегда важные темы. Словом, если говорить академическим языком, работа превращалась в увлекательный теоретический и политический семинар. Очень интересный для нас, консультантов, и, я уверен, для Андропова, иначе он от такого метода работы просто отказался бы. И не только интересный, но и полезный… Андропов был умным, неординарным человеком, с которым было интересно работать. Он не имел систематического формального образования, но очень много читал, знал и в смысле эрудиции был, конечно, выше своих коллег по руководству. Кроме того, он был талантлив. И не только в политике. Например, Юрий Владимирович легко и, на мой непросвещенный взгляд, хорошо писал стихи, был музыкален, неплохо пел, играл на фортепьяно и гитаре. В ходе общения с консультантами он пополнял свои знания, и не только академические. Такая работа и общение служили для Андропова дополнительным источником информации, неортодоксальных оценок и мнений, то есть как раз того, чего нашим руководителям больше всего и недоставало. Он все это в полной мере получал, тем более что с самого начала установил (и время от времени повторял) правило: «В этой комнате разговор начистоту, абсолютно открытый, никто своих мнений не скрывает. Другое дело – когда выходишь за дверь, тогда уж веди себя по общепризнанным правилам» [36].

Как-то Андропов сказал Г. Шахназарову, который входил в группу его советников и консультантов: «Я стараюсь просматривать „Октябрь“, „Знамя“, другие журналы, но все же главную пищу для ума нахожу в „Новом мире“, он мне близок» [37].

Андропов встречался, и не один раз, с поэтами Евгением Евтушенко и Андреем Вознесенским. Беседовали о литературе, о поэзии, о свободе творчества. Андропов был дружен с Юлианом Семеновым, писателем, работавшим в жанре политического романа. Самое громкое его произведение – роман «Семнадцать мгновений весны», идею которого подсказал Андропов. С некоторых пор их встречи стали постоянными, а разговоры касались новых сочинений Семенова. И здесь проявился с

совершенно неожиданной стороны еще один принцип Андропова. Вот что об этом рассказывал Семенов:

«…Я звонил по тому телефону, – прямому, без секретарей, – который он оставил во время первого разговора, и просил прочесть каждый новый роман.

„Бриллианты“ („Бриллианты для диктатуры пролетариата“. – Э. М.) прошли как по маслу, хотя на средних этажах придирок к ним было множество; впрочем, с „Альтернативой“, романом о Югославии, случилась осечка.

После того, как я отправил ему рукопись, Андропов пригласил заехать (обычно это было в субботу), сказал, что роман ему пришелся, но потом открыл закладочку и кивнул на пометки:

– В этих пассажах вы бьете нас посильней, чем Солженицын. Стоит ли? Ваши недруги из литературного мира умеют ломать кости…

– Убрать страницу?

Андропов как-то обиженно, недоумевающе удивился:

– Что значит „убрать“? Следуйте марксовой формуле – „теза и антитеза“! Уравновесить эти рискованные страницы двумя-тремя выверенными фразами, двоетолкование – повод для дискуссии, но не для обвинений.

(Однако, когда „Альтернатива“ пошла в „Дружбе народов“, бедного Баруздина понудили вынуть из верстки немало фраз и страниц: я был за границей, а к Андропову, увы, обратится никто не решился…)» [38].

Так неожиданно Андропов дал ключ к проблеме сочинений Солженицына. В его романах не было двоетолкования как повода для дискуссии. Они были однолинейны, а потому превращались в пропагандистские, которые настойчиво предлагало ЦРУ. Но об этом ниже, в главе «Находящиеся на связи лица».

Вообще-то принцип «теза-антитеза = двоетолкование» настолько хорош для интеллектуальной работы, для писательского дела, что не воспользоваться им – грех.

Говоря же о системе принципов Андропова, нельзя не упомянуть о принципах для внутреннего пользования, которые он продвигал внутри КГБ и которые оказали влияние на работу пятого Управления.

Андропов требовал честного и ответственного исполнения служебного долга и сам был образцом такого служения. Он практически ни одного дня не был отключен от работы в Комитете. Как вспоминал Бобков, «мы знали и привыкли к тому, что суббота или воскресенье – это самые удобные дни для доклада председателю, так как в будни его отвлекали внекомитетские дела».

Андропов требовал, чтобы офицеры КГБ умели слушать людей, считаться с их мнением. Он не отвергал позицию несогласных, даже тогда, когда принимал решения вопреки мнению возражавших. А если возражавшие впоследствии оказывались правы, то он констатировал это прилюдно. Он не принимал скоропалительных решений, чего требовал и от коллег.

У него был свой принцип отношения к информации, к устным докладам. «Очень скоро мы убедились в том, – вспоминал Бобков, – что доклад без предложений о действиях, вытекающих из доложенной информации, для него не интересен. Он говорил, что если нет решений, то будем искать их сообща. А просто играть в информированность – дело недостойное».

Принципиальным требованием Андропова было соблюдение законности в делах государственной безопасности. Чтобы исключить случаи покушения на законность, Андропов ограничил некоторые права местных руководителей.

В частности, это касалось права на возбуждение уголовных дел по статье 70 Уголовного кодекса РСФСР (антисоветская пропаганда). Такое решение принималось только с санкции центра.

Вина привлеченных к уголовной ответственности по этой статье должна быть доказана документами и вещественными доказательствами. При этом признание обвиняемых и показания свидетелей признавались лишь как объяснение действий, как иллюстрация от очевидцев. Это правило распространялось также и на материалы, передаваемые в органы прокуратуры.

Принципы Андропова, общие и для внутреннего пользования, были тем духовным и профессиональным основанием, которое позволило ему создать в КГБ надежную команду единомышленников, в первой линии которой был Ф. Д. Бобков.

Появление Пятого управления как сопротивление американскому вызову

Однажды поздним вечером майского дня 1967 года полковника Бобкова вызвал председатель КГБ Андропов. Говорили о жизни, о службе, о ситуации в органах, все еще приходивших в себя после хрущевской неразберихи.

И неожиданно:

– Пойдешь работать заместителем начальника нового управления по борьбе с идеологическими диверсиями?

Для Бобкова неожиданно, для Андропова – обдуманно:

– Такое управление – не повтор секретно-политических отделов, работавших по троцкистам, меньшевикам, эсерам. Это управление должно отвечать задачам сегодняшнего дня. Против нас идет самая настоящая идеологическая война, и здесь стоит вопрос – кто кого. Противник стремится разрушить наше государство и прилагает для этого все силы. Поэтому мы обязаны знать его планы и методы, знать, как он работает. Но при этом мы должны видеть процессы, происходящие в стране, в обществе, знать настроения людей, видеть, как эти процессы используются против нас. Это принципиально. Для этого необходимо использовать самые разные источники информации, как легальные, те же социологические центры, институты, ту же прессу, так и данные наших спецслужб. Мы должны видеть не только поверхность явлений, но и тайные пружины, двигающие ими. Нужно научиться распознавать и понимать глубинные процессы. Мне представляется, что главной задачей нового управления должен быть глубокий политический анализ, точный прогноз, и на этой основе предотвращение нежелательных событий и явлений. Надо остановить идеологическую экспансию с Запада. И не обойтись здесь без чекистских методов.

«Чекистские методы? Что он имеет в виду? – подумал тогда Бобков. – Видимо, речь идет о создании своего рода Управления политической контрразведки?»

– И контрразведка, и разведка, и аналитическая работа – все для защиты социалистического строя, – сказал тогда Андропов.

«При этом мы оба понимали, – вспоминал Бобков, – что основным делом органов госбезопасности является защита не правителей, а именно устоев государства, конституционного строя».

Ф. Д. Бобков вспоминает: «Когда пришел к руководству КГБ Шелепин, то, выполняя волю Хрущева, он провел кардинальную

перестройку органов госбезопасности. Все внутренние оперативные управления (экономическое, транспортное и другие) были слиты в одно – второй главк, контрразведывательный, на правах отделов и отделений. Но самое главное – была упразднена внутренняя агентура. Та агентура, что создавалась в разных слоях общества годами, а то и десятилетиями. Все это делалось под флагом разоблачений преступлений Сталина, в русле решений съездов партии и пленумов ЦК. Вместо КГБ партия сама взяла на себя работу по защите существующего строя. Но, конечно, действовала присущими ей методами. – ввела, например, институт политинформаторов. Но все это не решало главную задачу – знать, что происходит в стране, какие идут глубинные процессы, каковы настроения. Потом ведь шло воздействие из-за рубежа, работали зарубежные центры, НТС развивал активность, проникала агентура. Целью ее было создание неких организаций, оппозиционных власти. В тот же хрущевский период ежегодно происходили массовые беспорядки – стоит только вспомнить: Тбилиси, Темиртау, Чимкент, Алма-Ата, Муром, Бронницы, Нальчик, Степанакерт, Тирасполь, Краснодар. Везде начиналось с конфликта граждан и милиции, часто конфликта с автоинспекцией, а заканчивалось разгромом зданий райкомов, горкомов партии. Но удивительно, здания КГБ, как правило, были рядом, – их не трогали. Что касается событий в Новочеркасске, то их трагическая развязка целиком на совести местных партийных органов.

Так вот, при Хрущеве, повторяю, массовые беспорядки случались каждый год. А за 20 лет, с 1965 по 1985 год, было всего пять случаев массовых беспорядков (в Грозном, Рубцовске, Ингушетии, Северной Осетии – ингушско-осетинский конфликт, и в Вильнюсе (1972 год) – самосожжение студента, приведшее к демонстрации. Поэтому, когда Андропов возглавил КГБ, он пришел к мысли, что надо создавать управление по защите существующего строя. Идея родилась у него, а не в партии. И назвали новое управление – „Управлением по борьбе с идеологическими диверсиями“. Не совсем, конечно, удачное название, но так было. Разработали его структуру, начали энергично создавать агентурный аппарат».

По сути, с организации Пятого управления начал Андропов свою работу в КГБ.

Разве мог он забыть то октябрьское промозглое утро 1956 года в Будапеште, когда увидел из окна посольства, как суетились небритые люди в традиционных венгерских шляпах, как они остервенело кололи ножами беззащитных людей, запихивали им в распоротые животы партийные книжки, а потом крепили им на

грудь картонки с криво намалеванным словом «коммунист».

Такое не забывается. Такое заставляло думать о защите власти от внутренних оппозиционеров, начинающих тихо. Чем больше он узнавал Бобкова, тем лучше понимал, что этот человек создан для такой работы, для срыва идеологических операций: фронтовик и контрразведчик, аналитик, психолог и оперативник божьей милостью.

Почему Андропов видел на этом месте талантливого контрразведчика, а не идеологического работника? Потому что прочно связывал внутреннюю оппозицию с устремлениями западных спецслужб, исследовательских и пропагандистских центров.

Как бы потом ни трактовали историки речь Черчилля в марте 1946 года в Фултоне, но старый антикоммунист оставался верен себе: этой речью он положил начало мобилизации Запада как сообщества англоязычных народов на борьбу с мировым коммунизмом. Понятия, которыми оперировал Черчилль, – «железный занавес», «пятые колонны», «тень, опустившаяся на континент», – скоро породили массу директив и разработок спецслужб. От года к году множились они, заряжая энергией разведцентры. Некоторые из них, добытые советской разведкой, ложились на стол Андропова. А потом заглавный лист украшала резолюция: Бобкову.

Суть этих документов соответствовала тому, о чем впоследствии писал руководящий сотрудник ЦРУ Г. Розицки: «Бороться с коммунистическим режимом на его собственной территории, оказывать помощь движению сопротивления, ослабляя лояльность граждан передачами по радио, листовками и литературой». Самым первым таким документом, ставшим известным советской разведке, оказалась уже упомянутая в этой части повествования директива президента Трумэна для ЦРУ, которому предписывалось ведение «пропаганды, в том числе с использованием анонимных, фальсифицированных или негласно субсидируемых публикаций; политические действия с привлечением… изменников…» Другая президентская директива ориентировала на тайные операции: «пропаганду; экономическую войну; превентивные прямые действия, в том числе саботаж, подрывную работу… включая помощь подпольному движению сопротивления… и эмигрантским группам освобождения».

Впечатляло и другое. Стоило здесь, в Советском Союзе, художнику или писателю создать нечто, звучащее как вызов устоявшейся системе ценностей, или бросить жесткий упрек власти, как западные службисты брали этих людей в разработку в духе вышеупомянутых директив для ЦРУ. И Андропову, и Бобкову

было ясно: Запад под знаменем свободы пытается создать в Советском Союзе пятую колонну. И для этого ищет людей разного толка: ученых и художников, интеллектуалов и фрондеров, профессионалов в чем-то и суетящихся дилетантов. Но обязательно недовольных, амбициозных, агрессивных, тщеславных, авантюрных, интригующих, одержимых, закомплексованных и даже искренне жаждущих помочь власти улучшить систему.

То был не массовый поиск, а штучный. Поштучно найденных Запад нежил, холил, лелеял, поддерживал любые их намерения, оформляя как борьбу за свободу или за права человека. Но сколько было при том пены и грязи! И на фоне этого вертепа, где каждый искал свои интересы, начала оформляться структура с ясными очертаниями – Пятое управление.

Бобков выстраивал основную конструкцию, уникальную в истории спецслужб. Каждый отдел – направление идеологической или политической безопасности.

1. Отдел по борьбе с идеологическими диверсиями среди творческой интеллигенции, в сфере культуры, в средствах массовой информации. Отделом велась контрразведывательная работа на каналах культурного обмена, работа по линии творческих союзов, учреждений культуры, научно-исследовательских институтов.

2. Отдел планирования и проведения контрразведывательных мероприятий совместно с разведкой против центров идеологических диверсий. В задачу отдела входили пресечение деятельности НТС, борьба с зарубежными антисоветскими организациями и идеологическими центрами (такими как радио «Свобода», организация «Международная амнистия»), агентурное проникновение в эти структуры, мониторинг их состояния, планов и действий. Отдел занимался разработкой антисоветских и националистических групп, активных антисоветчиков и националистов, занимался академиком А. Сахаровым, националистической организацией Васильева «Память», организаторами антисоветского подпольного бюллетеня «Хроника текущих событий».

3. Отдел противодействия идеологическим диверсиям в учебных заведениях, научных учреждениях, в институтах Академии наук, среди учащейся, студенческой и научной молодежи. Отдел вел контрразведывательную работу на каналах студенческого обмена по пресечению враждебной деятельности студенческой молодежи и профессорско-преподавательского состава.

4. Отдел контрразведывательной работы в среде

религиозных, сионистских и сектантских элементов, против зарубежных религиозных центров.

5. Отдел по руководству подразделениями пятой службы в республиках и областях страны. В задачу отдела входили практическая помощь местным органам КГБ по предотвращению массовых антиобщественных проявлений; оперативный розыск авторов антисоветских анонимных документов и листовок; оперативная проверка сигналов по террору, помощь органам безопасности в борьбе с «местным» террором в областях и республиках. Это был самый многочисленный отдел, в его штате было около 60 человек: опытные розыскники, специалисты по взрывным устройствам, лингвисты, почерковеды.

6. Информационно-аналитический отдел (обобщение и анализ данных о деятельности противника в сфере идеологических диверсий; анализ настроений среди интеллигенции, молодежи, служителей культа; подготовка проблемных записок для руководства КГБ, в ЦК КПСС, в правительство; перспективное планирование).

7. Отдел, обеспечивающий проведение массовых мероприятий, в которых участвовали зарубежные граждане (фестивали, форумы, олимпиады).

8. Отдел по работе с радикальными и «экзотическими» организациями и явлениями (молодежные профашистские объединения; «мистические», оккультные кампании, карточные притоны; организации панков, рокеров и другие им подобные).

Бобков как начальник Управления лично курировал два отдела: тот, в чьем ведении была разработка антисоветских и националистических групп, активных диссидентов, и тот, что занимался предотвращением массовых антиобщественных проявлений и борьбой с террором. Такое внимание его к этим отделам в определенной мере говорило о приоритетах в деятельности Пятого управления.

Конечно, ни Андропов, ни Бобков тогда не оперировали понятием «социального контроля масс», вышедшим из-под пера французского социолога Г. Тарда и подхваченным американцами Э. Россом, Р. Парком и Р. Лапьером, а потом Р. Мертоном, П. Селфом, К. Рицлером. Тард сформулировал, что социальный контроль – это контроль поведения индивидов в границах определенных общественных институтов, подчинение индивида социальной группе [39].

Американцы, как всегда, пошли дальше: они ввели понятие санкций, то есть воздействия на индивида в случае нарушения им групповых и общественных норм. Ну а санкции признавались физические и идеологические. Ученые со вкусом писали об

идеологических: о манипулировании потребностями, настроениями, сознанием, поведением людей. Не углубляясь в мировую мысль (а наша тогда здесь и не дышала), Андропов и Бобков интуитивно, руководствуясь здравым смыслом, формировали принципы и формы социального контроля, соответствующие социализму. И тоже больше думали об идеологических, нежели физических санкциях.

Пройдут годы, и на Пятое управление навесят груду ярлыков и стереотипов: «жандармское», «сыскное», «грязное», «провокационное» и прочее, и прочее. Особенно постарался Дж. Бэррон со своей книжкой «КГБ». Но дельно звучало бы другое: управление социального контроля. Управление, где занимались мониторингом настроений, выявляли лидеров-организаторов антисоветских акций, влияли на них, на те настроения, что они создавали, на ползущее вослед этим настроениям сознание, разрушали антигосударственную оппозицию и долгими днями занимались лечением ранимых, а то и свихнувшихся душ – беседами, убеждением, увещеванием. Стоит посмотреть на перечисленные отделы Управления, как ясно просматривается попытка превратить спецслужбу в этакий социальный инструмент влияния на пассионарных людей, одержимых идеей раскачать страну, социальный инструмент, предупреждающий о грядущих опасностях для государства и нейтрализующий их.

Чем измерить профессионализм «пятой службы»?

Ф. Д. Бобков говорит: «И хотя даже среди наших сотрудников отношение к Пятому управлению было неоднозначным (некоторые называли сферу деятельности „пятерки“ „грязной работой“), тем не менее важность этого подразделения с каждым годом росла. Андропов уже через три месяца потребовал результатов. Самая сложная ситуация – это пресечение противоправной деятельности, арест. Во времена правления Хрущева, с 1953 по 1964 год по статье 58–10 (антисоветская деятельность) было осуждено свыше 10 тысяч граждан. А за период с 1965 по 1985 годы – около 800 человек (по статьям 70 и 190 УК), то есть за период существования Пятого управления КГБ».

Однажды журнал «Посев» произвел некий подсчет выступлений против советского режима в 1957–1985 годах, назвав их «Хроникой российского сопротивления».

1956–1957: «Союз патриотов России» в МГУ (группа Краснопевцева), группы Р. Пименова, М. Молостова, Н. Трофимова и других – распространение оппозиционных листовок, самиздатовских рукописей.

1956–1959: деятельность группы «Всероссийского НТС» З. Дивнича, Б. Оксюза и И. Ковальчука, начатая на Явасе и в Инте в 1950–1951 годах, затем в Иванове и Калинине (Твери); окончилась закрытым процессом в Москве.

Сентябрь 1959: волнения рабочих и комсомольцев в Темиртау.

1959: начало вольного чтения стихов в Москве у памятника Маяковскому. Появление рукописного журнала «Синтаксис».

7 сентября 1961: резко оппозиционное выступление генерала Григоренко, начальника кафедры Военной Академии, на партийной конференции Ленинского района Москвы.

1961: забастовки в Ленинграде на Кировском заводе и на «Электросиле».

2 июня 1962: рабочая демонстрация в Новочеркасске против повышения цен и снижения расценок. Последовавший расстрел демонстрации.

Лето 1963: волнения, забастовки и уличные демонстрации в Кривом Роге, Грозном, Краснодаре, Донецке, Муроме, Ярославле и в Москве на автозаводе имени Лихачева.

Со 2 февраля 1964 по февраль 1967: конспиративная

деятельность Всероссийского Социал-Христианского Союза Освобождения Народа (ВСХСОН). К судебной ответственности в 1967 году были привлечены Б. Аверичкин, Е. Вагин, И. Огурцов, М. Садо и еще 17 членов организации, в которой состояло около 70 человек.

5 декабря 1965: открытая демонстрация из 200 человек в Москве под лозунгом «Уважайте собственную конституцию». Начало открытого правозащитного движения.

Весна 1966: протесты ученых и деятелей культуры против осуждения писателей Синявского и Даниэля. Составление сборника материалов процесса над ними, опубликованного за рубежом.

22 января 1968: демонстрация протеста против ареста Галанскова и Гинзбурга. Арест участников демонстрации и передача материалов об этом западным информационным агентствам для распространения радиостанциями, вещающими на СССР.

30 апреля 1968: выход в свет в самиздате первого номера правозащитного бюллетеня «Хроника текущих событий».

Июнь 1968: появление в самиздате «Размышлений о прогрессе, сосуществовании и интеллектуальной свободе» А. Д. Сахарова.

25 августа 1968: демонстрация на Красной площади семи диссидентов в знак протеста против советской оккупации Чехословакии.

Май 1969: создание Инициативной группы по защите гражданских прав в СССР: С. Ковалев, Н. Горбаневская, М. Джемилев, П. Якир, В. Красин, А. Краснов-Левитин, В. Борисов, Ю. Мальцев и другие.

6 июня 1969: демонстрация крымских татар в Москве.

1969: подпольная организация на Балтийском флоте; рабочие волнения в Киеве, Свердловске, Владимирской области.

Июнь 1970: начало движения за эмиграцию в Израиль.

8 октября 1970: Нобелевская премия А. И. Солженицыну и общественное движение в его поддержку.

4 ноября 1970: создание Комитета прав человека А. Д. Сахаровым, А. Н. Твердохлебовым и В. Н. Челидзе.

14 мая 1972: самосожжение 20-летнего рабочего Ромаса Каланты в Вильнюсе в знак протеста против преследований католической церкви. Кровавое подавление демонстрации во время его похорон.

1972: рабочие волнения в Днепропетровске и Днепродзержинске.

1973: публикация в Париже труда Солженицына «Архипелаг

ГУЛАГ». Автор выслан за границу 12 апреля 1974.

1973: рабочие волнения в Витебске.

Октябрь 1974: выставка неофициального искусства на Профсоюзной улице в Москве, разогнанная бульдозерами и водоструйными машинами.

9 октября 1975: Нобелевская премия мира академику Сахарову.

Осень 1975: восстание на большом противолодочном корабле «Сторожевой» (организатор восстания капитан III ранга В. М. Саблин был расстрелян).

С апреля по сентябрь 1976 в Ленинграде действует группа из 20 человек, возглавляемая Ю. Рыбаковым, Ю. Вознесенской, Н. Лесниченко, О. Волковым, распространяющая листовки и пишущая в городе лозунги: «КПСС – враг народа», «Свобода политзаключенным», один из лозунгов, длиной в 47 метров, появился на Петропавловской крепости.

13–15 мая 1976: в Москве, на Украине, в Литве, Грузии и Армении создаются группы по наблюдению за выполнением Хельсинкских соглашений.

30 декабря 1976: создание Христианского комитета защиты прав верующих в Москве (о. Глеб Якунин и другие).

Сентябрь 1977: массовая голодовка заключенных в пермских лагерях в знак протеста против произвола администрации.

5 января 1977: создание рабочей комиссии по вопросу об использовании психиатрии в политических целях.

1977: создание Свободного профсоюза трудящихся (Владимир Клебанов). После ареста его участников в 1978 году возникает Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся (СМОТ), которое не оглашает имен своих участников. СМОТ при участии членов НТС издает информационные бюллетени о положении рабочих в России, Польше и других соцстранах. Они распространяются в России в рабочей среде и публикуются «Посевом», хотя контакты с Западом в это время блокируются КГБ.

1973–1985: «Высылка за борьбу завершает борьбу за высылку»: интенсивный выезд за границу как высланных, так и добровольных эмигрантов (главным образом по израильским и немецким визам) и невозвращенцев: артистов, спортсменов, работников разведывательных ведомств.

1981: рабочие волнения в Киеве, Тольятти, Орджоникидзе.

Чем измерить профессионализм «пятой службы» в деле предотвращения покушений на существующий строй? Под покушениями подразумевались и террористические выходки, и

антигосударственная пропаганда, и, как изложено в уголовном кодексе того времени, распространение сведений, порочащих государственный строй и власть.

Теоретики политической безопасности говорили тогда о количестве выступлений, стихийных и организованных, об их соотношении, о количестве антисоветских групп и акций, устроенных ими, о количестве «высохших» и распавшихся организаций, об арестованных и не дошедших до ареста благодаря стараниям чекистов. Говорили об умении обеспечить прозрачность диссидентствующих групп и одновременно о способности спецслужбистов заблокировать их, чтобы акции подполья остались неизвестны и не будоражили общественное мнение. Ну и, конечно, не забывали и само общественное мнение – каков резонанс от деяний «революционеров» и в каких кругах.

Если на «посевовскую» хронику сопротивления глянуть сквозь критерии теоретиков, то преобладает одна тенденция: постепенное убывание стихийных выступлений и равномерное топтание организованных сопротивленцев. По данным Бобкова, за 20 лет, с 1965 по 1985 год, было осуждено около 800 человек. А по данным «Посева», за 28 лет их набралось около 400 человек. В обоих случаях это на страну, где население 280 миллионов человек. А многие из этих людей еще и кочевали из одной сопротивленческой группы в другую или состояли сразу в нескольких.

Но было «боевое» ядро из 35 человек, большей частью арестованных в 60–70-е годы. Дж. Бэррон, автор нашумевшей на Западе книги «КГБ», называет их поименно: Сусленский, Макаренко, Здебский, Горбаневская, Алтунян, Иоффе, Якимович, Левитан, Мороз, Убожко, Кудирка, Богач, Гершуни, Никитенко, Маркман, Новодворская, Величковский, Статкявичус, Михеев, Кекилова, Бартощук, Сейтмуратова, Буднис, Одабашев, Дремлюга. К ним же добавим Амальрика, Гинзбурга, Литвинова, Якира, Григоренко, Алексееву, Богораз, Великанову, Марченко, Ковалева.

Пик их борьбы – выпуск антисоветского бюллетеня и протестные действия: распространение нелегальных сочинений, передача их иностранным журналистам, заявления разного рода. Этими сочинениями и заявлениями предполагалось заразить общественное мнение.

Людмила Алексеева, активист диссидентских выступлений, историк, рассказывает: «Каркасом правозащитного движения стала сеть распространения самиздата. Самиздатские каналы послужили связующими звеньями для организационной работы. Они ветвятся невидимо и неслышно, как грибница, и так же, как грибница, прорываются то тут, то там на поверхность открытыми

выступлениями. Существует искаженное представление сторонних людей, что этими открытыми выступлениями и исчерпывается все движение. Однако не выступления, а самиздатская и организационная поденщина поглощают основную массу энергии участников правозащитного движения. Размножение самиздата чудовищно трудоемко из-за несовершенства технических средств и из-за необходимости таиться. Правозащитникам удалось резко увеличить распространение самиздата, принципиально изменив этот процесс. Единичные случаи передачи рукописей на Запад они превратили в систему, отладили механизм «самиздат – тамиздат – самиздат» (Тамиздатом стали называть книги и брошюры, отпечатанные за рубежом и доставленные в СССР, тамиздат – продукция по линии ЦРУ, см. главу «Находящиеся на связи лица». – Э. М.). Произошли изменения в перепечатке самиздата на пишущих машинках. Наряду с прежними „кустарями“ к этому были подключены машинистки, труд которых оплачивался: была налажена продажа самиздатских произведений, на которые имелся спрос. Нашлись люди, посвятившие себя размножению и распространению самиздата… Обычно машинистки, которым самиздатчик дает печатать самиздат за деньги, его хорошие знакомые, но иной раз стремление расширить круг платных машинисток приводило к провалам: ознакомившись с содержанием заказанной работы, они относили рукопись в КГБ».

«Самиздат» и «тамиздат» почти свободно гуляли среди сотрудников научных, гуманитарных институтов. Самым заметным здесь одно время был Институт мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР. КГБ не трогал тех, кто читал «самиздатовские» произведения, но просил объяснить – откуда взял? Если пройтись по цепочке – кто кому дал почитать, – то в конце концов чекисты выходили на некое организованное дело: кто-то писал, кто-то печатал, кто-то «запускал» продукт по цепочке. В целом это составляло замысел, действие.

Разные они были, создатели самиздата. У одних – случайные заработки, ободранные стены, вечная грязь на кухне, а самая дорогая вещь – пишущая машинка. У других – достаток, ухоженная квартира, вкусная еда, подарки с Запада. Среди последних – писатель, ныне весьма известный. Когда к нему однажды пожаловал дальний родственник, шепнул жене: «Дай ему десять рублей, пусть сходит пообедает. Не смотреть же ему наш холодильник, ведь мы диссиденты и гонимые».

Алексеева признает, что первым постоянным «связным» с Западом стал Андрей Амальрик. Сын профессора, исключенный

из университета, он с восторгом окунулся в диссидентские игры. Он жил ими, они возбуждали его писательскую и политическую энергию. Он действительно первым смело вышел на западных журналистов в Москве и начал их снабжать самиздатовским бюллетенем «Хроника текущих событий», подпольными сочинениями. Конечно, Пятое управление, отслеживая каналы перемещения информации, скоро вышло на него. Тут уж арест был неизбежен. После этого чекисты жестко контролировали информационные коммуникации, завязанные на Запад. Они для них стали объектом интенсивной разработки: схемы, маршруты, люди.

Это количественно-технологическая сторона дела. А качественная? Известный литературный критик Вадим Кожинов оценил явление, копаясь в своей судьбе.

Вадим Кожинов вспоминал: «Могу вам признаться, что в конце 50-х – начале 60-х годов я был, по сути, очень тесно и дружески связан со многими людьми, которые стали впоследствии диссидентами, эмигрировали из СССР – например, с Андреем Синявским, или Александром Зиновьевым, или с таким, ныне почти забытым, а в то время достаточно нашумевшим Борисом Шрагиным, или с Александром Гинзбургом, который потом работал в Париже в газете „Русская мысль“, но оказался ненужным, или с Павликом Литвиновым, внуком наркома Литвинова, которого, каюсь, я привел в диссидентское движение. В частности, в моем доме, вернее, между моим домом и домом Гинзбурга делался такой известный журнал „Синтаксис“. Конечно, я давно через это перешел и в середине 60-х активно начал сторониться прежней компании. Прежде всего потому, что я понял: все так называемое диссидентство – это „борьба против“, в которой обычно нет никакого „за“. А бороться нужно только „за“. Это не значит, будто ничему не следует противостоять, но делать это нужно только ради какой-то положительной программы. А когда я начал разбираться, начал спрашивать у людей этого круга, чего они, собственно, хотят, если придут к власти, – и всякий раз слышал в ответ или что-то совершенно неопределенное или откровенную ерунду».

Успех диссидентствующих был вялый и тленный. Массы не знали героев– «сопротивленцев», за исключением больших имен Сахарова и Солженицына. Да и сами герои не тянули на Чаадаевых, Герценов, Огаревых, Мартовых или Ульяновых эпохи позднего советского социализма. Скорее это был материал для западных менеджеров идеологических войн. А тогдашняя духовная жизнь в СССР шумела вне их круга. И к ее ярчайшим

адептам пытались пробиться наши герои. Но на пути почему-то всегда оказывалось Пятое управление, руководствующееся принципом: не работать среди интеллигенции, а защищать интеллигенцию от акций ЦРУ, а значит, от агентов диссидентской публики. Вот такая диалектика.

В той неподпольной духовной жизни были свои авторитеты: Ильенков, Лосев, Мамардашвили, Соловьев, Бахтин, Лихачев, Аверинцев, Гулыга, Лотман, Леонов. У них тоже были непростые отношения с властью, и в прошлом и в том настоящем, о котором речь, некоторые в 30-е годы и лагерям отдали часть жизни. А у кого из думающих и талантливых отношения эти были легкие? Но то, что творчество этих интеллектуалов стало вершиной общественной мысли, понимали и в Пятом управлении, и среди диссидентствующей публики. Поэтому и задача стояла – отделить эту публику от этих вершин, не дать примазаться, не дать опошлить вершины.

В начале 80-х диссидентское подполье было фактически разгромлено КГБ. В какой-то мере это признают сами диссиденты. Но интересны объяснения.

Людмила Алексеева, активист диссидентских выступлений, историк, вспоминает: «Вследствие обрушившихся на него репрессий правозащитное движение перестало существовать в том виде, каким оно было в 1976–1979 годы. Тогда его опорными пунктами были открытые ассоциации, затем разрушенные репрессиями. Более того, к 1982 году перестал существовать в прежнем виде тот московский круг, который был зародышем правозащитного движения и стал его ядром в 1970-е годы, – его тоже разрушили аресты и выталкивания в эмиграцию… Разрушение этого круга – болезненно чувствительная потеря не только для движения за права человека, но для всех течений инакомыслия в Советском Союзе, так как именно этот круг способствовал их консолидации, его влияние помогло им сплотиться под хельсинкским флагом и приобрести международную известность. К 1982 году этот круг перестал существовать как целое, сохранились лишь его осколки. Критики правозащитного движения часто указывали, как на его основной недостаток, – на отсутствие организационных рамок и структуры подчинения. В годы активизации движения это действительно отрицательно сказывалось на его возможностях. Но при разгроме ядра именно это сделало движение неистребимым и при снижении активности работы все-таки обеспечило выполнение его функций».

Стоп, стоп! Вот это выполнение функций диссидентами, о котором говорит Алексеева, как раз связано с «молекулярным»

принципом Поремского, теоретика из НТС: при минимуме структуры – максимум пропагандистского потока из-за рубежа, то есть усиление радионаступления из-за рубежа компенсировало разгром организационной структуры диссидентов в СССР. Осколки диссидентских структур, превратившись в минитусовки, становились лишь ретрансляторами информации и идей от «цэрэушных» радиостанций и эмигрантских издательств внутри себя и для ближайшего окружения. И хотя поток этот во многом лишался содержательного наполнения из СССР в виде самиздата и кричащих акций, он поддерживал осколки разгромленных структур. Это был тот критический порог, при котором антисоветские настроения еще теплились.

Но в том-то и дело, что потом и этот порог был перейден. Были разгромлены не только «ядро», «центры», «структура», «московский круг», но и группы-осколочки, даже минимума организационных генов не оказалось. Здесь особо отличились московские чекисты, действовавшие в духе директив Пятого управления «большого» КГБ. Заместитель начальника «пятой службы» московского управления полковник Ярослав Карпович, который в конце 80-х яростно разоблачал дела КГБ в журнале «Огонек», занимался оперативными играми с НТС. Удачливый комбинатор-разработчик, он выходил на связь с «энтээсовскими» эмиссарами и, представляя псевдоячейку НТС в Москве, наведывался в штаб-квартиру НТС в ФРГ. Такая вот была операция «Трест» в миниатюре, из 30-х годов перенесенная в 80-е. Его оперативные рапорты и записки читал сам Андропов. Наградили его за эти дела орденом. Потом, после краха СССР, уязвленные «энтээсовцы» рассказывали журналистам, что подозревали Карповича и особо не раскрывали свои планы. Ну, это оправдание, как запоздалая забота о своей чести. Финал-то был знаковый: чекисты контролировали «энтээсовские» потуги, параллельно разрушая диссидентские структуры.

Бобков как глава Пятого управления выбрал такую стратегию, которая привела не только к опустошению подполья, но и лишила его перспективы на ближайшие годы. И по времени это удивительным образом совпало с теми оперативными действиями, которые парализовали усилия посольской резидентуры ЦРУ в Москве, отличавшейся тогда настырностью в плетении подпольных комбинаций в сфере, подконтрольной Пятому управлению. Такого поведения от резидентуры требовал директор ЦРУ Уильям Кейси, который, как истинный американский менеджер, страстно добивался выполнения директивы президента Рейгана о сокрушении «империи зла».

Писатель Василий Аксенов, в начале восьмидесятых годов

выехавший из СССР в США, писал: «Я читал книгу Бобкова („КГБ и власть“. – Э. М.)… Там много лжи, но нет ответа на интересующий меня вопрос: кому пришла идея отсылать диссидентов не на восток, в ГУЛАГ, а на Запад?…Может, Андропов все придумал? Или Бобков? Идея, бесспорно, нетривиальная: чем в лагерях гнобить, пусть катятся на Запад и пропадают там. В КГБ были абсолютно уверены, что нам не выжить, не выстоять. Как показывает время, товарищи просчитались. Да, мы не стали властителями дум за рубежом, но и не растворились в безвестности».

На Западе не стали властителями дум. А в России? Когда пришла пора перестройки и Горбачев открыл дорогу в царство санкционированной гласности и демократии, выпустил «политических» из мест заключения, то не бойцы диссидентствующего подполья возглавили инициативные группы по реорганизации политической власти, по оттеснению коммунистической партии на политическую обочину. Они, правда, создавали идеологический фон. Но энтузиастов из народа повели активисты из управленческой номенклатуры, из фрондирующих интеллигентских кругов, в свое время записавшиеся в коммунисты. Вспомним имена Гавриила Попова, Анатолия Собчака, Юрия Афанасьева, Сергея Станкевича, Геннадия Бурбулиса, Анатолия Чубайса, Юрия Рыжова, Михаила Полторанина, Виталия Коротича, Егора Яковлева, Сергея Шахрая. Все они до горбачевской перестройки – примерные функционеры системы, правда, с двойственной моралью.

Не так было в союзных республиках. Народные фронты и новые партии, что там возникли с легкой руки секретарей кремлевского ЦК Михаила Горбачева и Александра Яковлева, как правило, возглавляли хорошо знакомые Пятому управлению сопротивленцы-диссиденты. Яркие случаи: Звиад Гамсахурдия в Грузии, Вячеслав Чорновил на Украине, Абульфаз Эльчибей в Азербайджане. Почему они? Потому что они были националистами, и народные фронты и партии, ведомые ими, оказались националистическими образованиями и вели дело на отделение от России, на выход из СССР. Местный народ с интересом наблюдал, как коммунистические лидеры и интеллигентствующая элита, служившие Москве, сникли под агрессивным напором националистов и потеряли шансы остаться у власти или прийти в нее.

«Новая» интеллигенция – объект интереса Пятого управления

Эта глава посвящена объяснению того, почему в антисоветской деятельности интеллигенция использовалась ЦРУ, согласно «молекулярной» теории профессора Поремского, теоретика из НТС.

Признано сегодня, кем с гордостью, кем со стыдливостью, что в годы советской перестройки, которая подвела черту под Советским Союзом, именно интеллигенция, выражая интересы определенных политических группировок, сама себя комфортно чувствуя в них, оказалась творцом определенных настроений в стране, шла в первом ряду разрушителей социально-политической системы, заражая разрушительными импульсами добровольцев-активистов из других общественных слоев.

«Молекулярная» теория Поремского, квинтэссенция эмигрантской мысли, столь приятно удивившая американцев, являла собой дельную технологию организации диссидентских настроений прежде всего среди элитарной, не «массовой» интеллигенции. Диссидентских – значит оценивающих иначе природу режима и жизни в стране, природу людей, живущих в ней. По замыслу родоначальника теории, диссидентствующий интеллигент вместе с такими же увлеченными будет колоть «молекулярными» порциями сознание публики, готовить ее к антикоммунистическому перевороту.

Здесь идеи слизаны у врага своего коммунистического – Антонио Грамши. Поремский, правда, не признавался в этом, больше на сочинения Ивана Ильина напирал. Особенно в устных беседах. Но Ильин мировоззренческую канву прочертил – сопротивление злу насилием. Ярчайшая идея. А вот на технологию борьбы, технологию материализации идеи, именуемую «молекулярной» теорией, вдохновили работы Грамши. Буду ссылаться на него, чтобы понять механизм раскачивания системы власти, как его понимали в НТС и ЦРУ.

Грамши в своих «Тюремных тетрадях», как настоящий коммунистический теоретик, смел в выводах: интеллигенция как социальная группа начинает развиваться в обществе, когда появляется потребность в установлении согласия с властью, с господствующим классом посредством идеологии. Главный смысл существования интеллигенции – распространение идеологии для укрепления или подрыва (подрыва!) коллективной воли «культурного ядра» общества, которое, в свою очередь, влияет на

публику – на социальные слои и группы. Здесь Грамши категоричен: «Интеллигенты служат „приказчиками“ господствующей группы, используемыми для осуществления функций, подчиненных задачам социальной гегемонии и политического управления». Поставим на место господствующей группы не политическую, руководящую элиту страны, представляющую определенный класс, а НТС и ЦРУ. Все ладно получается. Потому что, говоря научным слогом, господствующая группа создает «собственную» интеллигенцию, которая становится главным агентом по воздействию на культурное ядро и завоеванию гегемонии. Эта «собственная» интеллигенция есть новая, диссидентствующая интеллигенция.

Она, эта «новая» интеллигенция, – приведу слова Редлиха, соратника Поремского, – и налаживает тот «молекулярный» процесс, тот «пропагандистский поток достаточной мощности» в виде огромного количества «книг, брошюр, журнальных и газетных статей, разговоров и споров, которые без конца повторяются и в своей гигантской совокупности образуют то длительное усилие, из которого рождается коллективная воля определенной степени однородности, той степени, которая необходима, чтобы получилось действие координированное и одновременное во времени и географическом пространстве».

Крупный деятель ЦРУ был более деловит, говоря о «молекулярной» технологии: это значит «бороться с коммунистическим режимом на его собственной территории, оказывать помощь движению сопротивления, ослабляя лояльность граждан передачами по радио, листовками и литературой». Одним из первых документов холодной войны, ставших известными советской разведке, оказалась директива президента Трумэна для ЦРУ, которому предписывалось ведение «пропаганды, в том числе с использованием анонимных, фальсифицированных или негласно субсидируемых публикаций; политические действия с привлечением… изменников…».

Сейчас понятно, что предтечей распада общественного строя в СССР был распад в духовной сфере, в общественном сознании, в «культурном ядре». Как минимум треть публики желала этого распада, потому что ее сознание уже было «обработано» как условиями существования, так и новой, «молекулярной» интеллигенцией. Но эта треть оказалась самой пассионарной, энергетически заряженной, «захватывающей» спящих советских граждан. Еще в годы советской перестройки новая интеллигенция внушила массам идею несостоятельности советского типа хозяйства и пообещала народу резкий скачок благосостояния после перехода к рынку. Эта интеллигенция, не жалея сил,

показывая чудеса гражданский изворотливости, добилась того, что масса поверила в это грядущее чудо, как поверила и в то, что советский период – это черная дыра в истории России, и спасение только в «настоящей демократии» и «всеобъемлющим рынке».

Новая интеллигенция, организуя пропагандистский поток достаточной мощности, начала с морали. Это классика, оказавшаяся верной. Сошлюсь на немецкого социолога начала прошлого века Роберта Михельса: «Ни одна социальная битва в истории не выигрывалась когда-либо на длительное время, если побежденный уже до этого не был сломлен морально».

Начав с борьбы за моральные и культурные ценности публики, новая интеллигенция, вооруженная «молекулярной» теорией, раскачала ее основательно, а с ней и общественный строй.

Делала все по теории: эффективность раскачивания равна умножению структуры на идеи и действия. Наращивая идеи и действия, можно свести к минимуму структуру, – значит, максимально обезопасить ее деятельность от служб безопасности государства. Но минимум структуры – это не какие-то там подпольные «пятерки», штабы и комитеты. Это тусовки – изобретение диссидентов, действовавших по «молекулярной» теории.

Открываю словарь Ожегова. Тусоваться – значит собираться вместе для общения, совместного препровождения. Вижу тусовку как круг, где все связаны некими дружескими узами, приятельскими отношениями, разделяемыми идеями и ценностями, готовностью помочь друг другу, даже и по принципу «ты мне, я тебе». Тусовку не представить без романтической слезы – «возьмемся за руки друзья, чтобы не пропасть поодиночке». Особенность участников тусовок была в том, что на жизнь и на работу свою на предприятиях, в госучреждениях, в научных институтах они смотрели с позиции оценок, обточенных в тусовочных разговорах и брюзжаниях. Как иначе, если психология политического «тусовщика» не изменилась с 60-х годов аж XIX века, когда в России противоречие между жизненным укладом и новым образованным поколением достигло кипения.

Тень тургеневского Базарова распростерлась целиком и на XX век. Новое поколение людей, чей образовательный потенциал превзошел возможности государства, терзалось не от отсутствия сил и способностей, а от отсутствия возможности употребить их в дело, а употребив – выйти на новую жизненную высоту, сравнимую с уровнем западного интеллектуала: коттедж, автомобиль, путешествие по миру. «Тусовка» рьяно этого хотела, что поддерживало энергетику ее морали.

Где же копошилась тусовка? На кухнях. Кухни незабвенных 60–70-х – это не салоны советской «аристократии» 30–40-х, где модные женщины, светские разговоры, перченные язвительными репликами о текущей ситуации, хмельное застолье, песни, танцы, шепот, объятия по углам. А в 60–70-е на кухне под водочку и картошечку с селедкой все больше о политике, о власти, об идеях, а то и о делах своих против режима.

Тусовка и стала тем минимумом структуры для «молекулярной», диссидентствующей интеллигенции. А при минимуме структуры, по Поремскому, – максимум идей и действий. Идеи и сами рождали, но больше находили в том мощном пропагандистском вале, что катил с Запада на волнах известных радиостанций. Тот вал хорошо «крутил» тусовку, ибо отражал ее мечты и настроения. Да что там отражал – превозносил то, что делала элита тусовщиков. Ну хотя бы сочинения «самиздата», голодовки или домашние пресс-конференции для иностранных журналистов, аккредитованных в Москве. «Молекулярная» система из «тусовки», закордонного радио и тусовочных акций – жила, распухала, наливалась силой, благодаря тому, что у нее появился замечательный стимул – западное политическое мнение. Моральная поддержка Запада, у которого в закулисье топталось ЦРУ, толкала на новые инициативы, теперь уже не на малые дела, а на добротные акции. Эти «инициативщики» почти всегда пребывали в состоянии стресса – КГБ рядом, адреналин сверх нормы. Спасение, как всегда, – в сексе. Так же как и в салонах 30–40-х, кухонные тусовки заканчивались или продолжались подпольными романами, где были свои корифеи. Как, например, отсидевший свое сын известного маршала, репрессированного в 37-м.

Сын по возвращении из лагеря работал научным сотрудником Института истории Академии наук. У него тусовочные встречи заканчивались всегда одним и тем же – упражнениями на тахте с очередной полемисткой. В этой роли перебывали многие коллеги-сотрудницы по институту и жены единомышленников. А его супруга, бывшая медсестра из лагеря, где он отбывал срок, терпеливо ожидала на кухне конца упражнений. Как же она ненавидела это регулярное, раз в неделю, скрипенье тахты.

У других были другие приключения, но, в сущности, похожие. Тусовка «питалась» сексом, секс для нее – что смазка. Без него политическое дело не шло. Здесь сложная зависимость, но она существовала. Сопровождение любого дела сексом особенно свойственно было интеллигенции. Лишенная свободы высказывания мнений, свободы передвижений по миру, она находила ее в сексе. Где-то жажда свободы должна же была

выплеснуться. И она выплескивалась бегством в интим, в свободу нравов.

Бог теоретической физики, нобелевский лауреат, академик Лев Ландау внушал иностранным физикам, как-то нагрянувшим к нему домой после семинара в Институте, свои соображения на сей счет. Хотя иронизировал, смеялся академик, а суть-то выразил точно. Физики по приходе ринулись в ванную комнату руки мыть. При этом удивлялись, как такой большой ученый имеет в квартире только один туалет и одну ванную. В их «западных» квартирах их несколько. А Ландау им объясняет, что семья у него небольшая, хватает одного санузла. И не в этом счастье. У вас, мол, хотя с ванными достаток, нет главного – свободы человеческих отношений. Вот если вам понравилась жена вашего коллеги по университету, можете вы за ней поухаживать, поволочиться? Единый гул: нет, конечно, у нас за это наказывают, могут и из университета вышвырнуть, и профессорское звание и открытия твои не учтут. Попечители у нас ой как свирепы. Резюмирует Ландау: «А у нас в свободной стране интимные дела никого не касаются. Можно влюбиться и увести чужую жену, а можно любить, не уводя. Вот такие у нас в стране отношения». Смеялся физик над ними, хотя в жизни и делал то, о чем рассказал. А иностранцы так и не вняли: шутит, или у них, в СССР вправду так?

В диссидентско-интеллигентной среде тезис Ландау о сексуальной свободе оправдался полностью. Здесь было немерено женщин, уведенных на тахту, и мужья их по большей части в парткомы не жаловались. Эти «интеллигентные» тусовки так замесили секс с политикой «молекулярных» дел, что придали им весьма устойчивое направление. Идеи борьбы с режимом оказались столь живучи, потому что не противоречили стремлению интеллигенции найти применение своей энергетике, если не в профессии, то в деле распространения инакомыслия, скрепленного свободой нравов.

Но наряду с кухонными ниспровергателями устоев, рвавшимися к делу, были и серьезные люди.

Вот академик П. Л. Капица в ноябре 1980 года пишет Ю. В. Андропову, уже тогда секретарю ЦК партии, по поводу «положения и судьбы наших крупных ученых, физиков А. Д. Сахарова и Ю. Ф. Орлова». И приводит при этом небезынтересные суждения [40]:

«В результате диалектика развития человеческой культуры лежит в тисках противоречия между консерватизмом и инакомыслием, и это происходит во все времена и во всех областях человеческой культуры.

Если рассматривать поведение такого человека, как Сахаров, то видно, что в основе его творческой деятельности тоже лежит недовольство существующим. Когда это касается физики, где у него большой талант, то его деятельность исключительно полезна. Но когда он свою деятельность распространяет на социальные проблемы, то это не приводит к таким же полезным результатам, и у людей бюрократического склада, у которых обычно отсутствует творческое воображение, вызывает сильную отрицательную реакцию. Вследствие этого, вместо того, чтобы просто, как это делал Ленин, не обращать внимание на проявления в этой области инакомыслия, они пытаются подавить его административными мерами и при этом не обращают внимания на то, что они тут же губят и полезную творческую деятельность ученого. …Мы ничего не достигли, увеличивая административное воздействие на Сахарова и Орлова. В результате их инакомыслие только все возрастает…».

Конечно, можно было бы не обращать внимания, – как это делал Ленин, – на инакомыслие ученых в сфере социальных проблем. Ленин так поступал, например, по отношению к академику Павлову, который отрицательно относился к социализму и власти большевиков и громко об этом заявлял, не стесняясь в выражениях. Ленин не только не обращал внимание на его инакомыслие, но и делал все возможное, чтобы обеспечить Павлову, большому ученому, условия для научной работы.

Но во времена Ленина не было ЦРУ, того ЦРУ, которое разрабатывало целые операции по выходу на инакомыслящих ученых и включению их в борьбу с режимом в СССР под своим руководством. Что оно и делало в отношении Сахарова, Орлова, Солженицына. И какие бы у этих интеллектуалов ни были мысли, они невольно становились инструментами ЦРУ в его операциях идеологической войны с СССР. Как рассказывал уже упомянутый Тим Вейнер, глава ЦРУ Ричард Хелмс, прежде чем доложить президенту США Р. Никсону, как ударить по Советам, анализировал «работу советских диссидентов, таких как физик Сахаров и писатель Александр Солженицын, высказывания которых передавались в эфир на территорию Советского Союза через ЦРУ».

ЦРУ назвало таких людей звучным словом «диссиденты». И тогда СМИ на Западе, а потом и у нас, стали называть «диссидентами» всех инакомыслящих. Но в документах Пятого управления такого термина не было, потому что Управление не занималось теми, кто иначе мыслил. Оно занималось теми, кто действовал под влиянием определенных мыслей, нарушая соответствующую статью закона. Поэтому диссиденты,

пострадавшие от КГБ, были действующими диссидентами, а не теми, кто слушал «Голос Америки» и потом размышлял о несуразностях советской жизни под рюмку водки в компании на кухне. Но подводя и инакомыслящих, и действующих под одно понятие «диссидент», ЦРУ всегда поднимало шум по поводу преследования инакомыслящих, когда КГБ занимался теми, кто действовал.

Грань между теми и другими была ломкая. С теми, кто очень уж сильно возбуждался от слушания «голосов» и уже готов был что-то распространять, к чему-то призывать, с теми встречались люди из Пятого управления, убеждали, предлагали подумать, одним словом, отводили от перехода в качество действующего агента «Голоса Америки» или «Свободы».

Но другое дело, что с Сахаровым, некоторыми другими научными авторитетами, учитывая их интеллектуальный вес, нужно было беседовать и привлекать их к сотрудничеству в политике. И не Пятому управлению, которое предлагало это, а партийным руководителям высокого уровня, обладающим политической смелостью. Но, увы, таких не оказалось. А те, что были, все больше говорили о репрессиях.

Ф. Д. Бобков замечает: «Я вовсе не пытаюсь оправдываться или избегать ответственности за участие в некоторых решениях, которые осуждены обществом. Деятельность академика Сахарова – одно из них. Люди, стоявшие у власти, оттолкнули этого крупнейшего ученого, не пожелали вникнуть в суть его взглядов. А с нашей стороны, со стороны КГБ, не было сделано ничего, чтобы смягчить ситуацию».

«Находящиеся на связи лица»

Политика партии и ее лидера Н. С. Хрущева в отношении творчества писателей, поэтов, художников была настолько сумбурной и противоречивой, что можно сказать: никакой политики не было. Хрущев поддержал роман А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», дал ему зеленую улицу. Но то было конъюнктурное решение, ибо роман пришелся на тот момент, когда Хрущев был одержим разоблачением культа личности Сталина. Талантливому произведению Солженицына о силе и стойкости репрессированного человека в аду лагерной действительности, как и другим подобным произведениям, повезло. Принципиальной же позиции в отношении культуры и искусства, личности художника у Хрущева не было. Это отношение его определялось либо политической конъюнктурой, либо влиянием больших и малых партийных чиновников. Пожалуй, причиной этого было то, что Хрущев был политик, но не мыслитель, способный заглядывать далеко вперед. Мощь его интеллекта ограничивалась непополняемым ресурсом гуманитарного знания, зато восполнялась эмоциональными всплесками, подогреваемыми людьми из аппарата.

Случай с поэтом Андреем Вознесенским, произошедший во время встречи деятелей партии и государства с творческой интеллигенцией в Кремле в марте 1963 года, о котором вспоминал Бобков в своем историческом экскурсе, здесь наиболее характерен.

Писательница Ванда Василевская в своем выступлении процитировала интервью Вознесенского какому-то польскому журналу, в котором он говорил, что отношения между литературными поколениями развиваются не по горизонтали, а по вертикали. Это означало, что он чувствует себя своим в поколении старших поэтов, близких ему по духу, но в то же время среди своих ровесников он чужой, они ему кажутся людьми какого-то другого поколения. Как говорил Евгений Евтушенко, наблюдавший все это, здесь проявился «метафорический тезис о возможном духовном единстве между отцами и детьми, на чем так яростно настаивал Хрущев, примитивно отрицая саму проблему отцов и детей как чуть ли не антипатриотическую».

Зал кипел от непонимания, от негодования, никто не хотел слушать аргументы, дискуссии не получалось, а все превращалось в какой-то публичный абсурд, в атмосфере которого на Вознесенского начинали смотреть как на какого-то отщепенца. Это было избиение поэта. Когда он появился на трибуне и

попытался что-то сказать, Хрущев, сидевший за столом президиума, взметнув вверх кулак, воскликнул: «Забирайте ваш паспорт и убирайтесь вон, господин Вознесенский!»

Зал поддержал: «Вон! Вон!»

Растерянный Вознесенский долго молчал.

«Ну, скажите же что-нибудь», – уже как-то успокоительно, даже ворчливо обратился к нему Хрущев.

Дальше все то, что говорил и как говорил Вознесенский, свидетельствовало об одном: он чувствовал себя униженным. Без боли на него нельзя было смотреть. А говорил он о том, что не представляет жизни без родины, говорил путано, и в конце концов прочел стихи о секвойе, посвященной Ленину, в Калифорнийском парке.

Бобкову тогда пришлось долго беседовать с поэтом, нивелируя всплеск «царского гнева». Сколько выкурили сигарет – не счесть, затронули самые сложные вопросы и делились самым сокровенным. Как потом говорил Бобков, «у Вознесенского состояние было такое, что мог дров наломать, метнуться в другую сторону; но наш долгий разговор все же дал ему определенную жизненную и творческую уверенность».

Потом Вознесенский напишет стихи о шпицрутенах, со свистом погружающихся в «мясное месиво спины». Там есть такие жалящие строки, которые, конечно, о Хрущеве: «За что ты бьешь, царек отечный? За веру, что ли, за отечество?!»

В случае с Вознесенским вспомнил Бобков посмертное письмо Александра Фадеева в ЦК партии, в котором тот столь нелестно отзывался об отношениях партии и писателей. Фадеев, известный советский писатель, автор талантливых романов «Разгром» и «Молодая гвардия», которые «проходили» в школе, генеральный секретарь Союза писателей СССР в течение почти всего сталинского времени, – покончил жизнь самоубийством 13 мая 1956 года, через три года после смерти Сталина. Бобков тогда приехал на дачу Фадеева для расследования этого происшествия. И он был первым, кто прочитал это письмо.

В официальном сообщении о смерти писателя, которое редактировалось в ЦК партии, говорилось, что «в течение многих лет он страдал тяжелым прогрессирующим недугом – алкоголизмом» и покончил с собой в «состоянии депрессии, вызванной очередным приступом недуга». И слух ходил такой: застрелился с перепоя. Но между тем все его близкие, да и товарищи по даче, знали, что в дни, предшествующие трагедии, Фадеев был в здравом уме и трезвой памяти. О чем свидетельствовал и текст письма. А его-то Бобков хорошо помнил.

Что же Фадеев написал там такого, что К. Е. Ворошилов, член президиума ЦК партии, отстояв в почетном карауле у гроба покойного в Колонном зале Дома союзов, сказал: «Мы бы его похоронили на Красной площади, но он оставил такое письмо…»?

А написал он вот что…

«В ЦК КПСС

Не вижу возможности дальше жить, так как искусство, которому я отдал жизнь свою, загублено самоуверенно-невежественным руководством партии, и теперь уже не может быть поправлено. Лучшие кадры литературы физически истреблены или погибли благодаря преступному попустительству власть имущих; лучшие люди литературы умерли преждевременно; все остальное, мало-мальски способное создавать истинные ценности, умерло, не достигнув 40–50 лет.

Литература – эта святая святых – отдана на растерзание бюрократам и самым отсталым элементам народа, из самых „высоких“ трибун – таких как Московская конференция или XX партсъезд, – раздался новый лозунг „Ату ее!“. Тот путь, которым собираются „исправить“ положение, вызывает возмущение: собрана группа невежд, за исключением немногих честных людей, находящихся в состоянии такой же затравленности и потому не могущих сказать правду, – и выводы, глубоко антиленинские, ибо исходят из бюрократических привычек, сопровождаются угрозой все той же „дубинкой“.

С каким чувством свободы и открытости входило мое поколение в литературу при Ленине, какие силы необъятные были в душе и какие прекрасные произведения мы создавали и еще могли бы создать!

Нас после смерти Ленина низвели до положения мальчишек, уничтожали, идеологически пугали и называли это – „партийностью“. И теперь, когда все можно было бы исправить, сказалась примитивность, невежественность – при возмутительной дозе самоуверенности – тех, кто должен был бы все это исправить. Литература отдана во власть людей неталантливых, мелких, злопамятных. Единицы тех, кто сохранил в душе священный огонь, находятся в положении париев и – по возрасту своему – скоро умрут. И нет никакого уже стимула в душе, чтобы творить…

Созданный для большого творчества во имя коммунизма, с шестнадцати лет связанный с партией, рабочими и крестьянами, наделенный богом талантом незаурядным, я был полон самых высоких мыслей и чувств, какие только может породить жизнь народа, соединенная с прекрасными идеалами коммунизма.

Но меня превратили в лошадь ломового извоза, всю жизнь я плелся под кладью бездарных, неоправданных, могущих быть выполненными любым человеком, неисчислимых бюрократических дел. И даже сейчас, когда подводишь итог жизни своей, невыносимо вспоминать все то количество окриков, внушений, поучений и просто идеологических пороков, которые обрушились на меня, – кем наш чудесный народ вправе был бы гордиться в силу подлинности и скромности внутренней, глубоко коммунистического таланта моего. Литература – это высший плод нового строя – унижена, затравлена, загублена. Самодовольство нуворишей от великого ленинского учения даже тогда, когда они клянутся им, этим учением, привело к полному недоверию к ним с моей стороны, ибо от них можно ждать еще худшего, чем от сатрапа Сталина. Тот был хоть образован, а эти – невежды.

Жизнь моя как писателя теряет всякий смысл, и я с превеликой радостью, как избавление от этого гнусного существования, где на тебя обрушивается подлость, ложь и клевета, ухожу из этой жизни.

Последняя надежда была хоть сказать это людям, которые правят государством, но в течение уже трех лет, несмотря на мои просьбы, меня даже не могут принять.

Прошу похоронить меня рядом с матерью моей» [41].

Это письмо, как бы его пристально ни разбирали коллеги по писательскому делу, называя его мелким, жалким, разочаровывающим, по сути своей обнажало нелицеприятную истину, относившуюся даже больше к послесталинскому времени и показывавшую, что литература затравлена, загублена невежеством «нуворишей от великого ленинского учения», строивших свои отношения с литературой путем «окриков, внушений, поучений и просто идеологических порок». В числе этих невежд он видел прежде всего партийных бюрократов. Можно было представить, что и Хрущев тоже попадал в эту «невежественную» когорту. По крайней мере, его гнев, обрушившийся тогда, в 1962–1963 годах, на писателей, поэтов и художников, был иллюстрацией этого. Фадеев словно предчувствовал такое отношение к художникам, как будто предчувствовал судьбу романов В. Дудинцева «Не хлебом единым», Б. Пастернака «Доктор Живаго».

Наблюдая отношение Хрущева к людям литературы и искусства, зная мнения этих людей, письмо Фадеева, Бобков понимал и чувствовал, насколько вокруг людей этого круга складывается противоречивая, а то и нездоровая обстановка. А

ведь страна уже была в состоянии холодной войны с Западом, войны, в которой ЦРУ тогда выводило на первый план литературу и искусство.

В один из дней 1954 года директорат ЦРУ назначил новым руководителем Отдела международных организаций Корда Мейера [42].

Этот Отдел был нацелен на тайные операции культурологического и пропагандистского свойства в отношении СССР и стран Европы. Но вся проблема была в том, что в Отделе, которым теперь должен был руководить Мейер, не было достойных профессионалов. Как говорил сотрудник отдела Дональд Джеймсон: «На людей в Отделе по международным организациям большинство сотрудников ЦРУ смотрело как на своего рода бездельников. Так считали особенно те, кто был уверен, что нам следует заниматься тяжелой разведывательной работой, вербовкой шпионов и добыванием документов, а все остальное просто ерунда» [43].

И вот пришел Корд Мейер, который должен был поменять ситуацию. Его потенциал соответствовал столь сложной задаче. В 1942 году в Йельском университете он защитил диплом, притом с блеском, в области английской литературы. Стал известен как автор литературоведческих статей, и после того надолго обосновался в кресле редактора литературного журнала «Йель Лит». В ЦРУ у него было прозвище «Циклоп», потому что он потерял глаз в бою с японцами на острове Гуам. Военная закалка и литературные амбиции сделали его человеком смелым и решительным, но и просчитывающим любую ситуацию на перспективу.

И вот теперь он должен найти новых людей для Отдела и заразить их вдохновением для деятельности, именуемой «культурологическими» операциями. Он пошел путем, уже известным ЦРУ, – связался с «Лигой плюща», ассоциацией интеллектуалов, выпускников привилегированных университетов. Тут его помощником стал профессор все того же Йельского университета Норман Пирсон, имеющий давние связи с ЦРУ. Пирсон, известный как редактор многотомного собрания «Поэты, пишущие на английском», был весьма уважаем в кругах гуманитариев. Его научный авторитет еще более возрос, когда он занялся продвижением в стране и за рубежом такой новой науки, как американистика. Об этой науке тогда говорили так: эта новая дисциплина наполнена четким имперским посылом, который позволяет понять уникальное соответствие нашей послевоенной роли мирового хозяина и правителя и поощряет тонкую оценку нашего культурного совершенства среди тех, кем мы правим [44].

Пирсон подсказал, где искать людей. И первым учебным заведением, куда отправился Мейер, был колледж Кэньон. Когда-то здесь учился будущий поэт Джон Кроу Рэнсом, перед которым Мейер благоговел. Здесь с легкой руки Рэнсома родился литературный журнал «Кэньон Ревью», открывавший для молодежи мир литературы. Вокруг Рэнсома и журнала образовалась талантливая, ищущая команда молодых людей, одержимых поэтическим вдохновением. Среди тех, кто входил в эту команду, и искал Корд Мейер людей для своего «культурологического» отдела. Здесь он нашел Роби Маколея, выпускника аспирантуры Университета штата Айова; Джона Томпсона, автора критических статей о литературе, имевшего авторитет среди нью-йоркских литераторов. Но Пирсон подсказывал и других людей, из иных школ и университетов. Так Мейер «приобрел» писателя-романиста Джона Ханта, о котором говорили, что «у него административные способности, холодный рассудок и чувство ответственности за все, во что мы верим».

Эти и другие люди пришли в Отдел на ведущие и оперативные должности – в аппарат «Конгресса за свободу культуры», созданного ЦРУ; в фонд Фарфилда, финансировавшего тайные операции; в группу планирования, что была создана в отделе.

Приход новых людей, да и самого Корда Мейера, вывел отдел на переднюю линию холодной войны в сфере культуры и искусства. В мучительных спорах была разработана и запущена тайная программа книгоиздательства. Ставка на книгу была сделана осознанно. «Книги, – считал начальник отдела тайных операций, – отличаются от всех других средств пропаганды, в первую очередь потому, что одна книга может изменить отношение читателя и его дальнейшие действия до такой степени, какой невозможно достичь с помощью другого средства. …книжное производство становится самым важным орудием стратегической (долгосрочной) пропаганды». Именно книга – оружие долговременной пропаганды.

Итак, тайная программа книгоиздательства, запущенная ЦРУ. Какие в ней были ударные позиции для влияния на людей из интеллигентского сословия?

1. Добиваться издания книг и их распространения за рубежом, не раскрывая какого-либо влияния со стороны США, путем тайного субсидирования зарубежных изданий или книжных магазинов.

2. Добиваться издания книг, «не зараженных» какой-либо открытой формой привязки к правительству США, особенно если позиция автора является «деликатной».

3. Добиваться издания книг, руководствуясь оперативными соображениями, независимо от рентабельности этих книг.

4. Стимулировать и субсидировать местные национальные или международные организации для публикации и распространения книг.

5. Стимулировать написание политически значимых книг неизвестными иностранными авторами – либо путем прямого финансирования автора, если возможны тайные контакты с ним, либо косвенно, через литературных агентов и издателей [45].

Ф. Сондерс в своей книге «ЦРУ и мир искусств» приводит один из списков книг, относящийся к концу 70-х годов, в издании и распространении которых по «оперативным соображениям» принимало участие ЦРУ [46].

Список довольно интересный, но выделим те издания, которые выражают позицию ЦРУ в отношении книги как оружия стратегической, то есть долгосрочной, пропаганды. Вот они, эти издания:

«Венгерская революция» М. Ласки (об истории антикоммунистического путча в Венгрии в 1956 году).

Переводы поэм «Бесплодная земля» и «Четыре квартета» выдающегося американо-английского поэта-авангардиста Т. Элиота. (Эти поэмы пронизаны библейскими и дантовскими настроениями, в них поэт приходит к пониманию того, о чем писал Г. Гессе: не существует воплощенной добродетели, полного повиновения, беззаветного служения, что справедливость недостижима, а жизнь в добре невозможна. ЦРУ заказало перевод этих произведений Т. Элиота на русский язык, а затем забросило эти книги в СССР. – Э. М.)

Сборники стихов «Прошлое в настоящем: борьба идей от Кальвина до Руссо».

«Литература и революция в Советской России» под редакцией М. Хэйварда и Л. Лабедза.

«История и надежда: прогресс в свободе» К. Желенски.

«Новый класс» М. Джиласа (о коммунистической власти, партаппарате, идеологии и практике его деятельности).

«Жизнь и смерть в СССР» Э. Кампесино (он первый из латиноамериканских писателей, кто написал о сталинских репрессиях).

«Доктор Живаго» Б. Пастернака.

«Государь» Н. Макиавелли (новые издания).

Произведения А. П. Чехова. Работы Чехова в переводе на многие языки были изданы фирмой «Чехов Паблишинг Компани», которая тайно финансировалась ЦРУ.

Конечно, сочинения Чехова издавались в СССР огромными

тиражами, значительно меньшими в странах Европы. Но предназначение произведений таких авторов, как А. П. Чехов и Т. С. Элиот, было в том, что они создавали некий интеллектуальный, духовный контекст, в поле которого вслед за этими или параллельно с этими произведениями можно было продвигать и «Доктора Живаго», и «Новый класс», и «Венгерскую революцию», и «Жизнь и смерть в СССР», и другие подобные, которым можно было придать статус оружия политической войны. При этом надо отметить, что это были не «дешевые» пропагандистские книжки, а литература достаточного интеллектуального наполнения, способная увлечь мыслящую интеллигенцию.

Что же предпринимал КГБ, в частности Пятое управление, в ответ на «литературные» усилия ЦРУ?

В конце 60-х годов КГБ ставит вопрос об открытии для советского читателя произведений тех русских писателей, которые в силу разных обстоятельств оказались за рубежом. Их имена в СССР были под запретом, произведения их не издавались. А ЦРУ включало их в свои списки для распространения, для соответствующего литературного комментария вокруг запрещенного имени. Из-за этих запретов наша культура несла немалые потери. Для отечественного читателя, литературной критики, историков культуры оказался закрытым целый пласт русской литературы таких талантливых авторов «русского» литературного зарубежья, как В. Набоков, Б. Зайцев, И. Шмелев, Е. Замятин и многие другие. Абсурдность ситуации понимали в отделах культуры и пропаганды ЦК КПСС, но все их попытки изменить ее разбивались о позицию руководителей партии. И вот Ю. В. Андропов, выступая на заседании Политбюро, поднимает вопрос об отношении к писателям «русского зарубежья». Но в ответ он слышит, что данная проблема не относится к компетенции органов государственной безопасности.

Все же усилия камень точат. КГБ не отступал. Бобков понимал, что рано или поздно придется решать эту проблему, ибо чем больше становилось запретов, тем острее реагировала на них интеллигенция. Копилось возмущение. И все более реальной становилась возможность выступлений некоторых горячих голов на грани нарушения закона. Как вспоминал Бобков, «мы внимательно изучили список „забытых“ писательских имен и убедились: разговоры о том, будто произведения авторов из этого списка действуют на нашего читателя „разлагающе“ и „угрожают“ политическому строю, – чепуха; их произведения являются значительным вкладом в отечественную культуру».

В ЦК КПСС была направлена служебная записка, в которой

доказывалось необходимость издания произведений писателей-эмигрантов, а также таких «запрещенных» отечественных поэтов и прозаиков, как Игорь Северянин, Осип Мандельштам, Павел Васильев, Бруно Ясенский и других.

Попала эта записка сначала к секретарю ЦК КПСС П. Н. Демичеву, ведавшему вопросами культуры и образования. Он отнесся к ней весьма неодобрительно. Но на других деятелей и работников аппарата ЦК аргументы, изложенные в записке, все же возымели действие. И после долгих обсуждений вопрос был продавлен. В конце концов произведения «запрещенных» авторов начали выходить. Но в отношении одного имени «нашла коса на камень». Имя это – Николай Гумилев. Секретарь ЦК М. А. Суслов, идеолог партии, был категорически против публикации его стихов. И лишь только после смерти Суслова, в 1982 году, сборник произведений Гумилева увидел свет.

Пятое управление здесь противостояло не столько ЦРУ на поле «культурологической» войны, сколько партийным лидерам из той породы закостеневших «невежд», о которых писал в своем предсмертном письме много лет назад Александр Фадеев.

Бобков так объяснял особенность этой ситуации: «Многие сотрудники отделов ЦК КПСС ощущали необходимость действий, понимали потребность отхода от принятых стандартов, не всегда разделяли точку зрения своих начальников. Им, как и работникам госбезопасности, было нелегко в условиях жестких требований дисциплины. Слово руководителя ЦК, ведавшего определенной сферой, являлось для аппарата непререкаемым. Это обстоятельство сближало сотрудников нашего аппарата с работниками ЦК, позволяло сообща готовить решения по возникающим вопросам».

Но запретительная позиция верхушки партии в отношении определенных книжных произведений явно снижала эффективность борьбы с идеологическими акциями ЦРУ.

А в годы перестройки книга опять стала предметом непонимания между КГБ и партией. Тогда секретарь ЦК А. Н. Яковлев, ведавший вопросами идеологии и пропаганды, инициировал повтор критики культа личности Сталина. Бобков имел с ним жесткий спор по этому поводу. Аргументы Бобкова: разбудим страсти, которые сегодня не нужны обществу; общество должно быть не расколото, а консолидировано на проведение перестройки; нельзя подменять перестройку поиском ведьм. Расстались недовольные друг другом. Спор продолжился, когда появился роман Анатолия Рыбакова «Дети Арбата» – о Сталине, сталинском времени и репрессиях. По стране пошла гулять фраза «есть человек – есть проблема, нет человека – нет проблемы»,

которую автор вложил в уста Сталина. Бобков, читавший эту книгу, тогда сказал Яковлеву, что, по его мнению, книга выдуманная, хотя концепция ее вполне очевидна. И опасна она тем, что претендует на историческую правду.

Яковлев согласился со многими доводами генерала из КГБ, о чем «искренне» поведал ему. Но, душевно расставшись с собеседником, распорядился, чтобы книгу эту быстро печатали, причем тиражами огромными, под миллион экземпляров.

Ф. Д. Бобков настаивает: «Яковлев вызывал недоверие к себе именно тем, что некоторые его постулаты противоречили тому, что происходило в жизни. Двойная игра, неискренность. Если ты имеешь взгляд, выскажи его, не вводи в заблуждение других, тем более ты занимаешь такое положение, люди готовы тебя слушать, ты скажи, убеди. В общем, на этом образовался глубокий конфликт у него с теми, кто хотел видеть в перестройке „совершенствование социализма“, а не развал государства».

Но ведь существует мнение, будто Пятое управление запрещало выпуск тех или иных произведений литературы и искусства. Бобков непреклонен: это ложь. Он признается, что за весь период его работы только однажды Управление воспротивилось выходу на широкий экран снятого фильма. Это был фильм «Агония» Элема Климова. А воспротивилось потому, что увидело в нем антиреволюционный пафос.

Ну а как же оценить культурологическую деятельность ЦРУ? Ведь начиная с середины 50-х годов прошлого века ЦРУ решало задачу влияния на советскую интеллигенцию, на творческую публику в социалистических странах Европы, используя литературу и искусство.

Обратимся к более чем авторитетному свидетельству, содержащемуся в книге бывшего начальника одного из подразделений оперативного директората ЦРУ по Советскому Союзу и странам Восточной Европы М. Бирдена и журналиста Дж. Райзена «Главный противник»:

«С самого начала холодной войны ЦРУ тайно финансировало некоторые журналы, книги и различные академические издания, публиковавшиеся в Западной Европе эмигрантами из стран советской империи.

Эти эмигрантские издания доносили правду до жителей стран Восточной Европы и Советского Союза, испытывавших настоящий информационный голод. Они давали возможность знакомиться с запрещенной литературой и во многих случаях помогали сохранить историю преследуемых меньшинств. Поддерживавшимся ЦРУ изданиям не было необходимости

распространять лживую пропаганду, им просто нужно было говорить правду о режимах, которые были построены на лжи и фабрикациях. Тайная программа доставки новостей и литературы людям в странах советского блока была одним из самых значительных – и благородных – успехов холодной войны.

Хорошим примером в этом отношении была Польша. Вместе с АФТ-КПП (американские профсоюзы. – Э. М.) и католической церковью ЦРУ помогло „Солидарности“ создать техническую базу, позволившую ей в темные дни военного режима и подполья доносить информацию до масс.

В то же время финансируемые ЦРУ литературные произведения и другие материалы позволяли знакомить подвергавшиеся преследованиям меньшинства в Советском Союзе с объективной информацией об их собственной истории. На протяжении долгих лет ЦРУ совершенствовало технику контрабандного ввоза нелегальной литературы для этих групп. Управление насытило страны Восточной Европы и Советский Союз Библией, „Архипелагом ГУЛАГ“ и другими великими произведениями, иногда в виде миниатюрных книг, которые можно было легко спрятать от властей.

Эмигрантские издательства в Париже и других западных столицах, при негласной поддержке со стороны ЦРУ, активно подогревали мечты о свободе в России, Польше и Чехословакии. В 80-е годы некоторые из них расширили ассортимент своей продукции за счет видеоматериалов, документальных и музыкальных программ, которые можно было приобрести в магазинах Запада и тайно ввезти в страны Востока.

Многие работавшие с ЦРУ эмигранты поседели от терпеливого ожидания в своем изгнании. И вот неожиданно пришла свобода. Ранее запрещенные издания теперь можно было свободно покупать в газетных киосках Праги, Варшавы и Будапешта.

К началу 1990 года в ЦРУ пришли к выводу, что финансовую поддержку эмигрантских организаций пора прекращать. Для тех работников ЦРУ, которые обеспечивали поддержку эмигрантских изданий, это был праздник со слезами на глазах. Они должны были прощаться с людьми, которые долгие годы терпеливо ждали и надеялись, несмотря на то что практический эффект от их публикаций был малозаметен.

Для большинства эмигрантов из стран Восточной Европы прекращение тайных связей с ЦРУ не представляло особой проблемы. Многие из них уже готовились к возвращению домой и открытию там легальных издательств. Им Управление больше уже не было нужно.

Однако с эмигрантами из Советского Союза дело обстояло сложнее. В Москве революция еще не наступила. Даже некоторые работники в пропагандистском подразделении ЦРУ, обеспечивавшем тайную поддержку эмигрантских изданий, были не склонны спешить с прекращением советских программ. Идеологическая борьба с коммунизмом шла так долго, что психологически было просто трудно провозгласить победу и „выключить свет“. Однако эти программы обходились ЦРУ в миллионы долларов, и Управление больше не могло их оправдать.

Вскоре работники ЦРУ в Западной Европе начали потихоньку встречаться с находившимися у них на связи эмигрантскими издателями и подсказывать им: произошло то, чего они ждали сорок лет, пришло время возвращаться домой» [47].

Интересно звучат в устах американских авторов выражения: «находящиеся на связи эмигрантские издатели», «финансируемые ЦРУ литературные произведения».

«Культурная» дипломатия осуществлялась с помощью «шпионских технологий». Продвижение произведений культуры методами спецслужб заставляло видеть в культуре прежде всего антисоветскую пропаганду и средство психологической войны. Раз культурой занимается ЦРУ, то активное присутствие в этой сфере Пятого управления было необходимо.

«Архипелаг ГУЛАГ» в холодной войне

Среди инакомыслящих в конце 60-х на первые роли выдвинулся уже известный писатель Александр Исаевич Солженицын, автор «Одного дня Ивана Денисовича» – романа, понравившегося Хрущеву. Летом 1968 года Солженицын закончил первый том публицистического повествования о сталинских репрессиях «Архипелаг ГУЛАГ». Пожалуй, тогда им и занялось вплотную Пятое управление. Эта взаимная привязанность длилась почти семь лет, вплоть до его отъезда за границу в апреле 1974 года.

Семь лет: 105 томов дела оперативной разработки, где фиксировалась слежка, прослушивание разговоров, разработка связей. Солженицын не в долгу. Он с каким-то яростным весельем констатирует: «„Архипелаг“ закончен, пленка вывезена за границу».

Почти пять лет искали чекисты рукопись «Архипелага». Нашли. У знакомой Солженицына. В Политбюро пошла записка – краткое содержание изъятого. А во Франции в те же дни вышел первый том. Эфир захлебывался новостью и каждый вечер выплескивал очередную порцию солженицынского повествования.

Глухо урчало Политбюро: хватит церемониться, пора принимать меры. Особенно неистовствовали Н. В. Подгорный и А. Н. Косыгин: арестовать, судить, в Сибирь. Такое решение и приняли.

А в Пятом управлении зрел другой вариант. Как-то Бобков, а с ним начальник 9-го отдела Никишкин и начальник отделения Широнин, занимавшиеся делом Солженицына, в очередной раз обсуждали ситуацию.

– Ну хорошо, арестуем, будет суд, приговор: несколько лет лагерей. Но какой шум на Западе и оживление среди диссидентов здесь. А для ЦРУ – новые возможности. Значит, усиление психологической войны. И курс на разрядку гибнет. Вот политический эффект от ареста.

– А как нейтрализовать без политических потерь?

– Выслать!

С этим пошли к Андропову. Его тоже смущала перспектива ареста и суда. Добавлялось личное: реноме на Западе в этом случае – палач.

Но выслать – куда? По всем оперативным данным, Солженицын покидать Союз не собирался. Нужна была страна, готовая принять мятежного писателя наперекор его желанию. По мнению председателя КГБ, такой страной могла стать

Федеративная Республика Германия.

И вопреки решению Политбюро Андропов с Бобковым набрасывают план действий, который тут же начинает обрастать событиями. Генерал Кеворков, доверенное лицо Андропова, находившийся в Восточном Берлине, получает указание вести переговоры с канцлером Брандтом.

Генерал Кеворков вспоминает: «Однажды вечером в первых числах февраля 1974 года, возвратившись на виллу в Восточном Берлине, я нашел на столе записку, в которой мне предписывалось срочно связаться с Москвой. Рано утром я связался с Москвой по аппарату шифрованной телефонной связи. Андропов сказал следующее: „…Поинтересуйтесь у Брандта (канцлер Германии. – Э. М.), не захочет ли он оказать честь и принять у себя в Германии писателя, к судьбе которого он проявлял постоянный интерес. В противном случае Солженицын будет выдворен в одну из восточных стран, что связано с определенным риском для него. Одним словом, как только проясните вопрос, немедленно информируйте… Постарайтесь сделать это побыстрее, а то здесь вокруг него разгораются страсти! Нам нужна любая ясность, чтобы знать, в каком направлении действовать дальше“… Я пересказал Бару (статс-секретарь ведомства канцлера Германии. – Э. М.) почти слово в слово все услышанное мною в тот день по телефону из Москвы. Реакция Бара была обычной. Он передаст все Брандту, тот переговорит с Бёллем (известный германский писатель. – Э. М.), другими писателями, после чего сообщит нам свое решение. Через день Бар информировал нас, что немецкие коллеги будут рады приветствовать Солженицына в свободном мире. Брандт придерживается того же мнения».

А Бобков тем временем пишет проект указа Президиума Верховного Совета о лишении Солженицына советского гражданства и высылке его за рубеж. И готовит записку для Андропова. А тот направляет послание Брежневу: «Обращает на себя внимание факт, что книга Солженицына, несмотря на принимаемые нами меры по разоблачению ее антисоветского характера, так или иначе вызывает определенное сочувствие некоторых представителей творческой интеллигенции… откладывать дальше решение вопроса о Солженицыне, при всем нашем желании не повредить международным делам, просто невозможно, ибо дальнейшее промедление может вызвать для нас крайне нежелательные последствия внутри страны… Мне представляется, что не позже чем 9–10 февраля следовало бы принять указ Президиума Верховного Совета СССР о лишении Солженицына советского гражданства и выдворении его за

пределы нашей Родины (проект Указа прилагается). Саму операцию по выдворению Солженицына в этом случае можно было бы провести 10–11 февраля. Важно это сделать быстро, потому что, как видно из оперативных документов, Солженицын начинает догадываться о наших замыслах и может выступить с публичным документом, который поставит и нас, и Брандта в затруднительное положение…»

КГБ сделал опережающий ход. Теперь борьба с Солженицыным перешла из сферы оперативной в идеологическую. Бобков был уверен: если бороться с писателем, то словом, а лучше книгой. Он исходил из того, что общественности должна быть представлена иная точка зрения (андроповский принцип – «тезис плюс антитезис»). Пусть выступит солженицынский оппонент, владеющий словом и иной идеей. И книги его должны раскупаться, а не навязываться.

Тогда-то и появился Николай Николаевич Яковлев, талантливый историк и публицист, доктор наук, сын маршала Яковлева, в свое время также не избежавшего сталинского гнева. Сталинское МГБ, хрущевский КГБ наследили и в биографии самого Николая Николаевича. И след этот смущал чиновников от науки. Сверхосторожные, они ограничивали писательскую активность Яковлева.

Дмитрий Федорович Устинов, тогдашний министр обороны, хорошо знавший его отца, позвонил Андропову:

– Юра, помоги, мучают человека.

После встречи историка с Андроповым «делом» Яковлева занялся Бобков. Мучители отстали, докторская жизнь вошла в колею. А Бобков и Яковлев почувствовали интерес друг к другу.

Однажды заговорили о диссидентах и сошлись в понимании того, что были они опасны не столько своими «творениями», сколько своей ролью проводников для Запада, жаждавшего влезть в дела страны и под знаменем демократии основательно раскачать власть.

Солженицынские произведения были на слуху. Общественное мнение тогда переваривало «Август четырнадцатого». А официальные историки, закосневшие в партийных догмах, академически молчали, иногда роняя то про себя, то вслух: «Сажать надо, сажать».

И Бобков тогда сказал:

– А не двинуть ли нам что-то встречное?

– Барбару Такман, «Августовские пушки», – подсказал Яковлев.

Н. Н. Яковлев вспоминает: «Идеально подошла много нашумевшая в шестидесятые в США и Западной Европе книга

вдумчивой публицистки Барбары Такман „Августовские пушки“ о первом месяце той страшной войны. Разумеется, в громадном моем предисловии к ней не говорилось ни слова о Солженицыне. На фоне книги Такман, отражавшей новейшие достижения западной историографии, написанное им выглядело легковесным историческим анахронизмом, крайне тенденциозным, что не могли не видеть не только специалисты, но и широкий читатель».

Книжка «Августовские пушки» вышла в свет в 1972 году в издательстве «Молодая гвардия». Это был первый ход в стиле «public relations» на поле идейно-пропагандистского противостояния. Второй был сильнее.

– Нужно сотворить двойника «Августа четырнадцатого», но с обратным зарядом, и чтобы читать можно было на одном дыхании, – совсем не по-генеральски сформулировал задачу Бобков. – Материалами обеспечим, архивы будут ваши.

И через полтора года в той же «Молодой гвардии» стотысячным тиражом вышла книга Яковлева «1 августа 1914 года». Разошлась мгновенно.

Ф. Д. Бобков вспоминает: «В противовес солженицынскому „Августу четырнадцатого“ мы помогли Яковлеву написать „1 августа 1914“. Даже хотели выпустить однотомник из этих двух произведений – яковлевского и солженицынского. Но в ЦК партии не оценили нашей идеи».

Критики набросились на яковлевскую книжку, уличая в отступничестве от академически-партийных канонов. Особенно усердствовали кандидаты и доктора из Института истории Академии наук: освещение событий Яковлевым «находится в прямом противоречии с ленинской трактовкой истории, оно принципиально отличается от общепринятого в советской исторической науке, можно только удивляться тому, что эта книга была издана массовым тиражом в расчете на широкого, преимущественно молодого читателя».

А Солженицын молчал.

Дальше была публицистическая книжка «ЦРУ против СССР». Идея Бобкова, воплощение Яковлева. Оперативная библиотека КГБ, материалы разведки и Пятого управления работали на автора.

Ф. Д. Бобков замечает: «По сути, книга та рождалась в совместной работе с Яковлевым. Подбирали материал, консультировались, набрасывали тезисы. В этой книге была предсказана и ситуация, связанная с распадом Советского Союза».

Четыре издания общим тиражом 20 миллионов экземпляров выдержало это произведение. В ряду героев – американское Центральное разведывательное управление, писатель

Солженицын, академик Сахаров. Много страниц о солженицынском «Архипелаге ГУЛАГ», который Бобков и Яковлев рассматривали не как литературу, а как средство «психологической войны».

Бобков ознакомился с «ГУЛАГом» сразу после изъятия рукописи. Читал внимательно. И вывод по размышлении: не исследование, а художественно-публицистический миф, и им, как тараном, будут долбить стену под названием Советский Союз.

Через 25 лет такой же вывод в «Независимой газете» сделал литературовед, доктор наук Вадим Баранов. Он обратился к словам самого Солженицына: «Я не дерзну писать историю Архипелага: мне не довелось читать документов… Все прямые документы уничтожены, или так тайно хранятся, что к ним проникнуть нельзя… Большинство свидетелей убито и умерло. Итак, писать обыкновенное научное исследование, опирающееся на документы, на цифры, на статистику, не только невозможно мне сегодня… но боюсь, что и никогда никому».

Но предвидение А. Солженицына не оправдалось, отмечает В. Баранов.

Действительно, «Архипелаг ГУЛАГ» вышел на Западе в 1973 году, а в СССР начал публиковаться в «Новом мире» в 1989 году. И тогда же в прессе стали появляться исследования о ГУЛАГе социологов и историков. «Возможно, все цифры в этих исследованиях требуют проверки, – говорит В. Баранов, – но если в одном случае источник понятен, то в другом, „архипелаговском“, совершенно неведом. И если принимать за истину живые свидетельства современников о своей судьбе, то совершенно непонятно, откуда у кого-то из них могут появиться обобщающие цифры по ГУЛАГу в целом… свои впечатления о виденном и пережитом, кровоточащие факты – одно. Но обобщающие суждения, опирающиеся на факты личного опыта – совсем другое. Не здесь ли берут начало лагерные мифы? Как пишет Солженицын, лагерный люд весь охоч до создания легенд».

И Баранов созвучно взглядам Бобкова двадцатипятилетней давности выступает с весьма серьезным заключением: «Сомнительные, а иногда и попросту недостоверные сведения и обобщающие суждения получили распространение во всем мире в огромном количестве (тираж только номеров „Нового мира“ с „ГУЛАГом“ достигал более полутора миллионов экземпляров)… „Архипелаг ГУЛАГ“ сыграл в крушении тоталитарного режима такую роль, какую никогда и нигде не сыграла книга в политической борьбе какой-либо страны».

Поэтому с «Архипелагом» и его автором боролись. И книгой «ЦРУ против СССР» как оружием психологической войны, и

тайными операциями, в результате которых появлялись такие издания, как «Спираль измены Солженицына».

Автор последнего – Томаш Ржезач – оказался в помощниках у Солженицына, когда тот обосновался на западе, в Германии. Итогом его работы у именитого писателя и стала разоблачительная книга. Перебравшись впоследствии в США, Солженицын интуитивно не доверял помощникам и секретарям со стороны, возложив большую часть обязанностей на жену. И жил в Вермонте этаким отшельником, совершенно презрев светскую жизнь и общение с американской элитой.

Конечно, история с Ржезачем – не зеркало ситуации с помощником Троцкого в изгнании – Зборовским, который был агентом НКВД и сообщал в центр о каждом шаге и планах своего шефа. С эмигрантом Ржезачем помогли договориться чехословацкие коллеги. Его убедили написать книгу о Солженицыне. И основательно оснастили материалами.

С трехтомным тяжеловесом «Архипелагом», пробившимся в Советский Союз на волнах «Голоса Америки» и «Свободы», тогда на советско-пропагандистском поле могла тягаться только многократно переизданная книжка «ЦРУ против СССР».

Правда, руководители Центрального комитета партии считали, что она издана для публики, а их не касается. Как не касаются и те прогнозы событий, варианты разложения и саморазложения партии, варианты разлома страны, которые были изложены в книге.

А спустя годы судьба Советского Союза с помощью коммунистических вождей побежала по одному из вариантов, рассказанных Яковлевым – Бобковым в созданной ими книге «ЦРУ против СССР». Да финал оказался крут: ЦРУ осталось, СССР со сцены ушел.

С Николаем Николаевичем Яковлевым связана еще одна ситуация, когда Пятое управление не нашло понимания с отделом пропаганды ЦК партии по «книжному» вопросу. Ситуация, показавшая, насколько партийные органы не чувствуют время.

Все началось с повести донского писателя Анатолия Калинина «Эхо войны», о человеке, не по своей воле оказавшемся в так называемой Русской освободительной армии (РОА) генерала Власова. Как считает Бобков, повесть Калинина, оправдывавшая, по сути, власовское движение, привлекла внимание своей исторической неточностью, своего рода «вселенской смазью»: о бывших военнопленных начали судить в целом, вообще, объявляя их всех невинно пострадавшими, – вместо того чтобы разбираться в каждой конкретной судьбе.

Ф. Д. Бобков вспоминает: «Я неплохо знал Калинина и при встрече высказал ему сомнения на этот счет. Однако разговор у нас не получился. К сожалению, мои тревоги оказались не напрасными. Повесть „Эхо войны“ совпала по времени с появлением на Западе потока литературы о власовцах, причем все публикации били в одну цель, доказывали, что власовское движение было не чем иным, как восстанием свободолюбивого русского народа против большевизма».

Бобков обсуждает эту тему с Н. Н. Яковлевым. Чем можно остановить этот поток дезинформации и непонимания? Конечно, книгой-исследованием, в которой будет правда, основанная на неопровержимых исторических фактах. И Яковлев берется за написание такой книги. Но выдвигает условие: доступ к архивам КГБ, относящимся к Власову и власовцам.

Это условие, конечно, было выполнено. Яковлеву дали возможность познакомиться с материалами оперативной разработки Власова и его сподвижников. Ему дали документы Четвертого управления НКВД, которое в годы Великой Отечественной войны занималось работой в тылу врага, в том числе работой против «освободительной» армии Власова. Это Управление перестало существовать в 1947 году, но его архивы хранили много интересных материалов.

Такие материалы рождали сильную творческую активность. Яковлев придумал увлекательную архитектуру книги, написал замечательный текст. И в короткое время. Это была доказательная и умная книга, всесторонне раскрывавшая тему «Власов и власовцы».

Но для издания такой книги требовалось разрешение отдела пропаганды ЦК партии. Только по его указанию книга могла быть принята в печать. И тут вопрос о публикации книги встретил в отделе ЦК активные возражения. Это было неожиданностью для Бобкова, ведь за книгой стоял и авторитет Пятого управления. Что же напугало отдел пропаганды?

Ф. Д. Бобков объясняет это так: «На мой взгляд, просто сказывалась атмосфера тех лет, нежелание углубляться в суть исторических явлений. Ведь публикация книги Н. Н. Яковлева влекла за собой официальные разъяснения, уточняющие само понятие „власовцы“. Она требовала поставить заслон обелению, даже возвеличиванию самого Власова и, как следствие, покончить с оправданием предательства некоторых других национальных „героев“ типа Бандеры. Наконец, она восстанавливала справедливость по отношению к тем тысячам солдат и офицеров 2-й ударной армии, которые не сдались в плен вместе с Власовым

и его штабом, а пали смертью храбрых в боях за Родину».

А ведь эти проблемы настигли страну в годы перестройки. И страна оказалась к ним не готова. Эта позиция «идеологической» власти – не тормошить историю, не лезть в проблемы, лучше умолчать, спокойнее будет, – привела к тому, что партия так и не смогла выработать доказательства силы советского патриотизма в конфликте с национальным патриотизмом в меняющихся условиях. Этот случай явно демонстрировал интеллектуальную лень партии. То был тревожный симптом.

«Культурологическую» активность ЦРУ можно было нейтрализовать «философско-искусствоведческим» опытом 1941 года в СССР

Тайная программа книгоиздания, задуманная ЦРУ, шла параллельно с программой продвижения абстрактного экспрессионизма в живописи. Отдел международных организаций ЦРУ начал с того, что собрал лучших художественных критиков Америки того времени. Они обосновали важность абстрактного искусства и необходимость спонсорской поддержки его со стороны просвещенного бизнеса. Первым бизнесменом здесь шел Нельсон Рокфеллер, для которого абстрактный экспрессионизм был «искусством свободного предпринимательства».

Была создана международная программа продвижения абстрактного экспрессионизма. Здесь вложился Фонд братьев Рокфеллеров. А музей современного искусства в Нью-Йорке, действуя по этой программе, начал экспорт работ художников-абстракционистов. Союзником музея выступил журнал «Лайф», который выдвинул идею «свободного предпринимательства в искусстве», выразив ее в образе и стилистике абстрактного экспрессионизма. Экспорт этого направления предусматривал международную пятилетнюю программу, которая включала проведение тридцати трех международных выставок работ современных американских художников и скульпторов, где более всего звучали такие величины абстракционизма, как Джексон Поллок, Марк Ротко, Ив Кляйн, Франц Клайн, Марк Тоби, Джоан Митчелл, Роберт Мазервелл, Стюарт Дэвис, Адольф Готлиб.

Издавались красочные каталоги, в популярных журналах печатались статьи художественных критиков, шли передачи радиостанций «Голос Америки», «Свобода», «Свободная Европа», в которых ценность этих выставок объяснялась так: на показе были представлены «шедевры, которые не могли быть созданы или выставлены на всеобщее обозрение в таких тоталитарных странах, как нацистская Германия или современная Советская Россия» [48].

Такое объяснение потянуло за собой темы ключевых посланий для средств массовой информации: «Абстрактное искусство – плод демократии», «Тирания не терпит нонконформизма», «Противостояние свободы и тирании».

Пристальное внимание ЦРУ к абстрактному искусству

объяснил сотрудник управления Дональд Джеймсон, тот, что работал в отделе международных организаций у Корда Мейера: «Мы осознали, что это искусство, не имеющее ничего общего с социалистическим реализмом, может заставить социалистический реализм выглядеть еще более стилизованным, более жестким и ограниченным, чем он есть на самом деле. Москва в те дни была крайне настойчива в критике любого рода несоответствия своим крайне жестким шаблонам. Поэтому сам собой напрашивался вывод, что все, так неистово критикуемое СССР, стоит поддерживать в той или иной степени. Конечно, в делах такого рода поддержку можно было оказать только через организации или операции ЦРУ, чтобы не было никаких вопросов о необходимости отмывать репутацию Джексона Поллока, например, или делать что-нибудь, чтобы привлечь этих людей к сотрудничеству с ЦРУ, – они должны были находиться на самом конце цепочки» [49].

Но была ли художественная политика в СССР, способная в то время конкурировать с абстракционистской экспансией Запада?

Ф. Д. Бобков характеризует сложившуюся ситуацию так: «В отношении к изобразительному искусству ЦК проявлял поразительную двойственность. В СССР проходили выставки Фернана Леже, Пабло Пикассо и наряду с этим всячески замалчивалось творчество Кандинского, Малевича, Фалька и других. Душили всех, кто пытался сказать новое слово в искусстве. Спрашивается, при чем здесь КГБ? А при том, что все взоры были обращены к нашему ведомству, все запреты, по всеобщему убеждению, исходили от него. Постольку, поскольку КГБ должен был отвечать на запросы инстанций, мне пришлось посетить немало мастерских художников-авангардистов, я встречался и подолгу беседовал с ними, каждый раз убеждаясь, что эти люди, все силы отдающие любимому делу, полны желания служить своей Родине. Художники-нонконформисты вовсе не отвергали социалистический строй, они только стремились к новизне и самобытности в искусстве. Конечно, и среди сторонников модернизма были разные люди: искренние и не предавшие своих убеждений, художники, подлинно талантливые, но были и люди иной категории. Жизнь показала, кто чего стоит. Картины художников-модернистов, нередко слабые, скупались оптом и в розницу. Вокруг их имен создавался бум. Конечно же, немедленно вызывавший ответную реакцию: выставки модернистов запрещались, а это, в свою очередь, порождало протест в обществе».

Но ведь был же в стране опыт осмысления тенденций в художественном мире, который оказался так и не востребован в

холодной войне. Опыт, который появился раньше, чем Америка взялась за тайные «культурологические» операции.

В 1931 году в Москве был создан ИФЛИ – Институт философии, литературы и искусства, как писала Л. Лунгина, «элитарный вуз типа пушкинского лицея». Этот институт должен был готовить высокообразованных гуманитариев, способных к идеологической деятельности, к дискуссиям на мировом уровне, к творчеству и исследованиям в сфере литературы и искусства, к созданию новых смыслов и образов, развивающих марксизм в условиях строящегося советского социализма. Подразумевалось, что эти смыслы и образы должны появиться в философии, литературе и искусстве, и, что особенно ценно, – в союзе философии и искусства. По тем временам это было весьма «вольное» учебное заведение, где преподавали лучшие профессора СССР, многие старой школы, где проходили «вольнодумные» дискуссии по актуальным мировоззренческим темам.

Большой резонанс вызвала дискуссия в апреле 1941 года по поводу свободы творчества, позиции художника и глубины постижения им мира. В ней участвовали от «прогрессивных» марксистов Георг Лукач и философ из ИФЛИ Михаил Лифшиц, от оппонентов – литературные критики Е. Книпович и В. Ермилов. Лифшиц был известен тем, что в 1937 году под его редакцией вышла антология «Маркс и Энгельс об искусстве», которая стала бестселлером для интеллектуальной публики в силу того, что своим содержанием была направлена против вульгарной социологии. В этой дискуссии Лукач и Лифшиц выступали с позиции того, что художник, обладающий реакционным мировоззрением, подчас может более глубоко выразить действительность, чем художник, придерживающийся революционных взглядов, что, например, Оноре де Бальзак более ценен в постижении буржуазной действительности, чем романтик Виктор Гюго. Или, например, Федор Достоевский, который отнюдь не был приверженцем революционных взглядов, но смог выразить всю глубину и противоречивость русской души.

Вот как Л. Лунгина, учившаяся тогда в ИФЛИ, описывает дискуссию: «Борьба, в центре которой стояла проблема отношений между революционной идеологией и свободой творчества, развивалась главным образом в журналах и газетах. В виде обмена статьями. А потом, где-то в начале апреля, решили устроить устную дискуссию в аудитории ИФЛИ. И вот в течение недели вся литературная, мыслящая Москва и все студенты съезжались в ИФЛИ и слушали, как эти люди выступают. Накал страстей был такой, что свистели, хлопали, кричали, сидеть было

негде, стояли во всех проходах в самой большой ифлийской пятнадцатой аудитории-амфитеатре. Это был взрыв страстей. Ну, мы все, естественно, сочувствовали Лифшицу и Лукачу» [50].

А Давид Самойлов, тогда тоже учившийся в ИФЛИ, так отзывался об этом споре, актуальность которого не исчезла и сегодня: «Спор имел множество аспектов: и борьба против вульгарно-социологических схем, и борьба „классического“ реализма против революционного, а заодно и реакционного, модернизма. Время поворачивало к классике, к традиции, к почвенной истории. Тенденция это только что обозначилась и в том первично-обозначенном виде привлекала многие горячие и ищущие умы. Лифшиц, в сущности, брал за основу гегельянскую схему развития искусства. Об этом было страшно подумать даже его противникам. Да они, наверное, куда слабей были подкованы философски. К тому же Лифшиц гегельянскую схему искусно завернул в марксизм, да и спроси его, в ту пору искренне считал себя марксистом, автором основополагающего сборника „Маркс и Энгельс об искусстве“, где ранний Маркс (левогегельянский) разумно сочетался с поздним Энгельсом, сторонником реализма и „типических обстоятельств“. Борьба с модернизмом, к которому примыкала вся основная западная, а во многом и русская литература 20–30-х годов, была первым становлением нынешней „традиционалистской“ и даже „почвеннической“ эстетики».

ИФЛИ просуществовал до конца 1941 года, а после войны «растворился» в историческом и философском факультетах МГУ и Литературном институте. Власть, конечно, не хотела той «неуютности» для себя, что проистекала из существования этого элитарного «вольнодумного» учебного заведения, своего рода советского Гарварда. Но дело было в том, что полем борьбы в холодном противостоянии с Западом была определена по большей части только одна сфера науки – естественно-техническая, что диктовалось строительством ракетно-ядерной мощи государства. Гуманитарным наукам оставили традиционную колею.

Место ИФЛИ занял другой элитарный вуз – МФТИ, Московский физико-технический институт, выросший из физического факультета МГУ, ставший позже знаменитым «физтехом», объединившим, так же как и ИФЛИ, выдающихся ученых и талантливых студентов. И во многом благодаря ему была обеспечена научно-техническая сила страны. Но духовная сила государства с утратой ИФЛИ как сгустка интеллектуальной, гуманитарной энергии, рождаемой союзом философии и искусства, способной производить новые смыслы и образы для противостояния в холодной войне, начала слабеть. Закрытие

ИФЛИ, несомненно, повлияло на деградацию марксистской идеологии в СССР, которую не могли остановить и институты Академии наук. Даже за столь короткое время своего существования ИФЛИ дал философии и поэзии настоящих мыслителей и поэтов: в философии, прежде всего, это Михаил Лифшиц, Георгий Померанц, Арсений Гулыга, Федор Хасхачих; в поэзии это, конечно, Александр Твардовский, Константин Симонов, Давид Самойлов, Павел Коган, Семен Гудзенко.

Павел Коган из ИФЛИ, комиссар в действующей армии, в 1942 году погиб под Новороссийском. Поэт и комиссар погиб, стихи остались. Вот всего две строчки, но есть образ поколения:

Я с детства не любил овал!
Я с детства угол рисовал!

А вот пронзительный по своей точности взгляд поэта на массовые репрессии 30-х годов:

…Мы кончены. Мы понимаем сами,
Потомки викингов, преемники пиратов:
Честнейшие – мы были подлецами,
Смелейшие – мы были ренегаты.
Я понимаю все. И я не спорю.
Высокий век идет высоким трактом.
Я говорю: «Да здравствует история!» —
И головою падаю под трактор.

Партия образца хрущевского периода вряд ли рискнула бы предложить опыт ИФЛИ в ситуации художественной экспансии Запада, культивируемой ЦРУ.

Шла борьба художественных течений и школ. ЦРУ искусно «зажимало» творческие возможности господствующего в СССР метода социалистического реализма, но при этом манило силой нарождающегося абстрактного экспрессионизма, мобилизовав для этого «своих» художников. Это популярно объяснил Д. Джеймсон.

Что могла противопоставить этому партия, жестко контролирующая культуру в СССР? Только еще более усиленный контроль за творчеством художников. И это вместо того, чтобы консолидировать усилия всех субъектов культуры для художественного прорыва на фронте сопротивления «культурологическим» операциям ЦРУ.

Эффективность советской идеологической «машины» в

немалой степени зависела от того, насколько синхронно взаимодействовали партийно-просвещенческая и художественная пропаганда. Когда партийная пропаганда все более догматически трактовала проблемы действительности, она «замораживала» и художественную культуру; тогда вперед шли многочисленные «серые» творения. Бывали, конечно, случаи, когда художник силой своего таланта «опережал» установки пропаганды. Но такие случаи были редки.

Усилиями КГБ сломать эту «машину» в тех условиях было невозможно. Да и как сломать, если партия боялась художников, видела в них злых оппонентов, а не союзников. Поэтому и сопротивленческий художественный прорыв был невозможен. Об истоках этой невозможности Бобков говорит так:

«В декабре 1993 – январе 1994 года в выставочном зале московских художников состоялась посмертная выставка художника Юрия Васильева. При жизни он не удостоился ни одной персональной экспозиции в нашей стране. Среди представленных картин экспонировалась картина „Дон Кихот“. На полотне изображен фрагмент ступенчатой башни без вершины и без основания. Но ее высота различима. По ступеням спускается самоуверенно сидящий на своем Росинанте Дон Кихот. Где-то в вышине над ним виден перепуганный Санчо Панса, кричащий об опасности. Очевидно – впереди бездна. Картина написана в 1955 году. Понятливые критики опознали в Дон Кихоте тогдашнего главу партии и оценили замысел автора. С тех пор картины Юрия Васильева могли видеть лишь в домашней обстановке его друзья. Талант художника открывал обществу грядущее, призывал осмыслить действительность. Необходимость осмысления, совершенствования системы осознавали и политики. Но если художник выполнил свой общественный долг подачей интеллектуального сигнала, то от политиков требовались действия, продуманные и поддерживаемые обществом. Трагедия состояла в том, что вместо обоснованного плана началась суета».

Вот эта боязнь «интеллектуального сигнала» от художников, которые стремились не столько воспевать действительность, сколько осмыслить ее посредством разных художественных форм, нервировало партию, усиливало ее репрессивный зуд.

Неспособность к воспроизводству доказательств силы социалистической идеи в новых условиях, в том числе и в художественном творчестве, обесценивала систему идеологического влияния в СССР, советскую пропаганду, а в конечном счете привела к ее краху благодаря «усилиям» партии.

Пятое управление: офицеры и джентльмены

Основатель и глава послевоенной немецкой разведслужбы Рейнхард Гелен как-то в сердцах бросил своим коллегам: «Наше дело настолько грязное, что заниматься им могут только настоящие джентльмены».

А дела Пятого управления? Как заметил Бобков, даже среди сотрудников КГБ отношение к управлению было неоднозначным. Некоторые увязывали его с «грязной работой». Тем не менее «чистая» работа все больше зависела от оперативного мастерства. То, что офицеры этой службы осваивали самые темные закоулки душ своих подопечных и при этом старались как можно меньше наследить, действительно приближало их к профессионалам джентльменского уровня.

Ветераны с радио «Свобода» однажды скажут, что профессиональные чекисты считали для себя постыдным служить в «жандармской пятерке». И брали, мол, туда более ни на что не годных. Это мнение специалистов со «свободного радио» – филиала ЦРУ. А в самом ЦРУ, в управлении тайных операций, знали, с кем имеют дело: в «пятерке» работали те, кто мог быть и политиком, и идеологом, и социологом, и специалистом «паблик рилейшнз», и оперативником в одном лице.

Конечно, своеобразная была деятельность. Если офицер Пятого управления «служил» по межнациональным отношениям, то обязан был изучать ситуацию в целой области или республике, изучать и вширь, и вглубь, изучать исторические и современные особенности, изучать и оперативным путем, и привлекая ученых. И выстраивать стратегию снятия межнациональной напряженности и националистических выступлений. Партийные комитеты могли не понимать этой стратегии, и нужно было убеждать, объясняя последствия возможных кризисных ситуаций, которые «свободное радио» из-за кордона всячески возбуждало.

А если офицер «пятерки» работал с творческой интеллигенцией, он стремился узнать ее муки и искания, повадки и стиль, настроения и национальные ориентиры. И при этом знать проблемы быта, денег и поощрений, моральных и материальных, столь чутко воспринимаемых. Он должен был уметь говорить с этими «художественными» людьми на их языке, быть понятым и не отторгнутым. И это когда те же западные центры и «свободное» радио обволакивали художников своим навязчивым вниманием и заботой об их творческом продукте.

Офицеры «пятерки» – одновременно контрразведчики и специалисты «паблик рилейшнз», причем «пиара» белого и черного. Их объединял не только КГБ, самая некоррумпированная организация в СССР, но еще теснее – корпоративная мораль Пятого управления, мораль профессионалов политической безопасности, взращенных Бобковым.

Что значил профессионализм на их языке?

Однажды молодой генерал на одном дыхании, с блеском в глазах, выдал спич:

– Профессионалы те, кто в проблеме с ходу. Знают, кого, что, где, как найти. Кто-то влетел в конфликт. С законом. Оказался в нашем поле. Смотрим базу данных, другую. Вот человек, его встречи, его круг. На пересечении информации – новые связи, новые контакты. И все как на ладони. И выход на объект со стороны новых связей. Разрабатываем старые – ищем новые. На столкновении информации, на соединении персонажей! Дело оперативной проверки, дело оперативной разработки – язык профессионала! На этом языке национализм, терроризм, антигосударственная деятельность светятся до молекулы.

Умудренный Бобков усмехнулся бы от столь лихого объяснения. Ведь сам – оперативник от бога. Когда в Москве в январе 1977 года грохнули подряд три взрыва – один в метро, другие неподалеку от площади Дзержинского, – и погибли люди, он вместе с начальником Управления контрразведки генералом Г. Григоренко возглавил оперативную группу, искавшую преступников. Мозг контрразведчика – что математическая система. Анализ на пересечении информации и установка для оперативных работников – искать здесь, здесь и здесь, но особенно среди армянских националистов. Группа работала полтора года, а ориентир был дан на второй день после случившегося. И оказался верен. Некто Затикян, активист так называемой армянской национальной объединенной партии, в свое время разгромленной КГБ, и был главным организатором этого террористического акта.

В то время в Пятом управлении работали достойные профессионалы сыскного дела. Вспоминают генерала П., который начинал оперуполномоченным в Западной Украине, тогда нашпигованной бандеровским подпольем. Он появлялся в банде, играя глухонемого. Его проверяли, неожиданно, из-за спины, стреляя над ухом. Ни один мускул не дрогнул, ни одна мышца не выдала. Он становился своим, и банда уверенно шла навстречу своей гибели.

Стараниями Бобкова такие люди оказывались в Пятом управлении. Отбор был персональный и для заслуженных

«оперов», и для юных выпускников престижных университетов. Бобков говорил с каждым, узнавал направленность определял способности и перспективу. Пытался понять, станет ли сидящий перед ним человек кандидатом в «джентльмены» или в бюрократы? И это помимо того, что кандидат был просвечен вдоль и поперек кадровой службой. Трудно, очень трудно отпускал людей из Управления. Ушедших никогда не брал обратно.

Верность «пятой службе» для него была величиной осязаемой. Работа до девяти-десяти вечера, а потом и дома за письменным столом – час-полтора. Он поглощал немыслимое количество текста – от служебных бумаг до художественных сочинений. В том числе приобретенных оперативным путем.

Интерес его вел по этой жизни, творческий фанатизм. Не фанатизм заскорузлого чиновника спецслужбы, а одержимость «профессиональной» истиной. Как можно здесь без широты взглядов? Еще когда он ходил в слушателях школы СМЕРШ, обстоятельства серьезно столкнули его с литературой, пленником которой он стал на все время.

Потом привычкой стало постоянное общение с известными интеллектуалами, творческими людьми. Здесь и актер Олег Табаков, режиссер Юрий Любимов, кинорежиссер Лариса Шепитько, музыкант и дирижер Святослав Ростропович и другие, не менее известные люди. И даже бывший член царской Думы, дворянин Василий Шульгин, фильм о котором в 1965 году снял режиссер Фридрих Эрмлер, друг Бобкова.

Разный он был. Мог устроить разнос отделу за то, что пришлось арестовать старшего научного сотрудника, увязнувшего в антисоветской агитации.

– Не умеете работать, раз довели дело до ареста.

А мог потребовать:

– Этого надо вести на «посадку».

У него была своя шкала опасностей для государства, согласно которой он отличал реального противника от мнимого.

Не потому ли особенностью «бобковского» стиля в служебном варианте всегда было адекватное восприятие ситуации? Его не давил хомут «спецслужбистского» взгляда. Знакомясь с оперативными документами, аналитическими записками, он видел проблему в перспективе, видел в контексте. Бобков имел свою точку зрения, отстаивая которую, пытался влиять на прямолинейное, заторможенное мышление некоторых руководителей КГБ, порождавшее и соответствующие указания. А отношения между Бобковым и Андроповым, по выражению одного генерала, иногда были «жестко дружескими».

Мог ли Бобков стать председателем КГБ? Он был профессионалом джентльменского уровня, а не политиком. Андропов пятнадцать лет держал его в кресле начальника Пятого управления, не давая хода.

Загадка? Пожалуй, нет. Это ведь был самый закрученный участок КГБ. Здесь сошлись проблемы партии, интеллигенции, пропаганды, культуры, национальных отношений и защиты власти. Кто мог разобраться в этом клубке? Бобков мог.

Да, он был толерантен и гибок как дипломат. Но не мог переступить через себя, когда информировал ЦК КПСС и Горбачева о ситуации в стране, захлебнувшейся перестройкой. Разве мог вызвать у Горбачева доверие первый зампред КГБ, по чьей инициативе в Политбюро регулярно шли аналитические записки, в которых говорилось о стремительно исчезавшем авторитете власти, о деградации партии, о народе, плевавшимся при словах «перестройка» и «коммунист»? Разве мог решиться Горбачев предложить членам Политбюро утвердить Бобкова председателем КГБ? С такими-то настроениями, с такой-то историей подавления диссидентов – и в председатели? Когда из горьковской ссылки с триумфом уже возвращался Сахаров.

После бобковских записок Горбачев не жаждал общения с КГБ. И он не попал под обаяние Бобкова. А если бы попал?

Бобков располагал сразу. Открытым лицом, доброжелательным прищуром, неспешной, умной речью. После совещаний и заседаний людям не хотелось от него уходить. Странный это был генерал, скорее педагог, психолог. Притягивал осязаемой силой прочтения мыслей и настроений собеседника. Не конфликтовал, скорее обволакивал. В душу входил мягко, по-кошачьи. Чтил личность и так выстраивал систему аргументов, что деваться было некуда. Память феноменальная. Мог сказать сотруднику: «Поднимите дело 36-го года. Там такой-то, возможно, приходится родственником вашему фигуранту». На собраниях не отличался партийной риторикой, излагал утилитарно и адресно, как профессионал. Об «объектах разработок» только корректно, без пропагандистских клише вроде «отщепенец», «тунеядец», «продажный».

О нем мало кто говорил плохо. Но даже бывшие сотрудники, те, кто не лучшим образом потом оценил и КГБ, и его, – уважали профессионала. Впрочем, как и диссиденты, с которыми он общался и которых вразумлял.

Ревностно относился к нему Андропов. Однажды буркнул Николаю Николаевичу Яковлеву, что «удивлен дружбе жандармского генерала и либерального профессора». Такое скажешь только в сердцах.

Яковлев, правда, считал, что не жаловал Филипп Денисович собственную профессию, в которой достиг высочайшего мастерства. И потому, мол, не доверял ему до конца, как и себе. Тонкие натуры эти либеральные профессора. Всё норовят о своих ощущениях. А те скорее тоже из ревности.

Методы

Магические фразы КГБ: дела оперативной проверки, оперативной разработки, литерные дела, объектовые дела. А в целом – дела оперативного учета.

Что такое дело оперативной проверки? Сигнал, информация, чаще всего от агента, о человеке или организации, которые требуют проверки и уточнения. Проверили и увидели: не совсем чисто ведет себя человек, есть признаки антигосударственной деятельности. И тогда заводится дело оперативной разработки. Результатом ее может быть следствие и суд. А литерное дело – изучение процессов в «горячей» социальной группе. Предмет объектового дела – конкретная организация и изменения в ней, скажем, на радио «Свобода».

Каждый офицер «пятерки» знал формулу Бобкова: «Дела оперативного учета позволяют видеть процессы, а не отдельных людей. Изучайте процессы, и вы будете хозяином положения».

КГБ регулярно направлял в Центральный комитет партии записки о настроениях в обществе. Пятое управление изучало настроение интеллигенции. Главное здесь было понять, чем дышат лидеры общественного мнения. Аналитики «пятерки» определили свой круг, в который входили ведущие деятели искусства, литературы, образования, науки. Их было около двух тысяч по стране: ведущие режиссеры, актеры, музыканты, ректоры вузов, академики, писатели. Весьма авторитетные для других, они влияли на интеллигентскую среду. Поэтому их мнением интересовались.

В Институте социальных исследований был создан закрытый сектор Пятого управления, который возглавил заместитель директора Института. Туда направили работать пятнадцать офицеров из «пятой службы». Институт, выросший на основе этого сектора, по сути, стал научной базой политической контрразведки.

Линия на социологические исследования шла от Андропова. Он первым из государственных деятелей стал использовать такие исследования. Его предложения часто основывались на социологических данных. Да и в оперативной работе часто ориентировались на них.

«Мне помнится первое социологическое исследование после прихода Андропова в КГБ – о причинах массовых беспорядков в стране, которые при Хрущеве происходили практически ежегодно в разных регионах. – вспоминает Ф. Д. Бобков. – Реакция на них была, но только во время самих происшествий. Исследование же

дало возможность увидеть причины, а значит, и определить меры, которыми можно было бы такие события предотвращать».

Изучением настроений и мнений занимались и соответствующие отделы Пятого управления. Здесь метод добывания информации на социологическом языке назывался включенным наблюдением, на чекистском языке – агентурным проникновением. Особая ценность такой информации была в том, что она позволяла предвидеть развитие ситуации, особенно в «горячих» точках и в «горячих» социальных группах.

Вот случай, связанный с добычей информации методом своего рода включенного наблюдения. Однажды у известного режиссера был день рождения. И к нему в числе именитых гостей пожаловал под видом работника Министерства культуры сотрудник «пятерки». Подарок его был хорош – фарфоровая расписная ваза. Поздравил юбиляра, предложил слить в нее весь коньяк и широко гулять во славу именинника. Идею шумно одобрили, вечер удался на славу. Но самое интересное было то, о чем говорили гости, как интерпретировали события, как оценивали ситуацию в стране, во власти, и среди «своих» – творческой богемы. Засиделись за полночь, зато сотрудник «пятерки» щедро обогатился информацией о настроениях театральных корифеев.

В 70–80-е годы некоторые солисты балета Большого театра, Ленинградского кировского, остались на Западе, воспользовавшись гастрольными поездками. Барышников, Годунов, Нуриев – самые яркие из «звезд». В Пятом управлении выяснили, что все оставшиеся учились в Вагановском училище у одного и того же педагога П., который всем внушал: вы талант, вы сокровище, цените себя высоко, вы принадлежите миру, и здесь вашему таланту не раскрыться. Конечно, педагог П. стал объектом изучения «пятой службы», надо ж было и позицию его понять и нейтрализовать столь разрушительное влияние.

Самая тонкая сфера – академическая наука. Институты истории, философии, социологии, мировой экономики и политики – политические интересы, настроения ученых мужей. Чтобы разбираться в этом, надо было изучать предмет интереса. Бобков предложил создать группу из трех человек «по ревизионизму». Начали с того, что занялись анализом публикаций философов, историков, социологов, касающихся ревизии марксистских законов. Привлекали для этого экспертов, научные возможности которых хорошо знали. Знали их характеры, круг общения. Выбирали тех, кто никак не был связан с творцом изучаемого текста, чтобы исключить личные мотивы и пристрастия. А чтобы добиться объективности, материалы для

анализа давали разным специалистам. Когда приходило понимание и становились ясными тенденции, внимание автора обращали на то, как его противоречивые тезисы могут быть подхвачены для ненаучных целей. Главное было – не допустить, чтобы на определенной идейной платформе склеилась оппозиционная группа, которая бы начала выступать с антисоветских позиций и апеллировала бы к западному общественному мнению, которое скоро превращалось в мнение спецслужб.

Тут в основном метод был один – беседы, убеждение. Беседовали с Осиповым, талантливейшим социологом. У него был приятель, регулярно подбивавший его на сомнительные дискуссии в отношении существующего строя. Приятеля хитро «отвели», и социолог успокоился. Беседовали и с другими не менее известными научными фигурами. Помогало.

Нельзя было терять для науки талантливейшего философа Эриха Соловьева. Острота его философского мышления особенно проявилась в оригинальной статье «Личность и ситуация в социально-политическом анализе Маркса», вышедшей в 1968 году в журнале «Вопросы философии» и не оцененной бюрократической элитой. А ведь он в ней коснулся судьбы отстраненного от власти Хрущева и будущей судьбы правившего тогда Брежнева, не называя их имен. Не могу не привести некоторые фрагменты из этой статьи, актуальной до сих пор хотя бы тем, что объясняет в какой-то мере и крах Горбачева с Ельциным:

«Едва ли не главным упреком, который бросают в адрес марксизма современные западные философы, является обвинение в недооценке „экзистенциальной проблематики“ (вопросов, касающихся личной ответственности, вины, выбора и подлинности человеческого поведения)…

<…>

Специфическая, полная превратностей и курьезов историческая ситуация 1848–1851 годов позволила Марксу выработать общее представление о личной ответственности политического лидера.

В „Восемнадцатом брюмера“ (имеется ввиду сочинение К. Маркса „Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта“. – Э. М.) это представление не фиксируется специально, но оно содержится здесь в качестве глубоко осознанной нормы, на основании которой Маркс выносит приговор политическим деятелям Второй республики.

Основные требования, объединяемые этой нормой, на мой

взгляд, сводятся к следующему.

Первой и важнейшей обязанностью политического лидера является знание: умение выработать теоретически ясное представление об историческом призвании класса, отличном от его стихийных (непосредственных) установок и притязаний. Политический лидер обязан отдавать себе отчет в нравственно-психологическом состоянии класса, в его личностном облике. Он должен, наконец, опираясь на свое социологическое знание, с одной стороны, и на знание классовой психологии – с другой, попытаться разъяснить возглавляемой им общественной группе ее реальную историческую судьбу.

Можно сказать, что ни один мыслитель ни в прошлом, ни в настоящем столетии не подходил к личности с такими дифференцированными и строгими критериями, как критерии, на которых основывается нравственный анализ поведения политических деятелей Второй республики в „Восемнадцатом брюмера“. Моральному осуждению подвергаются здесь не только лицемерие, трусость, малодушное предательство принципов, но также ограниченность, теоретическая неразвитость и практическое неумение. Более того, именно в этих последних качествах Маркс видит конечную причину нравственной неэффективности французского идеологического сословия. Политическое представительство – это особая роль, которая требует не только субъективной преданности классу, но и особых способностей. Человек, который берет на себя эту роль, заведомо не имея возможности справиться с нею, совершает безнравственный поступок, если не преступление.

В центре концепции личности, содержащейся в „Восемнадцатом брюмера“, несомненно, стоит проблема познавательной ответственности. Именно она придает марксовой постановке вопроса последовательность и остроту, которой мы не встретим даже в самых ригористических современных теориях вины, в том числе и в экзистенциалистской.

<…>

От экзистенциального обвинения почти всегда (а особенно в тех сложных случаях, когда речь идет о социальной ответственности) можно отделаться с помощью своего рода „когнитивного алиби“: я, мол, не знал этого; я искренне верил в то, что внушали; я считал достоверным то, что все считали достоверным, и т. д.

Представление о личности, из которого исходил Маркс, исключает подобные оправдания. Он предполагает, что человек ответственен не только перед своими убеждениями, но и за свои убеждения, за само их содержание. …Личность отвечает за

успешную реализацию выбранной ею общественной миссии, и если роль требует ума и таланта, глупость и посредственность ее исполнителя становятся виной (выделено мною. – Э. М.).

<…>

Некомпетентного, запутавшегося, прекраснодушно-лицемерного политика неожиданно настигает расплата: его смещают еще более низко павшие люди. Это издевательство истории повторяется снова и снова, пока в роли победителя не оказывается самый нелепый, самый комичный, самый пошлый из всех претендентов на политическую власть».

Знакомство с работами ученого, изучение мнений экспертов для сотрудника «пятерки» было процессом приобретения знаний. Только в этом случае мог быть разговор. Этим знанием становились и интерпретация работ автора, и позиция классиков философии, которые и офицерам Управления поднимали горизонт, давали возможность по-иному посмотреть на ситуацию в стране и на собеседника.

Ф. Д. Бобков вспоминает: «Была встреча с известным писателем и журналистом Р. А. Медведевым. После того как предложения привлечь его к работе над историей нашей страны потерпели фиаско, а правоверные аппаратчики исключили его из партии, Медведев нигде не работал, ушел на „вольные хлеба“. Его статьи начали появляться в зарубежной печати, книги издаваться на Западе. Рой Александрович писал зло и нелицеприятно. Он становился не только своего рода знаменем антикоммунизма (хотя убеждениям социалиста никогда не изменял), но и удобной фигурой для тех, кто стал на путь борьбы с властями. К сожалению, встречи и беседы с ним сотрудников КГБ, предостерегавших от шагов, которые могут вступить в противоречие с законом, воздействия не имели. Положение осложнялось и тем, что Медведев язвительно высказывался о Брежневе и его окружении, а это порождало претензии к КГБ – нас обвиняли в либерализме. Были и те, кто нашептывал Л. И. Брежневу: „Вот каков ваш Андропов. Он чести руководителя государства не защищает, мирится с тем, что Медведев порочит вас“.

Медведев начал издавать на Западе журнал „Политический дневник“. Не помню, какое издательство занималось этим, но слыло оно антикоммунистическим. Я решил поговорить с автором. Хотя встреча состоялась на нейтральной почве, я не скрывал принадлежности к руководству КГБ, тем более еще один сотрудник, участвовавший в беседе, был известен как официальное лицо. Я не стал обсуждать с Медведевым содержание его публикаций, спросил только, не шокирует ли его

сотрудничество с антисоветским издательством. Он ответил:

– Но я имею дело и с издательствами компартий, в частности с газетой „Унита“.

– Сейчас не об этом речь…

Разговор был долгий и, с моей точки зрения, интересный. Я видел и слабость, и силу логики собеседника, понял, где он прав, а где заблуждается. Для меня очень полезно было знать это. Результат встречи меня порадовал: Медведев прекратил сотрудничество с издательствами, не связанными с компартиями. „Политический дневник“ вообще перестал выходить. Медведев имел дело теперь только с коммунистической прессой и стал заметно склоняться к „плюрализму в рамках социализма“. А. Н. Яковлев определил это потом как дрейф в сторону от марксизма. Но Медведев, как показало время, вовсе не дрейфовал, он лишь принципиально не мирился с практикой построения социализма в СССР. Для меня же важнее всего было то, что Медведев стал сотрудничать с коммунистами Запада, и теперь воздействовать на его нежелательные выпады можно было по другим каналам. Мы настаивали на необходимости работать с людьми и использовать их потенциал в идеологической работе».

Известно было умение Бобкова беседовать с людьми разного круга, от высоколобых интеллектуалов до пропитанных иронией и сарказмом литературных авторитетов. Этого умения коснулся в своей книге «Таинственная страсть. Роман о шестидесятниках» популярный писатель Василий Аксенов. В главе «Исход» он пытается ущучить генерала, используя свое мастерство незаурядного памфлетиста. Но под его пером, вопреки желаниям, предстает вполне самостоятельная личность, владеющая не меньшей иронией и сарказмом, к тому же проницательным умом. Писатель не мог пойти против обаяния этой фигуры, хотя писал со слов одного из участников беседы, а генерала наделил фамилией Вовков, а именем Максим Денисович. Итак, беседуют трое: генерал, похожий на Бобкова, писатель, похожий на руководителя писательского союза, и поэт, похожий на Роберта Рождественского, под кличкой Роб Эр, под именем Роберт Петрович и Роберт Болеславович:

Генерал: «Можно сказать, что диссидентура дышит на ладан. Существует, однако, одна серьезная загвоздка. Все наши акции находятся под наблюдением колоссального разведывательного аппарата наших коллег из Лэнгли, штат Вирджиния, и там уже началась некоторая активность встречного характера. …Так вот, нам стало известно, что они взамен уходящей диссидентуры склоняются – цитирую – „к намыванию нового слоя оппозиции из писателей, работающих на грани лояльности“. Хочу вам

признаться… что я с удовольствием оставил бы писателей в покое, если бы коллеги из Лэнгли не вынуждали нас к ответным действиям. Вот я и пришел к вам, столпам нашей литературы, чтобы посоветоваться, что мы можем совместно предпринять. Уверен, что вы понимаете всю серьезность и щекотливость ситуации».

Речь зашла о Василии Аксенове, который в этой истории упоминается под кличкой Ваксон:

«– Хороший парень, – сказал поэт.

Генерал:

– И что же, Роберт Петрович, у вас нет никаких личных оснований не любить Ваксона, злиться на него?

– Нет.

Высокий чин улыбнулся с вальяжностью, что подошла бы и славянофильскому кружку Хомякова.

– У нас в русском языке существует какая-то двусмысленность со словом „нет“. То ли это „нет-нет“, то ли „нет-да“.

– Нет – нет.

Высокий чин развел руками:

– Да ведь и в этом „нет-нет“ сидит некоторая лукавость, батенька!

Все трое расхохотались, словно джентльмены в каком-нибудь Аглицком клубе. Извлечены были даже идеальные носовые платки.

Генерал:

– А вы роман „Вкус огня“ еще не читали, Роберт Петрович?

– Это что же за роман такой? – удивился Роб Эр. (До сих пор мы не можем сказать с определенностью – хитрил Роберт или действительно еще не слышал о „нетленке“ Ваксона.) – Отечественный или иностранный? С какого языка переведен? Название мне нравится. „Taste of the Fire“: звучит!

Генерал, как пишут в социалистическом реализме, „поигрывал лукавым взглядом“:

– А я-то думал, что вся эта ваша компания уже прочла черновой вариант или побывала на чтениях. До меня роман еще не дошел, но я уже кое-что слышал. Говорят, что яркая антисоветская вещь вашего хорошего парня, Ваксона. Источник также утверждает, что там через весь текст проходит некий женский образ, напоминающий красавицу из высших кругов нашего общества: вот ведь незадача!

Роберт:

– Ваксонов – непростой человек. Его родители прошли через ад ГУЛАГа. Он выработал свою собственную концепцию

современного романа, в которой нет места ни эзоповскому языку, ни умолчаниям. Политические инвективы, может быть, там и присутствуют, однако они играют второстепенную роль. Роман, с его точки зрения, не может являться политической акцией. Все, что относится к акции, это всего лишь строительный материал романа. По отношению к роману есть только две политики – или он есть, или его нет…

Генерал:

– Как я понимаю, вы говорите о „нетленке“, Роберт Болеславович?

Поэт:

– С такими познаниями вы запросто могли бы стать членом нашей компании.

Высший чин весело рассмеялся:

– Боюсь, что я действительно стану членом вашей компании, но разговаривать придется с каждым поодиночке».

Об Аксенове речь ниже, в связи с альманахом «Метрополь», вокруг которого столкнулись позиции Пятого управления и Московского управления КГБ. А здесь о некоторых принципах Бобкова. Он возвел в принцип «штучную» работу с диссидентами. Максимум информации о характере, интересах, окружении, прожитой жизни. И индивидуальное влияние – встречи, беседы, убеждения. Ида Нудель, авторитет среди еврейских националистов, говорила соратникам: «Учитесь работать, как ЧК. Оно бьется за каждого».

Известна была установка Бобкова, которую он внушал офицерам Управления: «Чтобы вам было ясно, в чем заключается ваша работа, – надо всегда идти от противника. Где чувствуется его рука – там наше присутствие и должно быть».

Институты Академии наук имели частые контакты с западными исследовательскими центрами, которые искали в советской академической среде людей, способных стать их агентами, проводниками их идей. Понятно, что эти центры работали вместе со спецслужбами. Несомненно, их удачей стал Поташов, старший научный сотрудник Института США и Канады. Прозевали его, хотя и не Пятое управление. Талантливый был политолог. Оказался в командировке в США и дал понять, что готов негласно сотрудничать. Политологи – публика понятливая, свели с ЦРУ.

Что спецслужба без агентов? Ноль. Работа с агентурой – основа спецслужбы, агенты – глаза и уши ее, поставщики информации. В КГБ существовало понятие «силы и средства». Под силой подразумевался оперативный состав, под средствами – агентурный аппарат.

Работа с агентурой – самая сложная и самая главная для оперативного работника. В Пятом управлении не без участия Бобкова сложился свой стиль в воспитании агентов. Не один месяц присматривались к человеку, беседовали, выясняли взгляды, изучали позиции, познавали интересы, помогали в каких-то вопросах. Отношения становились чуть ли не дружескими. И лишь тогда следовал рапорт начальству, а потом и разрешение на агентурную работу, на вербовку, на присвоение псевдонима. Хорошо зная психологию рождения агента, Бобков советовал встретиться с ним на другой день после вербовки, оценить состояние, поддержать. Это впечатляло.

Правда, некоторые соглашались сотрудничать без подписки, без документального оформления, некоторые вообще готовы были только устно предоставлять информацию. И оперативные работники шли на это.

На агента заводилось два агентурных дела – рабочее и личное. В рабочем – сообщения, информация агента, в личном деле – установочные данные на него, подписка о сотрудничестве, псевдоним. Кроме того, отдельно хранилась карточка агента, заполненная рукой оперработника, в которой перечислялись краткие установочные данные.

По инструкциям, принятым тогда в КГБ, работа с агентом должна была вестись только на квартирах. Квартиры были конспиративные (это собственность спецслужбы) и явочные (по договору с хозяином, и в советское время часто бесплатно). На них и происходили встречи оперативных работников с агентами два – четыре раза в месяц. Но обстановка порой диктовала иное. Приехала в Москву группа из одной республики для демонстрации сепаратистских, националистических настроений. В этой группе – агент, он знает телефон оперативного работника в Москве. Он либо по телефону-автомату сообщает самую «горячую» информацию, либо где-то «накоротке» встречается с оперативником – на улице, в подъезде, в магазине, бывали случаи, и в туалете.

Создание добротной агентурной сети требует не менее пяти – десяти лет. «Выращивание» агента – процесс сугубо индивидуальный, сложный, трудоемкий. Порой агент согласен работать только с одним оперработником, его «вырастившим». Уходит «опер» на повышение, становится начальником отделения, отдела, но по-прежнему работает со своим ценным агентом. Бывали ситуации, когда офицера КГБ направляли на работу в какую-то область, заместителем начальника местного управления. Но он периодически приезжал в Москву на встречу со «своим» человеком.

Бесстрастная статистика свидетельствует: четверть агентов – женщины, они-то – природные искусницы. Их пленяла страсть к игре, к романтике, и, конечно, к устройству своего будущего – тоже.

Вот агент-женщина влюбилась. Возлюбленный – объект разработки. О столь необычной ситуации агент поведала своему наставнику из Пятого управления – столь доверительны были отношения. Что делать?

– Любишь – борись за него, влияй! Пока он верно катится под статью. Тебе же не нужен муж под арестом.

И ведь повлияла. Живут вместе много лет. Ее тайна стала тайной двоих.

После 1991 года в органах безопасности было проведено девять реорганизаций. Как утверждают ветераны КГБ, каждая реорганизация – это потеря 30 процентов высокопрофессиональных сотрудников и потеря 50 процентов оперативных возможностей. Потеря оперативных возможностей – это безвозвратная потеря агентуры, ибо с оперработником «уходит», как правило, и агент.

Филипп Бобков вспоминает: «По линии Пятого управления в Советском Союзе служили 2,5 тысячи сотрудников. В среднем в каждой области в „пятой“ службе работало 10 человек. Оптимальным был и агентурный аппарат, в среднем на область приходилось 200 агентов».

Находкой Бобкова стало массированное использование агентуры на «бурлящих» территориях, в определенных социальных или национальных группах, чьи устремления и настроения представляли угрозу спокойствию, порядку или власти. К таким группам относились крымские татары, которые постоянно поднимали вопрос об автономии и суверенитете, выступали в Крыму и в Москве. Среди них плотность агентуры в Крыму доходила до одного агента на 100 человек. Причем и задача этим «массовым» агентам ставилась определенная: выходить на «связь» и давать информацию только в случаях назревания каких-либо экстремальных действий со стороны наблюдаемой категории граждан. Такая же массовая агентура, она же и агентура влияния, была и в Пригородном районе Осетии, где постоянно существовала угроза межнациональных столкновений. Эта угроза обернулась кровавым кошмаром лишь после развала Советского Союза и ликвидации вместе с КГБ и Пятого управления, которое долгие годы обеспечивало мир и покой на Кавказе.

Пятое управление здесь не уступало американскому ФБР и французской политической полиции. Остальные службы были

просто на голову ниже. Ну разве мог профессионал «пятерки» безучастно воспринимать такую информацию о заграничных коллегах: «Французской полицейской разведслужбе (RG) вменено в задачу постоянно информировать высший эшелон власти о настроениях общественности. RG имеет своих агентов и осведомителей во всех департаментах Франции. Ежедневно они направляют донесения в центр, который их анализирует и готовит краткие обзоры для министра внутренних дел, главы правительства и президента страны. RG интересует отношение французов к различным правительственным мерам и реформам. Разведслужба обязана изучать новые явления, в том числе общественные. Сотрудники этой службы выполняют функции социологов, стремящихся глубоко анализировать ситуацию в обществе. Секцию „города и пригороды“ в RG возглавляет философ Л. Бьюи-Транг, которая разработала пятибалльную систему оценок „горячих“ пригородов и кварталов. RG отслеживает ситуацию во взрывоопасных пригородах, в исламских организациях во Франции, в сектах, в благотворительных организациях, которые порой используются для „отмывания“ денег. Настроение соотечественников в департаментах страны помогает анализировать соответствующая компьютерная программа». Так работали французы.

А в Советском Союзе Пятое управление тогда было озабочено тем, что среди интеллигентов существовали настоящие фанатики идеологической борьбы с государством. Здесь были и борцы-одиночки, и приверженцы групповых действий. Конечно, Пятое управление наблюдало их пристально. И далеко не пассивно. Исходили из того, чтобы они чувствовали постоянное беспокойство, нервничали, делали ошибки. Здесь господствовал так называемый метод «массированного психологического воздействия». Планирование конкретной операции в русле такого метода оставалось уделом разработчиков, отличавшихся изощренным воображением и системным мышлением. Однажды человек в своем противостоянии власти, приблизившийся вплотную к статье 190-прим, вдруг замечал, что у него не клеится на работе, что как-то не складывается жизнь, число бытовых неурядиц стало критическим, от него отвернулись приятели и жить стало вообще неуютно. Стечение обстоятельств, но управляемых. Не все выдерживали. Были и локальные уколы, но причинявшие не меньшее беспокойство. П. Якиру, видному и весьма активному диссиденту, однажды из магазина «Березка» демонстративно доставили домой дюжину дорогих заграничных бутылок спиртного и коробку с редкими деликатесами от «какого-то» иностранца. Жест – напоминание от Запада. А объект затих на

неопределенное время.

Но, конечно, самое высокое искусство оперативной работы было в том, чтобы предотвратить возникновение антисоветских групп и преступных сообществ. А уж если они возникли, то не доводить дело до суда, а разложить их изнутри. На разных уровнях в КГБ постоянно жило противостояние административно-репрессивного подхода к противникам режима и профилактического, социально-психологического, ориентированного на размывание активных диссидентских групп и лиц. Ярким приверженцем последнего был Бобков, хотя и ему не удалось окончательно добиться торжества «мягко-разрушительного» творчества. Оперативному составу внушал постоянно: «Не доводите разработки до драматического конца. Если есть малейшая возможность остановить диссидентствующего „активиста“ убеждением, психологически точным воздействием, продуманной профилактикой используйте ее. Нужна не канцелярская фиксация действия, не силовые методы, а искусный процесс „размывания“ враждебных группировок».

Как в случае с «Памятью». Организация русских националистов во главе с фотохудожником Васильевым бешено эволюционировала к фашиствующему состоянию. А Пятое управление превратило ее в объединение, пекущееся о памятниках культуры, старины, православия. Методы превращения организации из одного состояния в другое – находка «пятой службы».

Ветераны вспоминают, как реагировал Бобков на операцию, предотвратившую угон самолета из Ленинградского аэропорта «отказниками»-евреями. Ленинградские чекисты провели ее мастерски. О замыслах угонщиков знали задолго. Их взяли с поличным, с оружием, за несколько минут до захвата самолета. Суду и адвокатам не оставили ни одного оправдательного мотива. И все же Бобков был недоволен: почему допустили, что они объединились в преступную группу, почему дали ей «выйти» на террористический акт? Вот если бы этого не допустили, то был бы высший класс оперативной контрразведывательной работы.

Но еще более важным было не допустить сплочения интеллектуалов на антисоветских идеях. Ибо как только рождалась такая интеллектуальная группировка, к ней приклеивались люди, связанные с НТС и ЦРУ, которые искали там свои интересы. Приключилось дело с известным философом, лидером одной неформальной группы, явно не жалующей марксизм. Надо было ее «растащить», пока она оставалась организационно неоформленной. Беседовали с каждым из

«соратников» этого лидера, убеждали, что, мол, лучше не подпольно стряпать тезисы, а открыто обсуждать концепцию на институтских семинарах. Но собеседники оставались безразличны. Вскоре одному из них на работе начали оформлять служебную поездку в Италию. «Соратники» увидели в этом свидетельство предрасположенности к нему властей. Другому «пришел» вызов из Израиля, что вызвало очередной всплеск подозрительности. С третьим решали вопрос о публикации его работ в издательстве «Мысль», что аукнулось волной зависти. Идейные нити, объединявшие «соратников», начали рваться, смещались интересы, распад был неминуем. И скоро лидер остался один. Лучшие офицеры Пятого управления умели превращать человеческие пороки в такие добродетели, которые препятствовали рождению антисоветского подполья или произрастанию социально-ориентированных взрывов.

Работа нередко была на грани провокации. Но провокациям в 60–80-е годы ставили предел установками самого же КГБ. Оперативный работник знал, что если его агент, внедренный в террористическую группу, подталкивает ее к террористическим действиям, да еще по его указанию, то они оба попадают под уголовную статью. Ибо в ней есть понятие «организатор», «пособник». Стоит доказать близость к этим понятиям, и дело становилось судебным.

Бобков с особым тщанием подходил к методам работы с антисоветскими группами. У людей его службы дешевые приемы типа «напоили и что-то подложили» – не проходили. В оперативных делах он требовал от разработчиков нетривиальных ходов, но без нарушения уголовного кодекса. Он заставлял оперативных работников действовать в тесном контакте со следственным отделом КГБ и скрупулезно выполнять его требования по созданию доказательной базы, причем, вещественной, прежде всего.

Ф. Д. Бобков замечает: «Я тогда так задачу ставил: если осуждать человека, то не по показаниям других в отношении его, или по его личным показаниям, а только на основании вещественных доказательств. А когда курировал следственное управление КГБ, требовал неукоснительно следовать этому принципу».

«Рецидивы 37-го года никогда не должны повторяться», – говорил он.

Может быть, он вспоминал отца в эту минуту, и думалось ему, что память о событиях 37-го года должна висеть над КГБ как дамоклов меч.

Однажды он проводил совещание по делу одной

организации. Оперативный работник, докладывая ситуацию, возмутился требованием следователя к показаниям свидетелей: писать по установленной форме, под диктовку.

– Ну как же можно под диктовку, это фальсификация типичная. Каждый же видел свое, пусть и напишет, пусть коряво, но как он видел происшедшее, – горячился оперативник.

– Это действительно так? – спокойно спросил Бобков. Даже излишне спокойно спросил. Все знали – это верный признак ярости.

Он глянул на начальника следственного отдела, потом на присутствующего здесь же следователя. От этого взгляда хотелось превратиться в невидимку.

– С таким мнением подполковник не может вести следствие. Решите, кто будет заниматься этим делом.

Несомненно, к провокации отношение у Бобкова было двойственное. Он принимал ее на грани оперативной игры, способной парализовать антигосударственную деятельность, но не принимал в следственных действиях. Эта двойственность была выстрадана опытом службы в органах безопасности при Абакумове, Серове, Шелепине, Семичастном, Андропове. И эта выстраданность на закате чекистской карьеры однажды испытывалась поручением партии.

Ф. Д. Бобков вспоминает: «В русле идей Зубатова (начальник Московского охранного отделения в 1896–1902 годах. – Э. М.) ЦК КПСС предложил создать псевдопартию, подконтрольную КГБ, через которую направить интересы и настроения некоторых социальных групп. Я был категорически против, это была бы чистая провокация. Был разговор на пленуме, где я поставил вопрос: зачем КПСС должна сама для себя создавать партию-конкурента? Пусть рождение новой партии идет естественным путем. Но не убедил участников пленума. Тогда за это дело взялся сам ЦК, один из секретарей ЦК компартии занимался этим. Так ЦК „родил“ известную ныне либерально-демократическую партию и ее лидера, который стал весьма колоритной, даже скандальной фигурой на политическом небосклоне».

История «Михалыча»

Диссиденты, инакомыслящие. Богатая, колоритная перипетиями судеб группа интеллигенции. Сколько вышло воспоминаний от нее к сегодняшнему дню: Солженицын, Сахаров, Григоренко, Марченко, Амальрик, Алексеева, Буковский и много еще других. И этих воспоминаний краска подсохнет на палитре истории. А мы обратимся к тому, чья диссидентская судьба оказалась туго повязанной с Пятым управлением и привнесла некий резонанс в деятельность КГБ. Не захотел он открыть свое имя, поэтому назовем его по отчеству – «Михалыч».

При всей необычности – это был типичный советский интеллектуал оппозиционного толка. От родителей – начитанность, образованность, кругозор. Единственный ребенок в семье заслуженных учителей, отец отмечен орденом за педагогические заслуги.

В 1952 году «Михалыч» учился на пятом курсе исторического факультета Московского университета. Когда он написал дипломную работу, на кафедре пришли в ужас от темы и трактовки. Тогда он за несколько дней написал другую, «проходную». И с блеском защитился.

Диплом историка, знание десяти языков, феноменальная память открывали ему любые двери в поисках работы. Но начинались трудовые будни, учрежденческая рутина – и ему становилось скучно. За место особо не держался, новое находил легко.

Главным делом для него оставалась историческая публицистика. Его первый литературно-исторический труд назывался «Рыцарь железного образа» – о Феликсе Дзержинском.

Как-то незаметно он вошел в круг диссидентствующей молодежи, которую спустя десятилетия назвали шестидесятниками. Его темы разжигали интерес. Он писал о народовольцах, о Кирове, Сталине, о репрессивной политике. Самой известной в диссидентских кругах стала его рукопись «Логика кошмара» о репрессиях 37-го года. Тогда-то им и заинтересовался КГБ. Занимался им офицер Пятого управления майор Станислав Смирнов, так его назовем.

«Михалыч» продолжал писать трактаты, фрондирующие друзья брали почитать, и тексты уже жили своей жизнью, ходили по рукам. В конце 70-х его арестовали за антисоветскую пропаганду. Суд приговорил к двухгодичной ссылке.

Бобков тогда спросил, больше обращаясь к себе, чем к Смирнову:

– Куда пошлем отбывать?

Он развернул карту, подумал и ткнул пальцем в город Киров. У него там был хорошо знакомый начальник областного управления КГБ. Позвонил, попросил помочь.

Помогли. Местное управление нашло квартиру для «Михалыча» (один военный уехал служить за границу), подыскало ему работу в каком-то техническом НИИ, переводчиком.

«Михалыча» Смирнов забрал прямо из зала суда, после приговора. На «Волге» привез домой, где ждала жена. Дал ему десять дней, чтобы пришел в себя. Дни эти пролетели как один.

Перед отъездом с «Михалычем» встретился Бобков:

– Видишь, как все получилось? Делай выводы. Зачем тебе подобные встряски?

Вечером Смирнов проводил его на вокзал и посадил в поезд до Кирова. Там «Михалыча» встретили, местный чекист показал квартиру. И на следующий день он отправился устраиваться на работу. Началась немосковская жизнь.

Смирнов частенько приезжал в Киров к своему «Михалычу». Это была его работа. Долгие велись разговоры про жизнь, про судьбу страны, про мировые угрозы и внутренние опасности. И однажды Смирнов предложил ему написать записку, где были бы все те мысли о глобальных вызовах Отечеству, что рождались в этих неспешных беседах.

Когда «Михалыч» изложил, из текста стало ясно – две главные напасти ожидают Советский Союз на рубеже веков: национализм и терроризм. Национализм может разломать державу, а терроризм – добить ее. И систему мер против этих угроз «Михалыч» предлагал, мер государственных и общественных. Одним словом, предлагал стратегию против национализма, заглядывая в год 92-й из 82-го.

Сие сочинение Смирнов показал Бобкову. Тот распорядился:

– Оформить соответствующим образом и пустить «по команде».

И вдруг на записке «Михалыча» – резолюция председателя КГБ В. Чебрикова: начальникам управлений комитета, начальникам областных управлений… ознакомиться, взять на вооружение, выработать систему мер…

Записку взяли в работу, аппарат КГБ ориентировался и на выводы «Михалыча», осужденного по делу об антисоветской пропаганде.

А Бобков скажет Смирнову:

– Пишите ходатайство в Верховный Совет о досрочном освобождении.

Пришла к «Михалычу» свобода, вернулся он в Москву, начал

работать в институте переводчиком.

И вдруг новый скандал.

Все началось с того, что потянулся он к русофильским кругам. Те слоились вокруг обществ охраны памятников старины и культуры. Корифеями в тех кругах ходили поэты Сорокин, Куняев, публицисты Лобанов, Семанов, Проханов, кандидат наук, историк из МГИМО, скандалист Емельянов (его запомнили по известным в свое время строкам на майках: «Куришь, пьешь вино и пиво – ты пособник Тель-Авива»).

И однажды в Москве появилась самиздатовская листовка об Александре Николаевиче Яковлеве. Бывший посол СССР в Канаде, он уже был секретарем ЦК КПСС. Листовка развенчивала его статью об истории и литературе, написанную в 1972 году, и его русофобские, антироссийские, прозападные взгляды. Листовка яркая, сочная, язвительная. Она стала самиздатовским явлением, передавалась из рук в руки, опускалась в почтовые ящики.

Яковлев пребывал в возбуждении. На поиски автора были брошены внушительные силы: сличали шрифты, копии от ксероксов, ставились задачи агентам.

Смирнов тоже получил необходимые ориентировки и образец этого творения. И когда он его прочитал, первая мысль была: «Это „Михалыч“! Его стиль!».

Поехал к нему:

– Посмотри, кто бы это мог написать?

– Да я и написал.

– ?!

Ну, объяснились тогда, поговорили. Смирнов вернулся в Управление, доложил начальнику отдела.

– Пиши записку.

Бобков наложил резолюцию. Дальше дело не тронулось. А спустя пять лет председатель КГБ Крючков докладывал Генеральному секретарю партии Горбачеву о Яковлеве: прозападный агент влияния.

В 90-е годы «Михалыч» ушел на пенсию. Консультировал политические партии, фонды, комитеты. В основном по геополитике. Смирнов его не забывал, звонил ему, поздравлял с днем рождения, с праздниками.

Операция с участием газеты «Московские новости»

Когда с приходом Горбачева началась перестройка и страна почувствовала ветер перемен, зашевелились и последние диссиденты, многие из которых уже нашли себя на Западе. Зашевелились они потому, что с наступлением в стране гласности, ставшей политикой власти, у них, борцов за права человека в СССР, стала уходить почва из-под ног. И тогда они выступили с заявлением во французской газете «Фигаро» от имени некоего «Интернационала сопротивления», в котором выставили ряд требований и условий к Горбачеву и к власти, выполнение которых позволит им вернуться в СССР. По сути, это была акция публичного политического шантажа.

И Бобков делает встречный ход. Он звонит главному редактору «Московских новостей» Егору Яковлеву и убеждает того перепечатать это заявление диссидентов из «Фигаро». Потому что у нас должны знать точку зрения оппонентов. Яковлев после некоторых возражений согласился. И не просто согласился опубликовать это заявление, а дал к нему свой публицистический комментарий. Так на страницах самой перестроечной и публичной газеты того времени развернулась драма, явившая собой закат диссидентства. При этом вспомним, в стране только второй год перестройки, большие надежды на позитивные перемены в СССР, и никто не думает о перемене строя, еще ни у кого не возникает мысли о крушении самого государства.

Итак, сначала заявление диссидентов из «Фигаро», опубликованное в «Московских новостях» 29 марта 1987 года под заголовком «Растаявшие иллюзии и логика борьбы» и с преамбулой от газеты:

«Растаявшие иллюзии и логика борьбы»

Так называемый «Интернационал сопротивления» появился несколько лет назад. Его образовали представители различных эмигрантских кругов из ряда социалистических стран совместно с «контрас» из Анголы, Кампучии, Афганистана и Никарагуа.

В этой компании оказались также несколько лиц, в разное время и по разным мотивам выехавших из СССР. Причем если одни из них давно подвизались на антисоветском бизнесе, то другие не слишком демонстрировали свою враждебность к нашей стране и советской власти. Так или иначе десятерых объединило письмо, которое реакция на Западе с наслаждением цитирует и

обыгрывает. Письмо подписали В. Аксенов, В. Буковский, А. и О. Зиновьевы, Э. Кузнецов, Ю. Любимов, В. Максимов, Э. Неизвестный, Ю. Орлов, Л. Плющ.

Перепечатывая это письмо, как оно опубликовано во французской «Фигаро», редакция полагает, что в общем-то оно не требует особого комментария, ибо говорит само за себя. И все-таки, поскольку это письмо, – оно ждет ответа.

Пусть Горбачев предоставит нам доказательства

Лавина новостей из Москвы вызывает в последнее время удивление и даже смущение у многих честных людей как на Востоке, так и на Западе: неужели наступил такой поворотный момент в нашей истории, о котором можно было только мечтать, когда будет положен конец репрессиям, нищете, международному разбою? Или же речь снова идет о временной оттепели, о тактическом отходе накануне следующего наступления, как определял это Ленин в 1921 году?

Действительно, к нашей вящей радости, некоторые выдающиеся защитники прав человека были освобождены из тюрем, лагерей, вернулись из ссылки. Тем не менее, хотя мы и выражаем наше удовлетворение в связи с этими фактами, мы не можем не отметить, что избирательный характер помилований рассчитан так, чтобы ценой минимальных уступок произвести максимальный эффект. Если советские руководители по-настоящему, как они утверждают, изменили свое отношение к проблеме прав человека, если они решили отказаться от подавления как формы контроля за свободомыслием в Советском Союзе, почему же тогда они просто-напросто не амнистировали всех узников совести, а продлевают удовольствие на целый год, освобождая по каплям наиболее известных из них?

Почему до сих пор мы ничего не слышали о безоговорочном осуждении психиатрических репрессий, самых чудовищных из всех принудительных методов, применяемых в СССР? Почему нет улучшения в вопросе эмиграции, которую допускал даже покойный «реакционер» Брежнев?

Афганистан и мы

Более или менее похожие «изменения» и «оттепели» можно наблюдать также в других областях советской жизни. Они дают немало поводов для недоверия. Так, признание советскими руководителями необходимости радикальных экономических реформ является бесспорным улучшением.

Мы, несомненно, одобряем стремление советских руководителей вывести войска из Афганистана, где наши

молодые соотечественники вынуждены участвовать в уничтожении мирного населения. Однако предлагаемый советским правительством способ «урегулирования» проблемы только усиливает сомнения в искренности его намерений. Ведь если они действительно хотят прекращения войны, почему бы не вывести сразу все войска, не ставя предварительных условий и не растягивая сроки? Если хотят, чтобы «урегулирование афганской проблемы» было достигнуто политическим путем, чтобы в этой стране было стабильное правительство, почему противятся проведению под строгим международным контролем свободных и честных выборов? Выборы такого рода успешно прошли в Зимбабве и сравнительно недавно в схожих условиях в Сальвадоре.

За подлинную гласность

Наибольшее замешательство и тревогу вызывает, наверное, новая советская политика «гласности», открытости и «культурной оттепели».

Гласность, по существу, предполагает определенную публичную дискуссию, в которой каждый может участвовать и не бояться преследований, независимо от выражаемых взглядов. Гласность должна включать как право получать информацию, так и право распространять информацию, поскольку и то и другое неразрывно связано в едином процессе контроля общества за властью. Развитию гласности, как мы ее понимаем, скорее способствовал бы свободный доступ к копировальной технике, нежели официальная кампания критики советской действительности. Если советские лидеры хотят пользоваться определенным доверием в глазах общественности, им необходимо решиться на признание хотя бы нескольких независимых издательств, не подлежащих партийному контролю. В этой связи публикация данного письма в советской печати стала бы самым убедительным доказательством искренности заявлений о гласности.

Мы рады констатировать, что такие выдающиеся писатели, как Гумилев и Набоков, «посмертно реабилитированы» и что их книги станут наконец официально доступными для читателей нашей страны. Другие, менее «удачливые» покойные писатели все еще ждут своей очереди, которая, видимо, наступит по случаю очередной «культурной оттепели». Как бы то ни было, данная привилегия предоставлена исключительно мертвым, которые не могут ни сказать, ни сделать чего-либо неожиданного. Наверное, этим объясняется особый интерес советских властей к покойным знаменитостям, останки которых они стараются «вернуть на

родину» вопреки желанию, высказавшемуся ими при жизни (Шаляпин, Тарковский).

Если хотят, чтобы мы вернулись

Нам стало известно, что советские представители вступали в контакт с некоторыми видными деятелями культуры, живущими в эмиграции, предлагая им вернуться «домой», словно бы речь шла о блудных детях, обещая, что «прошлое будет забыто». Очевидно, советские власти до сих пор не в состоянии понять, что эмиграция – результат не какого-то трагического недоразумения, а глубоких расхождений с режимом, не способным уважать свободу творчества. Можно забыть прошлое, но как забыть вездесущий контроль партии, особенно после того, как вдохнешь немного воздуха свободы. Этого не заменить орденом Ленина.

Кто, например, мешает им издавать наши книги, записывать наши пластинки, показывать наши фильмы и спектакли, выставлять наши картины и скульптуры? Тогда почему они не начали именно с этого, вместо того чтобы обещать свое «прощение», в котором никто не нуждается? Все, о чем их просят, – это просто отойти немного в сторону и дать зрителям, слушателям, читателям в СССР самим выбрать то, что им нравится.

Тогда и только тогда мы сможем провести открытый диалог с властями, а не сомнительные переговоры на черной лестнице.

Представим на миг, что самое смелое из всех предложений Горбачева – о более свободных выборах в партии – будет реализовано. Благодаря этому «прыжку вперед» мы только чуть-чуть приблизимся к положению черного населения Южной Африки. Наши «белые» получат наконец свободные выборы для самих себя, хотя они и представляют всего-навсего лишь 7 % населения.

Барьер идеологии

Если они хотят серьезным образом провести «радикальные изменения» в советской системе, они должны для начала пересмотреть государственную идеологию. Без этого ни одно глубокое и рассчитанное на большой срок преобразование не могло и никогда не сможет иметь место в Советском Союзе. Идеология – настоящий стержень советской системы, не позволяющий стране отклоняться слишком далеко и надолго. Если не ставить под сомнение конечные цели и основополагающие принципы, долгосрочная стратегия становится предопределенной, и руководителям остается решать только тактические проблемы. Они могут объявить «мороз» или

«оттепель», но у них самих не может быть «лета». Они не смогут жить в мире ни со своим собственным народом, ни со своими соседями до тех пор, пока правящая идеология отрицает саму возможность «мира с классовым врагом». Разве может у них быть «мирное сосуществование» с «буржуазным» миром, если они ставят задачу «похоронить» этот мир? Разве можно рассчитывать на подлинную «разрядку», если «разрядка ни в коем случае не означает, не может означать отрицания законов классовой борьбы»? В результате нет ни мира, ни войны, есть лишь «борьба за мир», подчиняющаяся незыблемому закону советской поддержки «всех сил социализма, прогресса и национального освобождения».

До тех пор, пока продолжается это «историческое сражение между двумя мирами», никто не имеет права просто заниматься своими делами. Население как бы мобилизовано, чтобы вставали все новые и новые отряды идеологических бойцов. Эта всеобщая мобилизация не признает ни права на нейтралитет, ни права на отказ по причинам совести, потому что «кто не с нами, тот против нас». Даже гражданский перебежчик юридически приравнен к военнослужащему, перешедшему на сторону врага во время военных действий (Уголовный кодекс, часть III, ст. 4). Желание эмигрировать, следовательно, рассматривается как измена Родине, а те, кому разрешается выезд за границу, тщательно отбираются среди самых надежных лиц, как если бы речь шла о разведчиках, отправляемых во вражеский тыл.

Если они действительно хотят вписать новую страницу в нашу историю, им нужно прекратит использовать в пропагандистских целях трагедию нашего народа во Второй мировой войне, убрать из учебных программ вызывающую тревогу военно-патриотическую подготовку, которая стала обязательной во всех советских школах и которую можно только сравнить с дрессировкой гитлеровской молодежи, положить конец милитаризации советского общества. Нужно восстановить историческую правду о преступлениях, совершенных советским режимом.

Болезнь режима

Как можно ждать от людей прилива энтузиазма в связи с разрешением «индивидуальной трудовой деятельности», особенно в сельском хозяйстве, если «коллективизация» и уничтожение десяти миллионов крестьян до сих пор не осуждены партией, находящейся у власти? Или, говоря о «гласности», как можно надеяться, чтобы это новшество принималось всерьез, если оккупация Чехословакии в 1968 оду до сих пор не осуждена как

международное преступление? Потому что в конечном счете Пражская весна была не чем иным, как периодом «гласности».

Это лишь два взятых наугад примера. Но они показывают, что для примирения народа с правительством недостаточно выпустить из тюрьмы несколько десятков человек, безвинно, кстати, туда заключенных. Советский Союз тяжко болен. Болезнь настолько затянулась, что даже руководители страны были вынуждены порвать с семидесятилетней традицией молчания – им необходимо доверие людей в СССР, доверие всего мира. Но прежде всего им нужно самим научиться доверять народу и миру. Научиться достаточно верить общественности, чтобы признать свою ответственность перед Международным судом в Гааге, перед судом прав человека в Страсбурге и чтобы пострадавшие, выступая в качестве истца, могли бы потребовать возмещения убытков, понесенных в результате какой-либо катастрофы вроде чернобыльской. Они должны стать равными среди равных, а не прообразом светлого будущего.

Сегодня всем, даже глупцам, очевидно, что, если семидесятилетнее правление при помощи «самого передового учения» привело к краху одной из самых богатых стран на земле, это учение ложно. И если, как признает Горбачев, не нашлось после Ленина ни одного руководителя, который бы сумел заставить действовать это учение, может, уже пришло время попробовать что-нибудь другое? Разве не сам Ленин постоянно повторял, что только практика является высшим критерием теории? Может ли обветшавшая теория выдержать сегодняшнюю практику? Вот в чем вопрос. А если нет, то что же тогда произойдет?»

А теперь слово оппоненту заявителям из «Интернационала сопротивления», главному редактору «Московских новостей» Егору Яковлеву, который в своем публицистическом комментарии в том же номере «МН» вольно или невольно ставит точку на движении диссидентов, которые так и смогли ответить однозначно на вопрос: во имя чего была борьба – во имя личных амбиций или во имя общественных устремлений?

«Доказательства от обратного»

Василий Аксенов – бродим с ним по Москве осенним днем и до самого вечера. Говорим, мечтаем. О чем? О времени – такое, какое настало сегодня и которое он теперь обвиняет… Мастерская Эрнста Неизвестного в переулке возле Сретенки. Не отрывая руки, одним движением художник старается изобразить Прометея, разрывающего цепи. Портрет любимого героя Маркса – это к его юбилею на обложку журнала «Журналист».

Неизвестному никак не удается передать радость человека, обретающего свободу. Отбрасываются и рвутся листы, пока не рождается тот, единственный рисунок… Сегодняшний Неизвестный и понять не в состоянии те чувства, которые испытывают его соотечественники, понять людей, которые говорят: мы выстрадали перестройку… Вспоминаю встречу с Владимиром Максимовым на Страстном бульваре. Он, как всегда, что-то бормочет о вере, царе и Отечестве, горюет по безвременно почившим в бозе Романовым. Тогда, признаться, это воспринималось болезненным чудачеством озлобленно-ущербного человека. А теперь? Рядом с его именем ставит свое и Юрий Любимов… Съехавшись в Замоскворечье, сочиняли манифест о революционном театре. Нет, Таганки еще не было. И сама возможность там обосноваться смущала Любимова: «Это же на окраине, кто поедет в такую даль?». А вот желание создать театр, подобный тем, что возникали в 20-е годы, и прежде всего подобный театру Мейерхольда, – это желание было твердым. Ныне создатель революционного театра оказывается в соавторах с Максимовым.

А все они вместе – те, кто так ратовал за демократизацию нашего общества, – теперь злословят по поводу этой самой демократизации, поют ей за упокой прежде, чем она началась. Сколько слов и чернил извели, доказывая необходимость перемен, а как только начались они – принялись доказывать от обратного: обличают перемены.

Что же случилось? Все смешалось? Скорее определилось.

Еще недавно не только мне казалось: кого-то из них непременно потянет домой. Вернется по зову совести, коль взялись мы всем миром за переустройство жизни. И звонили, скажем, актеры с Таганки, поддаваясь чувству, – звонили чуть ли не каждую ночь за океан (это при их-то зарплате), убеждали Любимова: его ждут в театре. А он кокетничал, торговался… Теперь – собственноручно отрезанный ломоть в канун своего семидесятилетия.

Однажды в ответ на признание одного из поклонников «Нового мира»: «Рано или поздно наступит конец цензурным ограничениям, тогда-то мы и поработаем с вами, Александр Трифонович», – Твардовский весьма неприязненно ответил: «Тогда мы сможем оказаться с вами по разные стороны баррикад. Это только сейчас, против нынешних глупостей мы едины».

Сказанное А. Твардовским звучит сегодня как предсказание неминуемого: та разящая правда, которой чужды любые сантименты, всякие дружеские пристрастия. Человек проверяется, когда он свободен в своем выборе. Те десять, коим ничто не

угрожало, были свободны решать. Они выбрали ту сторону баррикады.

Расставшись со своим народом, трудно сохраниться с ним в одних измерениях – утрачивается чувство времени. Лишились его и авторы письма. Вроде бы собрались писать о настоящем, но что ни строчка – то от прошлого.

Хлопочут, к слову, о копировальной технике. О какой? Неужто все еще находятся в плену у самиздата? Это сегодня-то, когда едва успеваешь прочитывать то, что переписывалось, бывало, по углам, а теперь публикуется периодикой, выходит книгами. Рассуждают как о невероятном по поводу «независимых издательств». А тем временем Союз писателей СССР рассматривает предложения об организации кооперативных издательств. Одно из первых – «Весть», создается при поддержке В. Каверина, Э. Межелайтиса. Где же они, голосующие за «публичную дискуссию, в которой каждый может участвовать и не бояться преследований, независимо от выражаемых взглядов»? Могли и они, если бы не боялись, быть среди тех, кто сегодня рассматривает, поддерживает, создает. Нет, по-прежнему среди обвиняющих издалека. И воображают, будто их письмо – столь немыслимая, невероятная, недопустимая откровенность, что опубликуй его в советской печати, и станет это «самым убедительным доказательством искренности заявлений о гласности». Опубликовали. Что дальше?

Да ничего! Для них все останется как и было. Писал же еще Герцен об эмиграции: «Притом ни шагу вперед. Они, как придворные версальские часы, показывают один час – час, в который умер король… и их, как версальские часы, забыли перевести со времени смерти Людовика XV».

Задумайтесь, каким ограниченно-культовским мышлением надо обладать, чтобы запрашивать доказательства благополучного будущего великой державы у одного человека – пусть и занимающего чрезвычайно ответственный пост, пусть и располагающего сегодня небывалым признанием во всем мире. Может, повторить тем, кто хотел бы прослыть «отцами русской демократии», мысль, неоднократно высказываемую Михаилом Горбачевым: одно лицо или группа лиц не могут быть в нашем обществе носителями истины в последней инстанции. И то же самое можно повторить о силах обновления. От всех нас зависит, чтобы «оттепель» превратилась в «лето», говоря словами авторов письма, а по-нашему, чтобы от «революции ожидания» перейти к революционной перестройке, энергию замыслов превратить в энергию дел.

Есть лишь одна гарантия от повторения ошибок, которые так

дорого нам обошлись: последовательная и повсеместная демократизация. Этому и следуем, помня: больше демократии – значит больше социализма. В этом прежде всего и расходимся с авторами письма. Не решаясь произнести, к чему же в конце концов призывают, они скрывают за ширмой частных предложений свои глобальные намерения: лишить наше общество исторической перспективы, взяв под сомнение его «конечные цели и основополагающие принципы».

Поразительно, но, высказывая общие места о том, что революционная теория устарела, нынешние критики В. Ленина первыми и обнаруживают архаичность своего мышления. Они выдвигают его фигуру в положение сверхчеловека, поскольку допускают, что за все в ответе может быть тот, кто умел видеть сквозь годы, но кому не дано было – не дано уже более полувека – жить, работать, решать вместе с нами. Все ли делалось вчера и выполнено теперь, как советовал, настаивал Ленин? А сегодня, обращаясь к его наследию, мы имеем возможность идти дальше Ленина. Да, дальше: с высоты нашего времени дано оценить и суть былых противоречий, и смысл принимаемых тогда решений. К тому же мы свободны от того, что особенно тревожило Ленина: кроме закона есть еще культурный уровень, который никакому закону не подчинишь.

Живет своей жизнью двухсотвосьмидесятимиллионный народ – хуже или лучше, но занят своей судьбой. И, представьте себе, не подозревал до сих пор, что где-то далеко-далеко расположилось несколько его бывших соотечественников, которые желают для себя особых гарантий, одобряют «стремления советских руководителей» или же, наоборот, видят «немало поводов для опасения», диктуют, как следует проводить политику гласности, требуют «для начала пересмотреть господствующую идеологию», размышляют, стоит ли им «провести открытый диалог с властями», так и не выяснив, а хотят ли этого «власти», прикидывают, что необходимо для «примирения народа с правительством».

И лишь об одном не думают: как самим найти путь к своему народу. Потому что оставили его не в лучшие времена. Наслаждаясь, как пишут сами, «воздухом свободы», они обеспокоены, видите ли, тем, как дышится в Москве… Не знал, признаться, не знал до сих пор из всей истории русской эмиграции, кому жизнь на чужбине представлялась бы желаннее, чем дома, кто не хотел бы воспользоваться первой же возможностью, чтобы вернуться.

Среди прочих фраз есть у авторов письма и такая: «Если они действительно хотят вписать новую страницу в нашу историю, им

нужно…» – и так далее, и тому подобное. Но кто это, собственно говоря, – «они»? Кому это – «им»? А главное, чья это – «наша»? С вашей позицией к нашей современной истории вы не имеете отношения.

Когда-то у кого-то из авторов письма были свои заслуги в развитии общественного самосознания – их и теперь не станут обделять в этом. Но зачем же раздувать щеки, тянуться на цыпочках, чтобы представиться большим, чем есть на самом деле? Зазнайство, право же, уничтожает талант быстрее, чем запреты. Вот и письмо свое они написали на редкость посредственно.

Каждый из них профессионал в своем деле и знает, как важно быть им. А тем не менее тянут самодеятельное начало в политику, не стыдясь домотканости своих суждений. Почему, – вопрошают, – не вывести из Афганистана «сразу все войска, не ставя предварительные условия и не растягивая сроки»? Все очень просто: махать рукой на тех, кому стремились помочь; уйти, не думая, что произойдет за твоей спиной. Нет, так политика не делается, да и они сами это прекрасно понимают. Однако продолжают нарочито валить все в одну кучу: борьбу за мир и похороны Тарковского, события 1968 года и выборы в Сальвадоре, военно-патриотическое воспитание школьников и Уголовный кодекс.

А венчают всю эту мешанину следующим: в результате процесса демократизации «мы только чуть-чуть приблизимся к положению черного населения Южной Африки». Прав был Белинский, утверждая в письме к Гоголю: «Какая это великая истина, что, когда человек весь отдается лжи, его оставляет ум и талант».

Чем обеспокоены авторы письма? Тем, что почва у них уходит из-под ног. Могли, например, прежде ссылаться на высланного в Горький Сахарова, а теперь он сам замечает, что не прочь на время съездить в Горький – бесконечные московские визитеры мешают работать. Рассуждали, бывало: нет, мол, хода личной инициативе, – нынче она приветствуется. Не миловали когда-то художников-авангардистов – труби об этом на весь мир. Сейчас у них одна выставка за другой. Так и без работы можно остаться!

Но что же это за работа, если в основе ее давно известное своей безнравственностью утверждение: чем хуже, тем лучше. Не удастся, не состоится то, чем заняты ныне в Советском Союзе, – это обернется поражением на уровне национальной трагедии. Авторы же письма станут потирать руки. В беде народа готовы обрести и самоутверждение, и самооправдание. Во зло молящиеся!

Нам и без всяких голосов хватает забот: за перестройку надо

бороться, ее надо защищать. И люди идут на это, меньше всего думая о собственных удобствах, не вспоминая прежних обид.

«Нужна ли горькая память о прошлом?.. Без нее мы просто никуда не уйдем и рискуем снова стать жертвами трагических ошибок и непреодоленного опыта», – пишет на страницах «Московских новостей» критик Владимир Лакшин. Когда-то лишенный любимых занятий в «Новом мире», он привык к неторопливой работе над рукописями своих статей и книг. И все-таки согласился стать заместителем главного редактора журнала «Знамя». Надо не только помнить о прошлом, но и преодолевать его.

Сколько сил, а главное, времени забрали у Элема Климова: его фильмы годами пробивались к экрану. Теперь бы снимать и снимать. Нет, пропадает в Союзе кинематографистов, согласившись стать первым секретарем его правления. «Речь идет о том, чтобы зафиксировать условия, в которых киноискусству станет легче дышать, полнее раскрываться», – говорит он в беседе с нашим корреспондентом.

Известность Николаю Губенко в последние годы принесли поставленные им фильмы. А он идет в Театр на Таганке: труппа избрала его своим главным режиссером. «Отлично понимаю, что я не театральный режиссер. Но я, очевидно, нужен труппе, нужен как некое объединяющее лицо, с кем связывает она возвращение определенных ценностей, утраченных театром за последние годы», – заявил в интервью для «Московских новостей» Губенко.

«Постоянно, через всю гражданскую жизнь каждого человека тянутся исторические комбинации, в которых обязан гражданин отказаться от известной доли своих стремлений, для того чтобы содействовать осуществлению других своих стремлений, более высоких и важных для общества». Так писал философ и публицист, возглавлявший самый прогрессивный журнал своего времени, человек, который почти два года провел в одиночной камере, а два десятилетия на каторге и в ссылке. Впрочем, авторы письма, скорее всего, и его не возьмут в расчет. Поскольку писал это революционер-демократ Чернышевский».

Одной из технологий политической войны, которую ЦРУ вело против СССР, было создание определенных политических публичных документов, на основе которых могли бы сплачиваться силы, выступающие за изменение конституционного строя в СССР. Заявление от имени «Интернационала сопротивления» было тогда одним из таких документов. Вот какую картину событий и действий дает Бобков в связи с этой технологией ЦРУ:

«Запад постоянно разрабатывал и пропагандировал такого рода документы, видя в них основу для соответствующей

обработки общественного мнения. Вначале такую роль играли письма против отдельных правительственных решений и акций, затем возникла «Хроника текущих событий», вокруг которой стали сплачиваться «борцы за права человека в СССР». Запад активно поддерживал этих людей в их правозащитной деятельности, вплоть до оказания материальной помощи «пострадавшим». Позже стали распространяться программы «Демократическое движение в СССР» и «Тактические основы демократического движения в СССР», изготовленные западными антисоветскими центрами. И наконец, под «крышей» политического отдела посольства США в Москве возникли «хельсинкские группы», стал усиленно продвигаться призыв «к защите прав человека». Ставилась задача легализации нелегальной деятельности «борцов за права человека» против советской власти. Кстати, подобная легализация состоялась в Польше, тогда группы, выступавшие «в защиту прав рабочих», привели к власти те силы, которые сменили социалистический строй на капиталистический.

Тезис «Защита прав человека в СССР» звучал громко, западная пропаганда продвигала его с неослабевающей силой, а «хельсинкские группы», опираясь на поддержку Запада, активно дестабилизировали обстановку в стране. Силы, сплотившиеся под лозунгом «защиты прав человека» внутри страны, конечно, сыграли определенную (хотя и не решающую) роль в разрушении державы, вызывая недоверие к власти, к государству.

Этот лозунг не снят с повестки дня и после ухода в прошлое Советского Союза. Теперь место СССР заняла Россия. И сплочение сил, выступающих против власти российского государства, уже не коммунистического, продолжается призывом к защите прав человека в России. Не они ли легализуют цель тех, кто ставит задачу расчленения России, освобождения на ее территории «порабощенных наций»?

Все это говорит о том, что не в коммунизме дело. Как мы понимаем, сегодня речь идет о борьбе за ресурсы, за влияние, за коммуникации, где Россия выступает конкурентом. И о гуманитарном прикрытии этой борьбы».

Пятое управление и партия: противоречивое сотрудничество

Конфликт людей и мировоззрений

Партия как огня боялась открытой дискуссии с оппонентами реального социализма, в первую очередь с так называемыми «диссидентами» – представителями инакомыслящей интеллигенции. В 70–80-е годы Бобков не раз готовил записки в ЦК КПСС, где звучали предложения вступить в прямую полемику с академиком Андреем Сахаровым, профессором Шафаревичем, историком Роем Медведевым и другими известными по тем временам оппозиционерами. Но партийные идеологи и пропагандисты настаивали на репрессивных мерах в отношении оппонентов. И возлагали на КГБ ответственность за них.

Сегодня можно вполне определенно сказать, что КГБ видел процессы в стране лучше, чем партия. Благодаря социальным исследованиям и агентурному аппарату и вследствие близости к кричащим проблемам. Да, и отчасти из-за присутствия умных голов на социально опасных участках.

Мир стоял на пороге взлета информационных технологий, на которые элиты возлагали особые надежды в сфере влияния на людей. Пока Кремль спал, в стране возникло подпольное производство видеопродукции: энергичные «теневики» копировали и продавали зарубежные видеофильмы, видеоигры, видеопрограммы. Пятое управление неплохо представляло масштабы этого бизнеса, возможности его влияния. Здесь социологическая пропаганда предстала в чистом виде, это была пропаганда образом жизни и технологиями, круто замешанная на криминальной энергии. Мир уходил вперед, а власть жила прошлым.

И тогда Бобков ставит вопрос о создании отечественного производства видеомагнитофонов и видеозаписей. Со скрипом ЦК КПСС назначил комиссию, которую возглавил идеологический секретарь Михаил Зимянин. Известные люди, члены комиссии – министр связи, заместитель министра культуры, председатель Гостелерадио – все отвергли предложение КГБ: «Нам этого не надо. Пусть таможня и пограничники делают свое дело – изымают видеокассеты на границе». Через два года, когда председатель КГБ Ю. В. Андропов стал секретарем ЦК партии, эта комиссия собралась вновь и после дебатов передала вопрос о видеотехнике в Совет министров. Но и там его ждала нелегкая участь. В КГБ понимали: на информационном поле партия проигрывает борьбу за мысли и настроения людей.

А на поле прав человека?

Уже в середине 70-х годов в Пятом управлении отмечали

откровенные симптомы игнорирования людских забот и переживаний. Москву тогда наводнили десятки граждан, чьи права, жалобы и просьбы не волновали местную власть. Но их не хотели слушать и в больших столичных приемных. Что же они просили? Чаще всего решить вопрос с жильем, притом на вполне законном основании. Просителями были многодетные матери, пенсионеры, инвалиды. Бездушие бюрократии доводило людей до истерики.

И однажды журналисты из английского агентства «Рейтер», поработав с некоторыми жалобщиками, опубликовали заявление от их имени об образовании «независимых профсоюзов». А в комментарии пояснили, что эти профсоюзы выступают против советской власти. Из ЦК партии в КГБ понесся грозный оклик: что происходит?

Ф. Д. Бобков вспоминает: «В приемную КГБ (она находилась на Кузнецком мосту) пригласили всех „жалобщиков“. Собралось человек сто измученных, доведенных до отчаяния людей. Некоторые пришли с детишками. Разговор налаживался с трудом, многие перестали кому-либо верить, но в конце концов все-таки нашли контакт. Сотрудники „пресловутого“ Пятого управления, которое больше других удостаивается внимания прессы, уже имели немалый опыт и выработали определенные подходы. Мы выслушали всех и свои предложения по каждой жалобе доложили в ЦК КПСС, чтобы оттуда дали указания местным органам власти решить проблемы этих людей. На сей раз к нам прислушались, и через неделю мы подвели итоги: из ста жалоб остались неудовлетворенными лишь пять или шесть. Такой результат нас настолько воодушевил, что мы составили второй список жалоб. Однако это уже вызвало неудовольствие в ЦК: видимо, КГБ решил предстать перед народом добреньким! Из общего отдела, которым руководили К. У. Черненко и К. М. Боголюбов, пошли звонки более высокому начальству – мол, КГБ занимается не своим делом, и соответствующая записка легла на стол к Генеральному секретарю ЦК КПСС».

Спустя годы Горбачев вопрошал: «Почему люди идут в КГБ? Есть же приемная ЦК». Может, потому, что КГБ в меру своей компетентности решал, а партия констатировала, да и то не всегда точно.

Когда в стране вспыхивали массовые беспорядки, гасить их приходилось сотрудникам «пятой службы». Находили в иных случаях весьма нетривиальные решения. В 1969 году в милиции сибирского города Рубцовска умер задержанный водитель. И на центральной площади собралась огромная толпа. В город немедленно вылетел сотрудник Пятого управления КГБ

полковник Цупак. На площади он появился, когда уже вовсю кипели страсти и верховодила стихия. Схватив мегафон, Цупак, перебивая оратора, крикнул, что он из Москвы, из КГБ, и швырнул в разъяренную массу свое удостоверение личности. Такой неожиданный жест разом охолонил оравших. Кто-то вскочил на помост и, размахивая его удостоверением, прокричал: «Он не врет, он на самом деле из КГБ, от Андропова». Не теряя темпа, Цупак предложил выбрать доверенных людей, которые бы изложили на бумаге суть дела, претензии и требования. Здесь же он обещал доложить о них в Москве. Скоро толпа иссякла и опустела площадь. Офицер КГБ действовал интуитивно, по незримым законам психологии. Не дал людской ненависти излиться на здание горкома партии.

А городские партийные боссы в это время растерянно жались за стенами своего партийного дома. Не вожаки, а бюрократы, боявшиеся людей, потерявшие моральное право быть властью. Спас их тогда офицер Пятого управления. Потом партийные трусы настаивали на жестких репрессивных мерах в отношении бунтовавших на площади.

Так же было и в Москве. Власть по-иному смотрела на демонстрации оппозиционеров, чем КГБ. В 70-е годы несанкционированные выступления проходили под лозунгами «Никакого возврата к сталинизму», «Свободу выездам евреев за границу», «Свободу религии». У Андропова собрали совещание, на котором позицию первого секретаря Московского горкома партии Гришина отстаивал некий Лялин. Его устами Гришин ставил вопрос о выселении подстрекателей и организаторов демонстраций из столицы. Оживился присутствовавший Щелоков, министр внутренних дел:

– Надо сформировать штаб из представителей КГБ, МВД, прокуратуры и начать чистить Москву.

– Это что, снова «тройки»? – спросил тогда Бобков. – Если у Лялина есть доказательства, что эти люди совершили преступление, пусть их судят по закону. Но только суд должен решать.

Бобков, конечно, понимал, против кого он выступает. Гришин, по его словам, готов был любой ценой заплатить за спокойствие и порядок в столице, и этому «руководителю московских большевиков» лучше было не становиться поперек дороги.

Партийный ортодокс Гришин считал, что с оппозицией не стоит вести полемику, да он этого и не умел. Оппозицию, инакомыслящих, по его мнению, надо давить руками КГБ. Кто здесь по-настоящему расшатывал систему: партбюрократ Гришин

или чекист Бобков?

Интеллигенция Москвы надолго запомнила скандал вокруг альманаха «Метрополь». Группа московских писателей решила издать сборник своих сочинений, объединенных обшей философией. Против выступило московское отделение Союза писателей, которое возглавлял Феликс Кузнецов, известный литературный критик. Довод простой – альманах литературно слаб. Некоторые добавляли: антисоветчина. А слухи носились и того хлеще: КГБ запретил талантливую книгу.

На самом деле Пятое управление имело свой взгляд на альманах: то, что предлагалось публиковать, – далеко не шедевры, некоторые сочинения – ученические, а в некоторых есть и искра божья. Но «антисоветчиной» в этих сочинениях не пахло. И КГБ, еще до заседания секретариата московского отделения Союза писателей, предложил издать этот сборник. И пусть потом литературная критика ломает копья, а писатели говорят с писателями.

Но не тут-то было. Секретариат решил однозначно и жестко: альманах закрыть. Феликс Кузнецов был смел как никогда. Что ему мнение Пятого управления, когда закрытия «Метрополя» потребовал все тот же первый секретарь Московского горкома партии, член Политбюро ЦК Виктор Гришин и поддерживавший его начальник московского управления КГБ генерал Алидин.

Тот случай обнажил всю сложность отношений Бобкова и генерала Алидина, ориентировавшегося прежде всего на своего партийного босса. Они были не союзники. Алидин, верный гришинец, ярый сторонник репрессивной линии – давить и сажать. Бобков – не доводить до ареста, влиять и убеждать.

В истории противостояния Пятого управления и столичного горкома партии была еще одна ярчайшая страница.

«В один из воскресных дней, – вспоминает Филипп Бобков, – мне позвонил дежурный по Управлению В. И. Бетеев и буквально огорошил: в районе Беляево бульдозеры сносят выставку картин художников-модернистов. Я спросил, что он предпринял.

– Направил группу сотрудников спасать картины.

Я настолько был потрясен, что только и смог сказать:

– Позаботьтесь о художниках!

Вандализм в Беляево остановили, но немало картин было безнадежно погублено».

Указание снести бульдозерами выставку в московском районе Беляево пришло из Черемушкинского райкома партии, секретарем которого был некто Б. Чаплин, добросовестный ученик Гришина.

Райком выступил как провокатор. Случай в Беляево

мобилизовал западную прессу, которая с сарказмом писала об отношении власти к художникам в СССР, где господствует принцип – запрещать художественное творчество, если оно не отвечает установкам партии и социалистического реализма.

В этой ситуации ЦРУ планирует новую «культурологическую» операцию – стимулировать выезд «запрещенных» художников из СССР на Запад. Через различные фонды на эмиграцию художников были привлечены немалые деньги. И опять пресса, радио, телевидение в Европе и в США писали о том, что талантливым художникам не дают творить в СССР, и они вынуждены искать творческое убежище за рубежом, в свободном мире. А ведь некоторые художники, далеко не последнего ряда по творческим возможностям, действительно эмигрировали. И там, в эмиграции, они выступили с предложением одновременно открыть выставки художников-авангардистов в Париже и в Москве. Расчет был на то, что в СССР такую выставку, по примеру «Беляева», запретят. И тогда новый шум в прессе, новые акции против запретов и за свободу творчества. Но эта идея вдохновила художников и в СССР, они спешно готовили свои работы для выставки. Что в этих условиях делает Пятое управление, понимая, что эта задуманная на Западе, навязанная выставка для Москвы – явная политическая и «культурологическая» провокация? Управление делает свой ход. В газете «Московский художник» появляется статья, где откровенно рассказывается о сценарии, задуманном на Западе, приводятся факты и мнения. Статья заканчивается обращением к художникам: пусть каждый сам определит свое отношение к выставке, исходя из того, стоит ли участвовать в подобной политической игре, больше разделяющей, чем объединяющей творческих людей. Выставка в Москве по добровольному согласию ее потенциальных участников и ввиду отсутствия работ так и не состоялась.

КГБ продолжал «биться» за художников. С великим трудом у Гришина «пробили» разрешение открыть выставочные залы для авангардистской живописи на Малой Грузинской улице и в одном из павильонов ВДНХ.

Конфликт между Пятым управлением и горкомом партии Москвы в некоторой степени коснулся и писателя Василия Аксенова, о чем он и не подозревал. Сын Евгении Гинзбург, репрессированной в 1937 году, он запомнился своей хорошей прозой – в 60–70-е годы с интересом читали его повести «Коллеги», «Звездный билет», «Апельсины из Марокко», «Пора, мой друг, пора!», «Затоваренная бочкотара», «Любовь к электричеству».

Писатель Василий Аксенов рассказывает: «Он (Бобков. – Э.

М.) занимался „Метрополем“ и принимал решение о моей высылке из Советского Союза и лишении гражданства. Во всяком случае, об этом говорил полковник Карпович (заместитель начальника „пятой службы“ в Московском управлении КГБ. – Э. М.), который в начале 80-х годов лично вел мое дело, а позднее раскаялся».

Аксеновым занималось московское управление КГБ, которым правил генерал Алидин. Аксенова «вел» некто, назовем его не Карповичем, как называет Аксенов, а допустим, майором Юрьевым. «Вел» – значит разрабатывал, фиксировал все его нелестные выражения о власти, о прошлом страны, о несуразностях советской жизни. Ну и контакты, конечно, отмечал. Было время, когда Аксенов сидел на даче в Крыму и писал роман «Вкус огня», потом назвал его «Ожог». Тогда агенты Юрьева, некие литераторы, зачастили к нему. И, согласно «юрьевским» установкам, уговаривали писателя: тебя здесь не понимают, публиковать больше не будут, а на западе ты популярен, тебя там признают и всегда ждут твоих сочинений. Провоцировали, чтобы он уехал из страны. Юрьев своего добился, Аксенов уехал. А майор получил очередное повышение. Знавшие его говорили: оперативник он толковый, даже супер, но с провокационным началом. Но это-то начало неплохо совмещалось с позицией начальника управления и со взглядами первого секретаря московского горкома партии, члена Политбюро ЦК КПСС Виктора Гришина – с диссидентами, с читателями и распространителями «самиздата» нужно не разговаривать, а сажать или высылать. Бобков был категорически против такой идейной линии – как раз и нужно разговаривать, объяснять, убеждать, увещевать. Но гришинскую линию он не мог поколебать, ее железной рукой проводил в Москве генерал Алидин. Его люди, к коим относился и Юрьев, делали всю подготовительную работу в отношении разрабатываемых лиц. Сколько Юрьев тогда «сотворил» операций по творческой интеллигенции, сколько добывал нужной и «ненужной» информации о ней. Его буквально распирало от информационного мусора: кто с кем, кто кого… Карьеру на диссидентах он делал быструю. Но кончил плохо, уволили его со службы, к тому времени уже подполковника, уволили за фальсификацию данных, за искажение ситуации.

А тогда интеллектуально-убеждающая тенденция в отношении диссидентствующей публики, лелеемая Бобковым, все чаще сказывалось на отношениях КГБ и партии, по крайней мере в сфере Пятого управления. «Либерал» Бобков и твердый «коммунист» Гришин по разному понимали вопрос, как защищать существующий строй и укреплять социализм. Бобков видел то,

чего не видел Гришин. Он лучше знал проблемы и настроения и не отгораживался от самых колючих, «оппозиционных» людей. Он не защищал жуликов и коррупционеров и не был барином. По сути, это противостояние Бобкова – Гришина отразило в некотором роде противостояние КГБ и партии.

С некоторого времени сотрудники ведущих отделов Пятого управления, разбираясь с диссидентами и возмутителями национального спокойствия, стали замечать одну тенденцию: в стране наливались энергией коррупция и казнокрадство. Все чаще следы вели в партийный и государственный аппарат.

Однажды начальник отдела по борьбе с национализмом докладывал обстановку, сложившуюся в одной из северокавказских республик. В центре националистических всплесков оказался некий ученый из местной академии наук. От него тянулись нити к кругам интеллигенции, жадно внимавшей теориям национальной исключительности. Сообщения агентуры, прослушивание телефонных разговоров высветили не только националистическую суету. Чекистам открылся другой, параллельный мир. Оказалось, что этот ученый-«националист» был еще и активным игроком другой сети – предпринимательско-криминальной. Нити ее тянулись к первым лицам республики – председателю Совета министров, председателю Верховного Совета и к одному из бывших секретарей обкома партии. В агентурных материалах и данных «прослушки» все чаще мелькали их имена. Национализм оказался тесно повязан с коррупционным криминалом.

Бобков приказал готовить записку в ЦК КПСС. В один из дней у него состоялся тяжелый разговор в отделе организационно-партийной работы ЦК партии. Только с санкции отдела можно было открывать следствие в отношении руководителей республики, погрязших в коррупции. Санкцию не дали.

Этот случай не был единственным. Партия своеобразно берегла свои кадры.

В самом начале 80-х КГБ Узбекистана, следуя указаниям тогдашнего председателя Комитета государственной безопасности СССР Андропова, вскрыл крупную сеть «хлопковых» дельцов. С них началось известное «хлопковое» дело. На оперативной схеме пирамида подпольных миллионеров резво стремилась вверх, захватывая все новые пласты замаранных руководителей. Окрыленный успехом, председатель республиканского КГБ Мелкумов приказал организовать выставку изъятого и конфискованного. Под экспонаты отвели вместительную комнату. А потом Мелкумов пригласил первого секретаря ЦК компартии республики Рашидова, секретарей и

членов бюро ЦК посмотреть эту уникальную экспозицию. Увиденное впечатляло: слитки золота, мерцающие камни, браслеты, кольца, цепи и цепочки. И все навалом, россыпью, кучами. Сверкало и искрилось вызывающей наглостью. Мелкумов пояснял: когда, у кого, сколько и как изъято.

Рашидов, который только что преподнес члену Политбюро ЦК А. П. Кириленко шубы из уникального каракуля специальной выделки для его жены и дочери, ушел озабоченный. Было ясно: чекисты «выходили» на деятелей республиканского масштаба. В оперативных разработках уже встречались имена секретарей райкомов и горкомов партии. Мог помочь «дорогой Леонид Ильич». При первой же возможности Рашидов пожаловался генеральному секретарю: «Чекисты перебарщивают, компрометируют партию, ее руководителей, партийный аппарат».

И Брежнев, как в случае с первым секретарем Краснодарского обкома Медуновым, уличенным во взятках, сказал Андропову:

– Юра, этого делать нельзя. Они руководители большой партийной организации. Люди им верят, а мы их под суд?

Мелкумов вскоре покинул Узбекистан и отправился представлять КГБ в Болгарию. Рашидов своего добился.

В октябре 1982 года в Москве арестовали директора «Елисеевского» гастронома Юрия Соколова, бывшего шофера все того же первого секретаря Московского горкома партии Виктора Гришина. Вскоре застрелился Сергей Ониев, директор «Смоленского» гастронома, что возле метро «Смоленская». Московская торговля, которую тогда возглавлял Трегубов, оказалась изъеденной коррупционерами. Стоило чекистам потянуть за одну нить, как задергалась вся сеть.

Но лидер московских коммунистов Виктор Гришин настороже. Он хладнокровно ставит пределы следственной инициативе КГБ: «Москва борется, чтобы стать образцовым коммунистическим городом, и должна быть вне подозрений».

Ф. Д. Бобков вспоминает: «О необходимости борьбы с преступностью в сфере экономики все настойчивее напоминали руководители органов безопасности республик, об этом повсеместно говорили с трибун всесоюзных совещаний. Коррупция, взяточничество, приписки наблюдались в Узбекистане, Грузии и других республиках. Да и в самой Москве этого было предостаточно. Бацилла коррупции разъедала власть, партия теряла авторитет в народе. Естественно, тема эта не раз обсуждалась в КГБ, и в нашем Пятом управлении, конечно, тоже. Коррупция становилась серьезной политической проблемой. Под знаменем борьбы с этим злом сплачивались те, кто тайно лелеял

надежду покончить с советской властью, подорвать ее устои. Голоса общественности, все чаще требовавшие поручить борьбу с коррупцией КГБ, к сожалению, не были услышаны. А борьба эта наталкивалась на огромные трудности, и несмотря на то, что органы безопасности пытались использовать все возможности, должен признаться, – ощутимых результатов добиться не смогли».

Бобков советуется с Андроповым и готовит записку в ЦК партии. В ней по тем временам радикальные предложения: обратиться с открытым письмом ко всем коммунистам, в котором честно показать уровень коррупции в стране, всю опасность ее для судьбы государства, привлечь общественность к борьбе с коррупционерами и казнокрадами и одновременно выстроить систему контроля над доходами.

Среди московской интеллигенции созрела идея создания общественного комитета по борьбе с коррупцией. Но как же она напугала партийные власти: какая-то независимая организация начнет бороться с коррупцией? А как далеко она пойдет? И будет ли управляема? Нет, лучше с такими идеями не связываться.

Записка КГБ, которая поддерживала инициативу общественности вкупе с антикоррупционными предложениями самого комитета, попав в ЦК, год бродила по отделам, высыхая и съеживаясь на столах партийных чиновников. Наконец родился документ, который никого ни к чему не обязывал.

Главный идеолог партии М. А. Суслов пресекал любые попытки Пятого управления и руководства КГБ поставить вопрос о коррупции и моральном разложении в партийных верхах. Потому что рассмотрение этого вопроса неминуемо бы коснулось Генерального секретаря и его окружения. Суслов считал, что упоминание о фактах коррупции нанесет ущерб моральному облику партии. И поэтому у него росла заметная неприязнь к Андропову и КГБ в целом.

Бобков понимал, что самая опасная сила, грызущая советский строй, – не столько диссиденты, оголтелые националисты, не одержимые профессионалы психологической войны из ЦРУ, а верхушка коммунистической партии, партийные чиновники разного ранга. В раздумьях пришла ясная, но страшная мысль: по всем принципиальным вопросам, определяющим нашу жизнь, руководство партии, на словах чтившее Ленина и его учение, занимает позицию, противоположную социализму.

Видные коммунисты, ставшие по делам своим и мыслям антикоммунистами, и в Центральном комитете, и в областях и республиках, не испытывали боязни перед органами безопасности. Был приказ председателя КГБ СССР, определяющий категории лиц, которые не могут проходить как объекты

оперативной разработки. К этим категориям относилась вся руководящая номенклатура должностей.

Ф. Д. Бобков поясняет: «Что касается разработки руководящих кадров, то после смерти Сталина ЦК партии принял специальное постановление, на основании которого в КГБ был издан приказ, регламентирующий нашу работу. Прослушивание телефонных разговоров, наружное наблюдение запрещались, начиная с члена бюро райкома партии, с первого секретаря райкома комсомола и профсоюзного руководителя района. Конечно, такие жесткие ограничения сказались на нашей оперативной деятельности. Санкцию на прослушивание советского гражданина мог дать только первый заместитель председателя КГБ СССР, а иностранного гражданина – начальник соответствующего управления КГБ. А вот вести работу по партийному деятелю мы могли только с разрешения соответствующего партийного органа. А ведь тенденция разложения партийного аппарата крепла все более».

Если в ходе оперативных действий («наружка», прослушивание, агентурные данные) в отношении определенных лиц в поле зрения чекистов вдруг попадал партийный деятель, то, чтобы дело получило дальнейший ход, оперативный работник должен был представить все документы и материалы в следственный отдел КГБ. Там скрупулезно высчитывали, выверяли, и редко когда эпизоды дела с участием представителей партийной номенклатуры получали развитие. Чаще всего они сразу прекращались. Нередки были случаи, когда начальники отделов, сталкиваясь в оперативных делах с номенклатурными работниками, советовали своему сотруднику: «Выбрось к черту эту разработку».

Партийная номенклатура вывела себя из-под правоохранительных органов, поэтому уже не заботилась ни о чистоте своих взглядов, ни о чистоте своих дел. На судьбу Советского Союза в значительной мере повлияло разложение руководителей партии и государства. А усилия Пятого управления по нейтрализации этих кадров натыкались на все тот же пресловутый «номенклатурный» принцип – «партию не трогай».

Но здесь выясняется другое. Хотя руководящие деятели и обезопасили себя от КГБ, но не от ЦРУ. Американский журналист Петер Швейцер в связи с этим приводит интересные факты:

«Американские бизнесмены стали важным источником информации… Особенно хорошие информаторы… по возвращении из Советского Союза писали рапорты и звонили по

специальному номеру в Управление (ЦРУ. – Э. М.)… Многих бизнесменов, помогающих Управлению, приглашали в Лэнгли на „совещание директоров“. В 1984 году через семинары… проводимые небольшими группами в отделах ЦРУ, прошло почти 200 человек. Перед ними обычно выступал сам Кейси (директор ЦРУ. – Э. М.). Рассказав о том, что грозит современному миру, он приступал к делу: „Директора корпораций оказали Управлению неоценимую услугу. Они не только сообщали информацию, но и указывали нам на тех граждан в других государствах, которые могли быть полезными…“» [1].

Те граждане из советских руководящих верхов, которые могли быть полезны, вероятно, и были кандидатами в «агенты влияния» и в «нетрадиционные источники», которых не вербовали, но ориентировали в нужном ракурсе. Еще в 1977 году КГБ эту тенденцию выявил. Симптоматична записка под названием «О планах ЦРУ по приобретению агентуры влияния среди советских граждан», отправленная тогда Ю. В. Андроповым в Центральный комитет партии. Приведу ее полностью:

«По достоверным данным, полученным Комитетом государственной безопасности, в последнее время ЦРУ США на основе анализа и прогноза своих специалистов о дальнейших путях развития СССР разрабатывает планы по активизации враждебной деятельности, направленной на разложение советского общества и дезорганизацию социалистической экономики.

В этих целях американская разведка ставит задачу осуществлять вербовку агентуры влияния из числа советских граждан, проводить их обучение и в дальнейшем продвигать в сферу управления политикой, экономикой и наукой Советского Союза.

ЦРУ разработало программы индивидуальной подготовки агентов влияния, предусматривающей приобретение ими навыков шпионской деятельности, а также их концентрированную политическую и идеологическую обработку. Кроме того, один из важнейших аспектов подготовки такой агентуры – преподавание методов управления в руководящем звене народного хозяйства.

Руководство американской разведки планирует целенаправленно и настойчиво, не считаясь с затратами, вести поиск лиц, способных по своим личным и деловым качествам в перспективе занять административные должности в аппарате управления и выполнять сформулированные противником задачи. При этом ЦРУ исходит из того, что деятельность отдельных, не связанных между собой агентов влияния, проводящих в жизнь политику саботажа и искривления руководящих указаний, будет

координироваться и направляться из единого центра, созданного в рамках американской разведки.

По замыслу ЦРУ, целенаправленная деятельность агентуры влияния будет способствовать созданию определенных трудностей внутриполитического характера в Советском Союзе, задержит развитие нашей экономики, будет вести научные изыскания в Советском Союзе по тупиковым направлениям. При выработке указанных планов американская разведка исходит из того, что возрастающие контакты Советского Союза с Западом создают благоприятные предпосылки для их реализации в современных условиях.

По заявлениям американских разведчиков, призванных непосредственно заниматься работой с такой агентурой из числа советских граждан, осуществляемая в настоящее время американскими спецслужбами программа будет способствовать качественным изменениям в различных сферах жизни нашего общества, и прежде всего в экономике, что приведет, в конечном счете, к принятию Советским Союзом многих западных идеалов.

КГБ учитывает полученную информацию для организации мероприятий по вскрытию и пресечению планов американской разведки.

Председатель Комитета Ю. Андропов».

По сути, направление этой записки в Центральный комитет было продуманным ходом Андропова. Он, вероятно, надеялся, что высшее руководство партии всерьез воспримет угрозу взращивания в СССР агентов влияния и в конце концов обяжет КГБ отслеживать настроения и нравственное состояние тех партийных деятелей, чьи дела и разговоры давали повод усомниться в их честности и порядочности. Дальновидный Андропов этим письмом подводил руководство партии к решению о снятии запретов на разработку руководящих кадров. Но синдром 1937 года крепко держал партийную верхушку. После смерти Сталина она панически боялась, что за ней кто-то будет приглядывать – или КГБ, что могло стать реальностью, или структуры – представим! – гражданского общества, что вряд ли по тем временам было реально.

Судьба записки этой оказалась трагичной. ЦК партии предупреждению КГБ не внял, как и многим иным. И тогда в СССР пошел процесс зарождения «пятой колонны». В нем диссидентствующие «тусовщики» соседствовали с «номенклатурными» коммунистами. Теми, кто не устраивал акций, а делал карьеру внутри режима, презирая его, чтобы в некий час предать его окончательно. «Номенклатурные» коммунисты давно похоронили коммунистические идеи и были

одержимы только карьерой и личным благополучием.

КГБ не разрабатывал их из-за партийных запретов. Их разрабатывало ЦРУ. В годы перестройки в СССР ЦРУ знало, что ждать от лидеров компартии и государства. Не в деталях, но в общих контурах оно прогнозировало, как поведут себя в чрезвычайное время секретарь столичного горкома, министр иностранных дел, секретарь ЦК партии Советского Союза или секретарь ЦК компартии Украины – республики в составе СССР. Этими прогнозами в ЦРУ занимался Алан Уайттэкер, профессор-психолог, обрабатывавший информацию о советских руководящих деятелях.

Хотя руководящая номенклатура и обезопасила себя от КГБ, но не от ЦРУ и американского Агентства национальной безопасности. Установленный этим Агентством контроль над электронными коммуникациями по всему миру позволил чуть ли не с середины 70-х годов вести мониторинг телефонных разговоров и радиопереговоров. Американские ветераны спецслужб утверждают, что уже тогда это Агентство нашло код к радиотелефонам, установленным в автомобилях «ЗИЛ», на которых перемещалась советская верхушка, и в течение нескольких лет слушало переговоры членов Политбюро. Использовались и другие методы познания советской элиты.

Вот свидетельство бывшего члена Межрегионалъной депутатской группы, радикального демократа 80-х годов С. Сулакшина: «19 августа 1991 года, во время путча ГКЧП, за спиной у Ельцина стояли сотрудники американского посольства. Они приносили ему расшифрованные шифротелеграммы Генштаба СССР, министра обороны СССР Язова, члена ГКЧП – и направляли Ельцина в его тактических решениях в борьбе с гэкачепистами».

Но Ельцина, в бытность его партийным боссом, КГБ не разрабатывал.

В ползучем конфликте КГБ и партии, на острие которого со стороны КГБ в течение последних двадцати с небольшим лет находилось Пятое управление, интеллектуальное и нравственное преимущество было за КГБ. Потому что он не только лучше видел, знал и ощущал те процессы, которые, в конечном счете способствовали распаду страны, но и постоянно предъявлял партии доказательства ее ошибок в виде письменных документов (записок, обращений, справок, проектов постановлений и решений), большая часть которых отвергалась.

Итак, попробую представить некий скорбный перечень ошибок, совершенных партией и ее лидерами, которые вскрывал

КГБ, но не находил понимания. О таких ошибках шла речь в различных главах этой книги.

Партия, увязшая в хозяйственных делах, не смогла стать политическим лидером общества, оказалась неспособна создавать доказательства силы социалистической идеи при каждом новом повороте истории, при новых экономических и социальных условиях.

Партия не смогла понять опасности холодной войны, которую вели США против СССР и стран социализма, не смогла выработать политику и меры противодействия этой войне на государственном уровне, не стала координатором действий государственных структур в этом противостоянии, не смогла консолидировать общество, его лучшие интеллектуальные и творческие силы для сопротивления идеологическому нашествию.

Партия оказалась неспособна к живой дискуссии с оппонентами реального социализма, так называемыми «диссидентами» – представителями инакомыслящей интеллигенции. Предложения КГБ о полемике с академиком А. Сахаровым, профессором И. Шафаревичем, историком Р. Медведевым отвергались бесповоротно.

Партия требовала «давить», наказывать, репрессировать диссидентов, чему сопротивлялось в немалой степени Пятое управление. При этом, находились те, кто говорил Л. И. Брежневу: «Ваш Андропов не защищает честь руководителя государства, мирится с тем, что эти люди порочат вас».

Партия допустила то, что появившаяся при Хрущеве система подношений, взяток, обеспечения партийных чиновников при Брежневе превратилась в систему коррупции, когда нарушившие закон партийные деятели брались под защиту этой же партией, аргументом которой было: уголовное дело дискредитирует партию. Все коррупционные дела против крупных руководителей, инициированные КГБ, все предложения Пятого управления по борьбе с коррупцией в стране чаще всего натыкались на партийную стену.

Партийные чиновники игнорировали требования и жалобы трудящихся, к их заявлениям относились безразлично. Возмущение людей росло, и Пятому управлению приходилось заниматься решением их проблем, что вызывало недовольство крупных партийных руководителей: «КГБ много на себя берет».

Партия проявила идеологическую трусость в отношении произведений писателей, поэтов, литераторов русского зарубежья, в отношении авторов произведений, «запрещенных» в 30–40-е годы, и только под давлением инициативы Пятого управления была вынуждена принять решение об открытии этих

произведений для советского читателя.

Партия, не понимая роли изобразительного искусства и законов его развития, в том числе искусства модерна, запретительными мерами душила тех художников, кто пытался найти себя в новой сфере искусства. Вследствие этого на Западе активно формировалось мнение об отсутствии свободы творчества у художников в СССР. Причем партийные чиновники требовали от Пятого управления объяснений о творчестве и поведении художников, выступающих в абстрактной стилистике.

Партия не реагировала на информацию КГБ о росте националистических настроений в стране, что пытались скрывать партийные органы в регионах. В годы перестройки ЦК партии отметал предупреждения КГБ о зреющих конфликтах, готовых перерасти в кровавые столкновения в Сумгаите и Нагорном Карабахе. «Ничего страшного, не драматизируйте», – звучало из уст М. С. Горбачева, продолжавшего свою политику поддержки одних и отвержения других. Процесс закончился кровью, беженцами, тысячами трагедий.

Партия не смогла сохранить СССР, развал которого начался с республик Прибалтики. Партийные и государственные руководители на словах были озабочены ростом сепаратизма в этих республиках, а на деле попустительствовали тем силам, чьей целью был выход из состава СССР, что выявило Пятое управление. Партийное и государственное руководство не захотело взять на себя ответственность за осуществление спланированных КГБ мер для изменения ситуации, хотя на словах признало их правомочность. Руководители СССР обманули его общественность и бросили на произвол судьбы те здоровые силы в прибалтийских республиках, что готовы были изменить ход событий.

И самое главное обвинение партии. В декабре 1991 года в Беловежской пуще, вопреки мнению народа, высказанному на референдуме, бывшими руководящими деятелями партии, которые не скупились на заявления о своей верности Ленину и социализму, было принято решение о прекращении существования СССР, о чем ими было доложено президенту США. А бывший Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, ставший президентом СССР, принял этот антиконституционный акт и подал в отставку.

Пятое управление, которое выявляло ошибки партии лучше, чем она сама, и выходило с инициативами решения проблем, в том числе и вызванных этими ошибками, раздражало руководство партии. Ведь это же «своя» организация, а ведет себя как независимая величина, покушается на авторитет партии. При каждом удобном случае Управлению «выговаривали», пытались

отмахнуться от его правды и его инициатив и тем самым стимулировали неприятие его. И что самое интересное, такая позиция некоторых руководящих чиновников хорошо воспринималась той частью инакомыслящей публики, что была не мнимым, а настоящим врагом социализма и советского строя. Поэтому от них исходила изощренная поддержка ложного мнения, что КГБ запретил очередную книгу, очередной фильм, очередную выставку. Здесь интересы партийных бюрократов и инакомыслящих активистов в отношении Пятого управления совпадали.

«Выходит, он не знал?»

В конце 1990 года Бобков спешно разрабатывает план сохранения советской власти в Латвии. Меры намечались решительные, но в границах закона. О плане доложили Горбачеву. Он одобрил. Но Бобков с председателем КГБ Крючковым настояли, чтобы он их принял.

Ф. Д. Бобков вспоминает: «Мы считали, что Горбачев должен знать суть акции, осуществляемой по его указанию, видеть ее возможные последствия и как президент дать на нее правовое согласие. Не скрою, что к тому времени президент уже успел зарекомендовать себя „не ведающим о том, что происходит в стране“. Особенно, когда общественность хотела иметь достоверную информацию. На него, „как снег на голову“, обрушились события в Тбилиси в апреле 1989 года, он „не знал“ о том, что вот-вот вспыхнет карабахский конфликт, да и в других случаях уклонялся от того, чтобы принять на себя хотя бы малую часть ответственности за происходящее в стране. А посему, когда он сказал В. А. Крючкову, доложившему ему о готовности к проведению акции: „Действуйте“, – мы попросили его принять нас для подробного доклада.

Доложили. Получили одобрение. Особенно настойчив был Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе. Он сказал даже, что хорошо бы эту акцию начать с Грузии, где у власти был Гамсахурдия.

Но здесь вышла заминка. Мы попросили не только устного разрешения. Горбачев и Шеварднадзе высказали удивление.

До сих пор помню слова Шеварднадзе: „Зачем? Это акция спецслужб. Она не должна санкционироваться государством. В каком положении окажется МИД?“.

Горбачев: „Но я же даю свое согласие“.

„Мало, Михаил Сергеевич, ибо это акция – не спецслужб, а государственной власти. Она наводит порядок в стране, а спецслужбы и армия выполняют ее волю“.

По предложению Горбачева окончательное решение отложили на неделю, затем еще на неделю… Стало ясно, что президент смел тогда, когда есть на кого свалить вину».

А девятого января 1991 года Горбачев у себя в кремлевском кабинете вновь принял Бобкова и председателя КГБ Крючкова. На сей раз повод был печально простой. Президент СССР должен был подписать указ об освобождении от должности первого заместителя председателя КГБ Ф. Д. Бобкова и переходе его в «пенсионную» группу – в группу генеральных инспекторов Министерства обороны.

Вот уже исчерпаны необходимые формальности, взаимные благодарения за службу и за доверие. Но не тот человек Бобков, чтобы уйти просто так.

Не стесняясь торжественности момента, высказал то, о чем неотступно думал последние месяцы, что томило душу. О том, что власть теряет страну, межнациональные конфликты рвут ее на части, что люди, обеспокоенные ценами, преступностью, коррупцией, – ожесточаются. Горбачеву не верят ни коммунисты, ни демократы. Никто не может понять, какую линию ведет руководство страны.

Не доклад звучал – обвинительный монолог.

Горбачев не перебивал. Потом была долгая пауза. И вдруг президент сказал то, чего никто не ожидал:

– Внуков жалко.

Осознанно или эмоционально вырвавшаяся фраза выдала сокровенное. Потом Бобков не раз возвращался к ней. Удивительно, но она совпадала с его ощущением перестройки.

И пришедшая следом догадка: выходит, Горбачев знал, куда завел страну. Знал…

Но знал ли он тогда, в марте 1985 года, когда стал Генеральным секретарем ЦК компартии, – куда заведет?!

Возвращаюсь к статье Эриха Соловьева, которая так и манит своим названием «Личность и ситуация в социально-политическом анализе Маркса». В свое время Соловьев был интересен Пятому управлению. Нахожу в статье вот эти строки: «Политическое представительство – это особая роль, которая требует не только субъективной преданности классу, но и особых способностей. Человек, который берет на себя эту роль, заведомо не имея возможности справиться с нею, совершает безнравственный поступок, если не преступление» [2].

Пытаюсь соотнести эти строки с поведением Горбачева и понимаю, почему у него вырвались эти слова покаяния в прощальной беседе с Бобковым: «Внуков жалко». Может быть, он уже осознавал, что, взяв на себя роль лидера, заведомо не имея возможности справиться с нею, он совершил «безнравственный поступок, если не преступление»?

Как остановить государственного деятеля, если его деятельность ведет к гибели государственного строя?

В 1974 году в Гаване состоялась встреча делегаций органов государственной безопасности социалистических стран. Кубинцы были инициаторами такой встречи, которая всем участникам пришлась по душе. Был предметный разговор профессионалов контрразведки о том, как странам социализма объединить свои усилия в защите государственного строя. Выступали главы делегаций, представляющих органы безопасности Польши, Германской Демократической Республики, Чехословакии, Болгарии, Венгрии, Монголии и республик СССР.

Но всех потрясло выступление начальника контрразведки Чехословацкой республики Волимира Мольнера. Вот что он сказал:

«Все выступавшие рассказали много интересного о положении дел на линии борьбы с идеологической диверсией противника. Опасность ее для всех понятна: противник ищет силы внутри наших государств и находит тех, кто идет на сотрудничество с ним, подрывает власть, борется с социалистическим строем. Все правильно…

Но хочу предупредить вас, настоящая опасность наступит тогда, когда на сотрудничество с противником пойдут представители властных структур, лица, стоящие у власти. Мотивы их сближения с противником могут быть разными. Это может быть стремление найти гарантии укрепления личной власти, слабая убежденность в социалистическом мировоззрении, научная неподготовленность…

Говорю это на опыте моей Чехословакии. Мы пережили то, что творили руководители государства во времена Дубчека (глава компартии Чехословакии. – Э. М.), то, что делал он сам. И органы государственной безопасности не могли препятствовать тому, что вело к гибели строя. Мы не могли выступить против власти, потому что народ верил власти, а не тем, кто выступает против нее. Тем более что они прикрывались клятвами верности идеям Маркса и Ленина, утверждали на словах социализм, борясь с изъянами прошлого. Стать „переворотчиками“ мы не могли.

Хочу предупредить и призвать вас подумать, как поступать в таких случаях. Одно дело подпольная борьба отдельных лиц или групповых формирований, которые вступили в сотрудничество с противником. И совсем другое, когда происходит изменение

позиций руководителей партии и государства в сторону от социалистического пути развития. Ревизионизм охватывает высшие эшелоны власти».

Впечатление от выступления В. Мольнера было сильным. Многие участники встречи растерялись, ибо не могли представить, как отреагируют на это выступление лидеры партии и государства в их странах, которым доложат суть этого выступления присутствующие на встрече послы. О том выступлении чехословацкого коллеги Бобков говорит:

– Мне казалось, что применительно к первой и главной стране социализма – СССР – та ситуация, которую описал Мольнер, невозможна. Но его выступление постоянно вспоминалось, когда в СССР шла горбачевская «перестройка». Государство убивали, находясь в здравом уме и твердой памяти, первые лица страны и их ближайшие соратники, – аналогов такому событию в истории нет. Не могу утверждать, были ли они агентами, но то, что их действия, в конечном счете, совпали с планами политиков и спецслужб, – очевидно.

То впечатление от выступления В. Мольнера было настолько сильным, что стереть его в памяти не может даже время. Бобков не раз возвращался к нему в годы перестройки. Что делать органам безопасности, если государственный деятель пошел путем, наносящим вред безопасности страны, самому существованию государства?

Здесь вспоминается художественный фильм «Великий гражданин», поставленный режиссером Фридрихом Эрмлером в 1938 году. Эрмлера Бобков знал, и тот в свое время рассказал, как снимался этот фильм, какую роль в его постановке сыграл Сталин. Эрмлер в начале своей взрослой жизни работал в органах ЧК. Слава к нему пришла, когда в 1932 году на экраны вышел снятый им фильм «Встречный». То, что он был талантливый режиссер, человек бескомпромиссный, верный социализму, притягивало к нему людей.

Так что же рассказал Эрмлер и как фильм «Великий гражданин» мог соотносится с ситуацией, обрисованной Мольнером?

И здесь надо вспомнить такого коммунистического теоретика, как Антонио Грамши, который в 20-е годы прошлого века возглавлял компартию Италии.

На чем держится власть господствующего класса? Оказывается, как считал А. Грамши, не только на насилии, но и на согласии. А согласие не есть однажды (сразу после взятия власти) достигнутая величина. Как раз это и недооценивали коммунистические руководители. Согласие – величина

меняющаяся, динамичная. Поддержание согласия требует непрерывных усилий. Достичь согласия или подорвать его можно постоянным влиянием на «культурное ядро» общества, то есть на «элитарную интеллигенцию». Стабильность «ядра», достигнутая коллективной волей, создает то самое согласие, которое цементирует общество. А вот если раскалывать «ядро» регулярным воздействием маленьких идеологических «диверсий», можно достичь революционных изменений в сознании элиты. И власть зашатается.

Если обратиться к истории политической борьбы в Советском Союзе в конце 20-х и особенно в 30-х годах XX века, можно найти подтверждение теоретическим постулатам Грамши.

Сталин считал, что своими постоянными политическими выпадами Л. Д. Троцкий, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, Г. Л. Пятаков и К. Б. Радек пытались расколоть партию, правящую элиту. У Сталина и его единомышленников была одна политическая позиция, у этих людей – иная. В историографии сталинский курс нередко именуется «новым революционным курсом» [3]. Это оказался курс на создание сильного национального государства на экономической основе социализма. Сталин считал, что можно построить социализм в одной стране, что означало бы приспособление социализма к национальным интересам, особенностям, менталитету России и других республик, объединенных в Советский Союз. С самого начала этот курс был нацелен на создание собственной тяжелой промышленности, крепкой обороны, на развитие собственной науки и культуры.

Марксистская, интернациональная идеология теперь дополнялась национальной идеологией, связанной с историей становления императорской России (Сталин особо подчеркивает историческую роль К. Минина и Д. Пожарского в изгнании поляков из Московского Кремля в 1612 году, в укреплении независимости российского государства).

Тогда, в середине 30-х годов, попали в опалу историки школы академика М. Н. Покровского, отстаивавшие принципы классовой борьбы во взгляде на историю России, и получили поддержку ученые и деятели искусства, видевшие исторический путь России как развитие государственности [4]. Менялось содержание учебников истории, на экраны страны выходили фильмы об исторических деятелях России.

Что проповедовали Троцкий и его соратники-последователи, как левые, так и правые? Эклектику идей, среди которых главной была теория «перманентной» революции. Была и идея продолжения «новой-старой» экономической политики с частным

производством, крепким хозяином, с концессиями для западных миссионеров, с сырьем для Запада, с развитием легкой и пищевой промышленности. И все это под бухаринским лозунгом: «Обогащайтесь!».

Троцкий стал злейшим разоблачителем Сталина: «Новая теория победы социализма в одной стране ведет к предательству международной революции ради сохранения безопасности СССР» [5]. Сильный Советский Союз, строящий самостоятельно новую цивилизацию, новую систему отношений, где определяющими становились понятия «государство», «социализм» и «патриотизм», претил Троцкому, мечтавшему о баррикадах на площадях Вены, Парижа и Шанхая.

В 1936 году в первом номере парижской эмигрантской газеты «Новая Россия» русский философ и историк Г. П. Федотов с нескрываемым удовольствием написал о громкой «всероссийской пощечине», которую получил Бухарин за оскорбление России, состоявшее в том, что в своей статье, посвященной В. И. Ленину, он назвал русский народ «нацией Обломовых», «российским растяпой», у которого «азиатчина и азиатская лень» сделались главной чертой характера. Газета «Правда» определила бухаринскую точку зрения как гнилую и антиленинскую, а о русском народе сказала, что его нужно ценить не только за его «революционную энергию», но и за грандиозность его государства, за его гениальные художественные творения.

Сталин выслал Троцкого за границу, а его соратников одного за другим уничтожил. Но за идеи не уничтожают! Уничтожают, считал Сталин, если носители этих идей раскалывают ядро правящей партии, если они выступают агентами влияния и заражают своими взглядами властную элиту и массы.

Больше всего Сталина возмущало их лицемерие: публично говорить о верности курсу партии, а в своем кругу договариваться о противодействии генеральному курсу.

Именно об этом был снят фильм «Великий гражданин». Сталин, пожалуй, был первым властителем в мире, кто догадался превратить художественное кино в инструмент политической борьбы. Талантливые актеры в талантливом фильме – что может быть лучше для политического воспитания масс, когда партия борется с оппозицией, считал вождь.

Сталин читает сценарий будущего фильма и потом пишет письмо руководителю Комитета по делам искусств и кинематографии для передачи авторам (сценаристу и режиссеру Ф. Эрмлеру, сценаристам М. Блейману и А. Большинцову):

«Сценарий т. Эрмлера („Великий гражданин“) читал. Составлен он, бесспорно, политически грамотно. Литературные

достоинства также бесспорны.

Имеются, однако, ошибки.

1. Представители „оппозиции“ выглядят как более старшие физически и в смысле партийного стажа, чем представители ЦК. Это нетипично и не соответствует действительности…

<…>

3. Упоминание о Сталине надо исключить. Вместо Сталина следовало бы поставить ЦК партии.

4. Убийство Шахова не должно служить центром и высшей точкой сценария; тот или иной террористический акт бледнеет перед теми фактами, которые вскрыты процессом Пятакова – Радека…

Центром и высшей точкой сценария следовало бы поставить борьбу двух программ, двух установок: одна программа – за победу социализма в СССР, за ликвидацию всех остатков капитализма, за независимость и территориальную целостность СССР, за антифашизм и сближение с нефашистскими государствами против фашистских государств, против войны, за политику мира; другая программа – за реставрацию капитализма в СССР и свертывание социалистических завоеваний, против независимости СССР и за государственное расчленение СССР в угоду фашистским государствам, за сближение с наиболее сильными фашистскими государствами против интересов рабочего класса и в ущерб интересам нефашистских государств, за обострение военной опасности и против политики мира.

Дело надо поставить так, чтобы борьба между троцкистами и Советским правительством выглядела не как борьба двух котерий (котерия – сплоченная группа лиц, преследующих своекорыстные цели. – Э. М.) за власть, из которых одной „повезло“ в этой борьбе, а другой „не повезло“, что было бы грубым искажением действительности, а как борьба двух программ, из которых первая программа соответствует интересам революции и поддерживается народом, а вторая противоречит интересам революции и отвергается народом.

…Сценарий придется переделать, сделав его по всему содержанию более современным, отражающим все то основное, что вскрыто процессом Пятакова – Радека» [6].

Носителем оппозиционной программы, которая, по Сталину, противоречит интересам революции и отвергается народом, в фильме выступает секретарь Ленинградского обкома партии Карташов, трибун, истовый революционер: «И близок час – на площадях Шанхая, Берлина, Вены заполыхают знамена нашей победы… Мы начнем, а наши братья на Западе – закончат!».

Это идеи Троцкого звучат с экрана.

Но у Карташова конфликт с другим партийным секретарем – Шаховым, в образе которого угадывается лидер ленинградских большевиков С. М. Киров. Шахов озабочен исключительно земными делами: выпуском новых тракторов, порядком на производстве, производственными планами, развитием рационализаторства и изобретательства.

Карташов пытается объяснить Шахову: «Вся наша стратегия родилась из расчета на мировую революцию. А мы занимаемся мелочами, говорим о подъеме промышленности, техническом прогрессе в этой России, в этой толстозадой, неповоротливой стране. И еще говорим, что строим социализм. Так дальше продолжаться не может».

Это повторение слов Бухарина о «народе-растяпе», «нации Обломовых» с ее «азиатской ленью».

Конфликт Карташова с Шаховым приехал разбирать некто Максим, человек из Москвы. Как полагается, этот представитель Центральной контрольной комиссии встречается с рабочими, выступает перед ними:

«Максим. Чего они хотят, Карташов и его единомышленники? Ответить просто и сложно… Сложно, потому что всем этим занимаются не кулаки, не „керзоны“, не офицеры с погонами, а люди, которые называют себя товарищами, членами партии. Что бы ими ни руководило – трусость, неверие, подлость, – это нам сейчас неважно. Психология потом. Нам важно знать одно. Они стоят поперек дороги… Нет, я не так сказал. Не стоят поперек, а они суетятся в обозе, хватаются за колеса, чтобы задержать поступательное движение… и орут при этом бодрыми голосами: вперед, вперед! А сами думают: назад, назад… Клянясь именем партии, именем Ленина, клянясь в верности ЦК, они пытаются провести на съезд свою делегацию, чтобы от вашего имени бороться с ЦК. Только подумайте, какая иезуитская тактика! Не оглашая своей программы, пробраться на съезд, любыми мерами сколотить большинство, чтобы овладеть… Центральным комитетом нашей партии.

Старый рабочий. Если они в наше дело не верят, то продадут.

Максим. Попробуем, товарищи, решить простую задачу… Предположим, что к власти приходят люди, которые говорят, что они революционеры, и в то же время не верят в возможность построения социализма. Спрашивается, что же они будут строить?.. Наша задача, товарищи, проста. Надо заставить их говорить перед народом так, как у себя в кабинетах».

Даже через много лет после выхода этого фильма на экран заставить новых Карташовых говорить перед народом, как у себя

в кабинете, так и не удалось. Ну, разве не роднит идеолога советской перестройки 80-х годов, секретаря ЦК партии А. Н. Яковлева с образом Карташова такое признание Яковлева:

«Я в качестве железного правила занял следующую позицию: осторожность, осторожность и еще раз осторожность… Сюда вкладываю простую формулу: смело идти на практические дела демократического характера и одновременно утверждать, что делается это ради укрепления социализма… а не противно ли было притворяться и разыгрывать из себя дурачка? Да, противно. Но, может быть, кто-то знает более эффективный путь с точки зрения конечного результата?» [7]

В 1927 году Карташов в своем кабинете говорил проще: «С их лозунгами – к нашим целям!». По его логике выходит, что самый эффективный путь для достижения результата – делать одно, а говорить другое, маскируя делаемое словами-прикрытиями. Чтобы завороженная публика очнулась, когда дело сделано. Высший класс манипулирования. В 30-е годы таких манипуляторов более искусный манипулятор Сталин называл двурушниками и подводил к расстрельной черте.

Они ведь как защищались: «Я этого не говорил!». А аргумент Шахова, да и Сталина: «Но ты, очевидно, так думал». Угрозой кровавой расправы НКВД заставлял их на судебных процессах говорить и то, о чем они говорили в своем кругу, и то, о чем не говорили, но о чем могли думать. Следствие, суды превратились в жестокий инструмент политической борьбы.

В фильме «Великий гражданин» цепляет прежде всего фраза о том, что надо оппозицию заставить говорить перед народом так, как они говорят у себя в кабинетах. По Грамши, стабильность правящего «ядра» при тоталитарном режиме можно расколоть многократными усилиями оппозиционных элементов. Но при одном условии: говорить они будут одно, а делать другое. И когда масса этих дел достигнет критического предела, «ядро» расколется. Вот такую оппозицию и надо взращивать во власти.

Но как такую гибкость взрастить у советской элиты? Раздвоенным образом жизни, подсовывая ценности западного мира, – считали стратеги холодной войны. Пусть элита чаще ездит на Запад, наслаждается его воздухом, сервисом, товарами… А в придачу – пусть знакомится с взглядами и мнениями западных интеллектуалов, литераторов, художников, даже получая их в форме материалов «для служебного пользования», что кладут на стол большим руководителям. И, конечно, надо внимательно наблюдать за советскими деятелями, чтобы вовремя заметить появление у них иных воззрений на политическое

развитие страны, ее экономику, культуру. А заметив новые настроения, надо попытаться развить их, говоря о них в западной прессе, в подпольных изданиях и радиопередачах для СССР. Важно поддержать инакомыслящих.

Вряд ли после Сталина новые вожди были готовы «воспитывать» правящую элиту, руководствуясь тезисом: «Надо заставить ее говорить перед народом о том, что она скрывает в кабинетах». Главное было в том, чтобы однажды ключевые фигуры советской элиты, говоря «правильные» фразы и также привычно проклиная про себя все коммунистическое, сделали первый шаг против коммунистической идеи. И все пойдет как надо.

Но как остановить переродившихся лидеров, представленных в партии и государстве, если они идут не тем путем? Освобождать руководящие органы от них? Но это возможно, если первый лидер не заражен настроениями переродившейся элиты и способен действовать решительно. И тогда политическая контрразведка ему в помощь.

В фильме «Великий гражданин» борются две равные по должности фигуры: и тот и другой – секретари областного комитета партии. Но у них разные позиции и разные программы – одна у двурушника Карташова, другая у убежденного коммуниста, не скрывающего своей позиции, – Шахова. Между ними идет ожесточенный политический спор, в котором Шахова поддерживает ЦК в лице представителя контрольной комиссии Максима. Это серьезная опора для Шахова.

А если в назревающем политическом конфликте участвуют фигуры неравные, и в нем доминирует первое лицо, которое ведет свою линию, делая ошибку за ошибкой во вред стране? Это случай Хрущева в нашей истории. Но его отстранили от власти на пленуме ЦК всё же соратники по партии, путем своего рода политического «заговора», которому помогал КГБ. Соратники нашли альтернативную фигуру, которая объединила оппозицию и выступила против лидера. Этой фигурой оказался Брежнев.

А если окружение и соратники по партии в растерянности, неспособны сказать свое слово, а первый лидер и ближайшие сподвижники меняют свои принципы и позиции и, прикрываясь словами о верности идеалам, идут путем предательства этих идеалов? Как Горбачев, как Яковлев, Шеварднадзе, которые сначала говорили о верности социализму, а потом признали, что это было прикрытие, а планы у них были другие, и что в ряде случаев они не ожидали, что так получится. Перестройка, затеянная ими, стала великим обманом. Но важно другое. Хотя в политическом окружении и оказалась альтернативная фигура,

способная стать лидером оппозиции, но политическая программа ее в части отношения к социализму не сильно отличалась от программы первого лица; а политическая позиция ее, подкрепленная волевым началом, была продиктована личными, карьерными целями. Как можно было остановить этих людей, наихудшим образом влияющих на развитие событий?

Отчасти это та ситуация, о которой говорил Мольнер. Тогда в Чехословакии люди из органов безопасности не стали во главе заговора против лидеров партии и страны, не стали «переворотчиками», по его выражению. «Свои» органы безопасности не могли пойти против «своей» партии и ее лидеров. Это был заколдованный круг, которым в СССР прошел КГБ и его Пятое управление.

Материалы о неспособности партии решать проблемы, о двурушничестве ее лидеров, о ситуации в стране, о нарастающих тенденциях, о необходимых мерах КГБ предоставлял генеральному секретарю, но он эту информацию игнорировал. Ибо его позиция не совпадала с позицией КГБ, и в частности Пятого управления. Это был тот непробиваемый круг, когда действия политической контрразведки, заключающиеся в информировании партии, в предложении политических мер, не достигали цели.

Но все же, можно ли как-то остановить тех деятелей, в том числе и первого лидера, чья деятельность наносит ущерб стране или ведет к гибели государственного строя, если политическими методами это сделать не получается?

Вот другая страна и другие лидеры. В США убийство президента Дж. Кеннеди (1963) и загадочная смерть президента Ф. Рузвельта (1945) были связаны с ситуациями, когда они пошли не тем путем, по мнению их политических и нравственных противников. Эти смерти пришлись на то время, когда в американской контрразведке (ФБР) властвовал Эдгар Гувер.

Президент Дж. Кеннеди был убит 22 ноября 1963 года в штате Техас. Расследованием этого убийства занимались несколько комиссий, о нем написаны горы книг, но тайна его остается не раскрытой до сих пор. Задавать вопросы об этом случае в США считается дурным тоном. Те, кто заказал это убийство, посчитали, что Кеннеди делал не то и не так, что он бросил вызов Америке. А лучший способ остановить его – убить. Кого восстановил против себя Кеннеди?

Американские исследователи этой темы Оливер Стоун и Питер Кузник пишут об этом так: по мнению многих руководителей армии и разведки, Кеннеди был виноват в том, что отказался от вторжения на Кубу и достиг разрешения Карибского

кризиса путем переговоров, ослабил ЦРУ и сменил его руководство, отказался от вмешательства в Лаосе и сделал там ставку на нейтралистов, заключил Договор с СССР о запрещении ядерных испытаний в трех средах, планировал уйти из Вьетнама, заигрывал с идеей окончания холодной войны, прекращения военной космической гонки, стимулировал национализм в странах третьего мира. И заключают они так: Кеннеди смело противостоял могущественным силам, которые хотели ввергнуть США в войну с СССР

Кеннеди говорил за год до своей гибели: «В вихре ежедневных конфликтов и кризисов, драматических стечений обстоятельств, в сутолоке политической борьбы поэт, художник, музыкант продолжают незаметный труд столетий, создавая мосты общих переживаний между народами, напоминая человеку об универсальном характере его чувств, желаний и горестей, напоминая ему о том, что силы единения глубже сил разъединения… Память об Эсхиле и Платоне сохранилась поныне, а слава афинского государства канула в вечность. Данте пережил гордыню Флоренции X века. Гете безмятежно возвышается над всей германской политикой. И я уверен, что, когда осядет пыль веков над нашими городами, о нас тоже будут вспоминать не за наши победы и поражения на поле битвы или в политике, а за то, что мы сделали для духовного развития человечества» [8]. Такая философия кому-то очень не нравилось.

Загадочна смерть президента Ф. Рузвельта, который вытащил Америку из пропасти, куда ее толкнул самый ужасный экономический кризис 1929 года. Рузвельт действовал решительно и обдуманно: временно запретил в стране все банковские операции, запретил вывоз золота, урезал расходы на государственный аппарат, принял закон о национальной экономике и законы о реорганизации сельского хозяйства и промышленности, выделил 500 млн. долларов на помощь населению, убедил правительство предоставить кредиты домовладельцам, чтобы решить жилищную проблему, создал гражданские отряды для охраны природных ресурсов Америки, отменил сухой закон, на котором наживались гангстеры и коррумпированные чиновники, и инициировал создание новых профсоюзов, способных защитить права трудящихся людей. Он признал Советский Союз, установил дипломатические отношения с Кремлем и добился того, что США стали союзником СССР в войне с Гитлером. Он признавал победу СССР над гитлеровской Германией и намеревался конструктивно сотрудничать с СССР после войны. Все эти действия Рузвельта очень не нравилось крупному капиталу и политикам, выражающим его волю. Они

говорили, что политика президента непродуманна и подрывает все стороны политической, экономической и социальной жизни Америки.

Известный в свое время советский политический телеобозреватель Леонид Зорин рассказывал такую историю. После смерти американского президента, случившейся в июне 1945 года, академик Иванов прочитал лекцию о Рузвельте в Московском институте международных отношений, где учился тогда Л. Зорин. В этой лекции академик сказал, что причиной смерти Рузвельта стало отравление. Поэтому похоронили его быстро. Уже потом семья Рузвельта попросила сделать эксгумацию. Трумэн, ставший после смерти Рузвельта президентом США, отказал в этом. Затем было президентство Д. Эйзенхауэра, который тоже отказал в этой просьбе. После Эйзенхауэра пришел Кеннеди, и он тоже в просьбе семьи Рузвельта отказал. Зорин, уже работая в США в качестве журналиста, при встрече спросил Кеннеди: «Почему было отказано в эксгумации?». На что Кеннеди ответил: «Ну, проведем эксгумацию, найдем следы яда. Что скажет мир? Что за страна такая Америка, где президентов травят, как крыс». А потом убили Кеннеди. Было несколько расследований. Но более 30 ящиков с показаниями не разрешено вскрывать до сих пор. И все придерживаются официальной версии, что убийство Кеннеди – дело рук преступника-одиночки Ли Харви Освальда.

О. Стоун и П. Кузник в своей книге «Нерассказанная история США» приводят такую историю. Летом 1962 года Кеннеди прочел сигнальный экземпляр будущего бестселлера Флетчера Нибела и Чарльза Бейли «Семь дней в мае», в котором рассказывалось о военном перевороте в США. Идея романа пришла Нибелу во время интервью с генералом Кертисом Лемеем. Кеннеди тогда сказал одному своему другу:

«Это возможно. Такое может произойти в нашей стране… Если в стране молодой президент и у него возникает проблема, подобная заливу Свиней (с этого залива была сделана попытка вторжения на Кубу. – Э. М.), начинаются определенные сложности. Военные будут критиковать его за глаза, но это можно было бы списать на обычное недовольство военных контролем со стороны гражданских. Затем, случись второй залив Свиней, реакция в стране была бы следующая: „Он что, слишком молод и неопытен?“. Военные считали бы едва ли не своим патриотическим долгом сохранить единство нации, и лишь одному богу известно, защитой какой демократии они мотивировали бы свержение законно избранной власти. А случись третий залив Свиней, это произошло бы наверняка».

Кеннеди пошел не тем путем с точки зрения части американской элиты, в которую входили и военные из Комитета начальников штабов, и сотрудники ЦРУ. Жизнь Кеннеди была остановлена жестоко и цинично. Но то в Америке.

А вот что касается судьбы СССР, который был разрушен политическими стараниями его лидеров, то оказалось, что и спасти его политическими и информационными методами оказалось невозможным. Когда аналитической информацией и спланированными мерами Горбачева пытались склонить к определенным действиям по выводу страны из трагического кризиса, то он вольно или невольно сам становился «заговорщиком» – в какой-то период говорил одно, делал другое, в уме держал третье, и уходил, уходил от той жестокой действительности, которая не прощала политического бессилия. Политический банкрот не мог действовать иначе.

При всей противоречивости взаимных отношений между лидерами государства из советского прошлого и Пятым управлением с течением времени становится все видней, кто из них перешагнул через нравственный закон и дал свободу лицемерию, трусости, малодушию, предательству принципов, – а кто остался верен идее и нравственному выбору.

Но что этот выбор значил лично для Бобкова?

В какой-то момент жизни и службы он осознал главного противника – высшую партийную бюрократию. Но трагедия его была в том, что не мог он «работать» по ней, ибо был членом этой партии, членом ее ЦК, и выполнял ее решение – партийных чинов не «осквернять» разработками его службы. Силы были брошены на националистов и активистов-диссидентов. А был и другой враг, который, как опухоль, точил изнутри. И долгое время скальпель КГБ бережно обходил эту опухоль, пока метастазы не умертвили страну Советский Союз. Драма разорванного сознания была в том, что не мог он больше служить этой партии и этой власти, окутанной флером перестройки. В осознании этого у него не было и союзников в руководстве КГБ. И он покинул эту службу. Ушел в полноте сил. Ушел тогда от плевков истории. Но спустя годы из уст новой России он принял их полной чашей, принял от диссидентов, от националистов и бывших коммунистов, которые, как известно, становятся лучшими антикоммунистами.

Почему мы проиграли холодную войну, почему погиб СССР? Объяснение руководителя политической контрразведки

В этой главе Ф. Д. Бобков дает свое видение истории Советского Союза, исходя из своего понимания, здесь его размышления и оценки, связанные с падением советской державы [9]. Они интересны, потому что Пятое управление, которое он возглавлял, было на острие противостояния операциям холодной войны, которые велись «с той стороны» и находили отклик в определенных кругах советского общества:

«Можно говорить о людях – виновниках распада СССР, можно – о неправильности политики, о том, кто и как ее делал… Но лучше посмотреть, что происходило на всем протяжении жизни Советского государства.

Когда говорят, что, придя к власти, большевики сразу начали губить Россию, – это достаточно спорно. Утверждают, что они развалили Россию территориально, но надо вспомнить, что она распалась после февраля 1917 года. Тогда образовались независимые Украина, Белоруссия, Грузия и все прочие… После Октября начали собирать исконную Россию, и она была собрана, за исключением Прибалтики, Финляндии и Польши, в рамках бывшего имперского государства.

После Октябрьской революции началась гражданская война. Она, если внимательно посмотреть, возникла не потому, что большевики ее затеяли, а потому, что с первых же дней после социалистической революции в России начали сколачиваться силы, которые выступили против большевиков. Сколачивали эти силы иностранные посольства, прежде всего английское.

В том, что поднялось Белое движение, сыграли немалую роль именно западные государства. Это известно. Но большевики не могли бы выиграть Гражданскую войну, если бы их в этой войне не поддерживал народ, если бы не было такой поддержки, то вряд ли большевики остались у власти. Против белых и иностранных интервентов воевала большая часть народа.

О «красном терроре». Во-первых, он не был скрываем. Во-вторых, рядом с «красным» был «белый террор». Более того, «красный террор» был все-таки ответом на «белый». Так что сейчас трудно сказать, сколько всего народу погибло и кто там

виновник. Но я думаю, что Деникин расстрелял не меньше, чем Тухачевский. Когда мы говорим, что в Крыму расстреляли белых офицеров, не надо забывать, что в период власти Врангеля там же было расстреляно не меньше сторонников красных. А Колчак в Сибири? Это был террор при взятии территорий, это была революция. Вспомним Англию в период Кромвеля, вспомним Великую французскую революцию. Разве не то же самое? Никого не хочу оправдывать и не скажу, что я безразлично к этому отношусь, но так было суждено самой революционной логикой.

Процесс строительства государства у нас по-разному освещается, но мы должны четко видеть, что хотела делать власть, пришедшая после Октября. Ее курс выражается в ленинской политике. Что говорил Ленин после Октября? Он говорил, что мы обрели самую демократическую, передовую власть – советскую власть. Она должна опираться на серьезную экономику. Такой серьезной экономикой может быть государственный капитализм. Если мы подведем под советскую власть государственный капитализм, например такой, как германский капитализм, то это будет две трети социализма. Это ленинское положение совершенно забыто. А Ленин об этом определенно говорил в своих выступлениях и работах.

Вспомним одну из известнейших работ Ленина «Очередные задачи советской власти». Там Владимир Ильич писал, что сейчас самая главная задача – учиться торговать! Это разве не рыночная экономика? Ленин исходил из того, что рыночная экономика существует и при социализме. И потому мы ошибаемся, говоря, что НЭП (Новая экономическая политика) была вынужденной. Никакой она не была вынужденной, эта политика.

Экономику надо было развивать, прежде всего, развивая тяжелую промышленность. Без машиностроения экономика не поднимется, и частник тяжелую промышленность не поднимет, потому что при капитализме он будет делать то, что даст прибыль через год-два. А вкладывать деньги в то, что тебе даст результаты через десять лет, никто не хочет.

Вот почему Ленин ориентировался именно на государственный капитализм? Кстати, благодаря тому, что государство взяло в руки тяжелую промышленность, Рузвельт вывел из кризиса Соединенные штаты. После Второй мировой войны в Великобритании национализировали угольную промышленность… Это не только Ленин – и другие к подобной практике прибегали.

Но уже в последний год жизни Ленина у страны появилась военная угроза, а после его смерти особенно… Явно было видно, что готовится военный марш на Советское государство. Надо

было решать вопрос: или мы будем защищаться, или мы будем терять свою самостоятельность. Или мы прекращаем развивать социалистическое государство и идем со своим сырьем на поклон к Западу, или мы всесторонне укрепляем и развиваем это государство… Так возник вопрос о возможности построения социализма в одной стране. Это в известной мере был отказ от того положения, которое существовало у Ленина, – положения о мировой революции… Именно здесь началась наша внутренняя политическая борьба: Сталина стали обвинять в том, что он, отказываясь от мировой революции, уходит от марксизма. А на революцию уже нельзя было рассчитывать, особенно после ноября 1923 года, когда был полный провал революции в Германии. Ясно было, что мировая революция не скоро состоится, и поэтому нам надо было либо жертвовать для нее Россией, либо закреплять то, чего мы добились в октябре 1917 года: строить социалистическое государство в одной стране.

Но строить его рыночным, государственно-капиталистическим путем было трудно, потому что мы были в полной изоляции. У нас не было ни экономической, ни финансовой – никакой и ниоткуда поддержки. Мы опирались только на то, что есть у нас. Отсюда пошла жестокая экономическая политика: мы провели тяжелейшую коллективизацию, индустриализацию… Нам нужно было выжать все внутренние средства, чтобы создать тяжелую промышленность. И мы фактически за восемь лет создали все то, что имели в 1940 году. И в войне мы победили именно потому, что создали государство: было чем побеждать. Конечно, на пути создания этого государства были жертвы, но кто его знает, как можно было действовать иначе и что бы в ином случае получилось. Ведь наш путь – это путь первопроходцев.

Вообще есть некоторые фразы, в связи с которыми надо возвращаться к точности формулировок. Мы сейчас, например, широко используем выражение «кадры решают все». А ведь Сталин говорил: «Кадры, овладевшие техникой, решают все». И в СССР по-настоящему заботились о подготовке этих кадров. За годы существования советской власти мы имели достаточно высокий процент людей с высшим образованием; страна училась – училась на протяжении всего времени… Хотя нам всегда было тяжело – и не только потому, что первопроходцам, каковыми мы были в полном смысле слова, легко не бывает. Мог быть и другой путь, но мы другого пути не нашли, выбрали этот.

Действительно, после победы в войне мы могли развиваться в условиях мира. После того как мы получили атомную бомбу, мир был виден на многие годы. Тут как раз можно было снять

напряжение в экономике, определить новые ориентиры развития социалистического государства. Политэкономы пришли к выводу о необходимости учитывать действия объективных законов экономического развития при социализме, снять с экономики пресс государственного давления. Среди этих законов стоит выделить закон стоимости при социализме. Это рыночный закон? Безусловно. К сожалению, в последующие годы этот вывод развития не получил, потому что от этого закона мы, начиная уже с 1953 года, стали уходить все дальше.

Хрущев немало сделал для восстановления прав, реабилитации невинно репрессированных, но в экономическом плане много было таких решений, которые уводили нас от того, чтобы развивать экономику в строгом соответствии с объективными экономическими законами. Например, были ликвидированы частная собственность, промысловая кооперация, приусадебные участки. И это привело к тому, что вся масса населения стала жить на иждивении государства… Нужно было поднять урожаи зерновых – и началось освоение казахстанской целины. В результате мы перестали развивать сельскохозяйственное производство в центральной России, все профессионалы, занимающиеся производством зерна, уехали работать в Казахстан, на целинные земли.

При Хрущеве, по существу, шло ослабление власти Советов. Сталин советскую власть не ликвидировал. А вот после его смерти советскую власть постепенно заменили партийной, потом – президентской. Известно, что в соответствии с решениями XXVII съезда партии в ЦК были ликвидированы функциональные отделы. Они возродились только в военное время, потому что аппарат ЦК стал аппаратом ГКО – Государственного комитета обороны. Но когда кончилась война, примерно через год вновь началась ликвидация функциональных отделов. Партия превращалась в политический орган – управление агитацией и пропагандой, партийной организационной работой, иностранными делами. А вся власть уходила в Советы.

После смерти Сталина сразу же были воссозданы функциональные отделы в ЦК партии, и партия стала властной структурой. Причем власть ее ЦК отличалась тем, что была безответственной. Без этой власти ничего нельзя было решить, но когда решали ошибочно, то отвечал Совет, а не партийная власть. Так произошла подмена советской власти партийной.

Кроме ликвидации советской власти, шла и ликвидация самой партии – фактическое раздвоение партии на сельскую и рабочую. Это была уже несколько другая партия… Мы говорили: партия рабочего класса. Между тем за прошедшее время у нас в

самом рабочем классе произошли большие изменения. Инженер нередко работал как квалифицированный рабочий, получал зарплату как инженер, но в партию его не принимали, потому что он номинально не рабочий… То есть человеку, который создавал какие-то сложнейшие машины, в партию вступить было труднее, чем слесарю-сантехнику. Разве такая ситуация была на пользу партии? Почему у нас младшие научные сотрудники в большинстве своем оказались в некоторой оппозиции? Потому что имели определенные ограничения не только в заработной плате, но и вообще.

Мы стали работать на частностях, ушли от теории марксизма, так что основной путь развития нашего государства потерял свою методологическую основу.

Неудобная проблема – деградация партии. Вскоре после смерти Сталина стала возрождаться система подарков, появилось преимущество в обеспечении… Потом появилась небрежность в отношении к трудящимся, к их заявлениям – все это неизбежно отдаляло руководство от народа… В последние годы секретари обкомов, ответственные работники в основном отдыхали за границей, правда, по приглашению компартий некоторых стран. Стал появляться новый образ жизни, шло расслоение общества… Хотя и Хрущев в свое время пытался что-то выправить, и Брежнев в первые свои годы был очень активен. Ему было трудно, многие ситуации надо было исправлять, а как только он начинал это делать, все кричали, что это возврат к сталинизму. И он прислушивался к этой критике.

Когда же Брежнев фактически вышел из строя, то его окружение, боясь его ухода и цепляясь за власть, повело страну к развалу, отойдя от многих принципов социализма.

Ю. В. Андропов, ставший главой государства после Брежнева, был не только убежденным коммунистом, но и очень трезвым реалистом, прагматиком. Говорят, что он – автор перестройки. Это ерунда! Когда Юрий Владимирович стал Генеральным секретарем, то в своей первой и, к сожалению, единственной работе он сразу вернулся к Марксу. Сразу! Он сказал, что надо посмотреть на то, в каком обществе мы живем, и по Марксу определить, что нам теперь следует делать.

Он мне говорил, что мы должны разобраться в том, какой у нас социализм. Что у нас в социализме можно и нужно корректировать, поправлять, модернизировать, развивать, от чего избавляться. Но ведь другого социализма в мире нет, и никто не знает, каким он должен быть в идеале… А потому надо разобраться в том, что у нас есть, и идти дальше. Именно так поступает первопроходец. Перестраивать социализм Андропов не

собирался.

«Прорабы перестройки» не продолжили путь первопроходцев строительства социалистического государства. Сознательно или же по иным причинам, под лозунгами «возврат к Ленину», «социализм с человеческим лицом» начался откровенный возврат к капитализму. Прямую дорогу к нему открыла «Беловежская пуща», которая отвечала и намерениям Запада, стремившегося путем «горячих» и «холодных» войн изменить конституционный строй в СССР. Возможно, именно поэтому лица, подписавшие в Беловежье антиконституционный акт, сначала доложили об этом президенту США, а уж затем – президенту СССР. Первый из президентов искренне поздравил разрушителей, а второй – спокойно ушел в отставку.

Поначалу мы все исходили из того, что работаем на улучшение социализма. Когда увидели, что эта перестройка ведет к капитализму, вот тут начался раскол нашей Коммунистической партии, которая, к сожалению, в то время была страшно рыхлая. По моему убеждению, разговор о том, что социализм ликвидирован, не имеет под собой основы, социалистический строй рано или поздно все равно будет развиваться. Только, видимо, не у нас…

То, что сейчас делает Китай, – это и есть социалистический путь. Причем основанный на ленинских, марксистских принципах. Китайцы от марксизма не отказались, почитайте статьи Дэн Сяопина. Китайцы очень внимательно изучают наш опыт, очень аккуратно относятся к нашему социалистическому прошлому, совершенно не подвергая его никакой критике. Но повторять наши ошибки не хотят. И не повторят.

В 1921 году, когда левые коммунисты шумели, что мы вот-вот совершим мировую революцию, Ленин сказал, что нам надо взвесить очень многое, и прежде всего – не зазнаваться. Мол, мы считаем, что уже никогда не будем в арьергарде коммунистического движения, но не исключено, что центр тяжести этого движения переместится в Индию или в Китай, и мы должны быть готовы это пережить. Не пережили! Как только центр стал перемещаться, мы сразу насмерть порвали все отношения с Китаем – в 1956 году. Китай сейчас идет социалистическим курсом с учетом того, что было у нас. В основе его успешного развития – ленинское положение: народная власть и государственный капитализм.

Конечно, западные спецслужбы многое сделали, чтобы развалить Советский Союз. Но занимались этим не только спецслужбы, это была продуманная политика всего Запада, вылившаяся в определенные программы. Это была

правительственная политика государств, а спецслужбы были исполнителями. Вся беда была в том, что у нас в государстве и в партии не было придано серьезного значения холодной войне.

О том, что идет холодная война, говорилось все время. Но серьезной контрпропаганды, серьезного противодействия идеологическому противнику практически не было. По существу, мы находились в слабой обороне. Наши спецслужбы довольно активно боролись против идеологической экспансии. Но дело в том, что не было государственной политики в этой борьбе. Эта политика должна была выражаться не столько в критике противника, а в познании того, что и как используют западные спецслужбы в борьбе против нас. И потом, зная это, – вырабатывать свой комплекс мер противодействия.

Западные спецслужбы и правительства очень серьезно использовали межнациональные отношения. У нас в это время уже было достаточно промахов. Мы их видели и беду эту в будущем ощущали. Было ясно, что, если мы не сможем своевременно реагировать на начинавшиеся межнациональные распри, мы очень многое потеряем. Мы все охотно пили за дружбу народов, клялись в этой дружбе, но, как только разъезжались по своим квартирам, эта дружба оставалась в застолье. Между тем на радио станции «Свобода» были 22 национальные редакции, работавшие на СССР на национальных языках Советского Союза. И они вели пропаганду именно в этом ключе.

Но какова была позиция партийного руководства на информацию КГБ? Вот, например, изучали вопрос по Эстонии в ракурсе национальной проблемы. Стало ясно, что надо очень серьезно работать по этой проблеме – прежде всего с Центральным Комитетом эстонской Компартии. Андропов направил записку в ЦК КПСС, чтобы на Политбюро послушали и обсудили этот вопрос. Записку долго перекладывали с места на место и в конце концов вынесли решение отправить ее на бюро ЦК Эстонии, мол, пусть они ее там проработают. Дело кончилось тем, что сняли с поста председателя КГБ Эстонии и продолжили жить, как жили.

Очень серьезную негативную роль сыграло решение 1957 года о том, что русские люди, которые живут в союзных республиках, не обязательно должны изучать в школах местный язык, и это сразу вызвало отрицательное отношение к нам на местах. А если этот язык не стали изучать русские, тогда не стали изучать и живущие там нерусские – вы же школьников знаете, всегда постараются жизнь себе облегчить. Это сразу родило вопрос: идет русификация?

К холодной войне в ЦК относились с ледяным спокойствием, все ограничивалось разговорами, наши предложения поддержки не находили. Это и привело к тому, что мы проиграли холодную войну. Не считайте, что это только проигрыш спецслужб. Если в Великой Отечественной войне воевали не только армия, спецслужбы, но и все государство, то от холодной войны государство просто самоустранилось.

Причин тому много. Но вот одна, на которую обращу внимание, – зазнайство. Мол, мы Великую Отечественную войну выиграли, кто же нас теперь-то победит? Помню, в 1989 году я выступал на одном представительном партийном мероприятии и сказал, что мы должны укреплять партию, потому что она оказалась рыхлой. Это вызвало такую реакцию! Один товарищ мне заявил: «Как это она рыхлая, когда мы в Отечественную войну…» Я сказал, что сам партбилет получал в окопе, так что мне про войну говорить не надо, а вот про нынешнюю партию я могу говорить определенно.

Мы очень увлеклись воспоминаниями о своих былых заслугах. Хотя и без воспоминаний тоже нельзя, но все должно быть в меру. Ведь прошлое, настоящее и будущее связаны неразрывно. Вот у меня недавно был корреспондент из Венгрии. Он спросил, как я оцениваю венгерский мятеж 1956 года? Отвечаю: «Мне это очень легко оценить. Если Венгрия сейчас живет лучше, чем при народной власти, значит, те мятежники были правы. Если хуже, то…» Через два месяца он мне позвонил и сказал, что эту мою фразу главный редактор вынес на первую полосу – на самый верх, потому что живем мы хуже…

А вот обратный пример: в Латвии сейчас много кричат о «советской оккупации», сменившей немецкую оккупацию. Но 1944 году, в период боев за Ригу, ни одного дома не было повреждено. У нас был приказ, запрещающий стрелять из орудий по старой Риге, где засели немцы, которые вели из старого города пулеметный огонь. Город был освобожден и при том сохранен. Люди были благодарны нашим солдатам. Мы знали, что в Латвии есть бандиты, но с народом у нас был полный контакт, никаких эксцессов. Кстати, бандитизм в Прибалтике закончился быстрее, чем на Украине, хотя англичане и американцы его очень активно поддерживали. Последний катер с оружием для бандитов приходил из Англии, по-моему, в 1954 году. Но поскольку мы в то время уже многое знали и в бандах этих у нас были сильные позиции, то мы и принимали это оружие…

Конечно, так называемый «национальный патриотизм» вскармливался, поддерживался западными спецслужбами в Прибалтике, на Западной Украине, в других регионах. (Идея

«национального патриотизма» была обоснована британским социологом Э. Геллнером, когда он рассматривал «нацию как проект» и высказал идею, что «национализм порождает нацию» – об этом в главе «Американский вызов, сотворенный политиками и научными фанатиками». – Э. М.)

Все это было совсем не в интересах народа. Ведь как мы подняли ту же Прибалтику, превратили ее в свою собственную «заграницу» – ухоженную, состоятельную? Наши люди туда с удовольствием ездили отдыхать. А ведь Литва, например, раньше совершенно нищая была. Да и сейчас опять такой же становится.

Сейчас говорят, ссылаясь на Андропова, будто у нас было 8 миллионов недовольных советской властью. Я от него никогда такого не слышал. Но по мере усиления партийного влияния, перехода власти от Советов к партии, отношение к власти менялось не в лучшую сторону. Потому что она все больше удалялась от запросов людей. Это вызывало, конечно, многие беды, особенно в национальных республиках. И хотя уважение к власти у нас в последнее советское десятилетие не крепло, в целом люди относились к ней нормально. У нас вообще в последнее советское время никаких антисоветских проявлений в стране, по существу, не было. Кроме каких-то крупных городов, где действовали так называемые «диссиденты», которыми себя сегодня называют многие.

Вообще тех диссидентов, которых поддерживал Запад, было немного. Строго говоря, это были не инакомыслящие, а люди, которые становились на путь борьбы с конституционным строем. Это было главным образом в крупных городах – в Москве и Ленинграде. В Киеве, Львове, Харькове выступления носили больше национальный оттенок. В Белоруссии этого вообще не было; в Грузии не было, за исключением случая Гамсахурдии… По большому счету скажу так: конечно, недовольные у нас были, но это не были люди, которые пытались бороться с властью. И мало кто у нас в стране желал, чтобы эта власть когда-нибудь рухнула…

В перестроечное время власти скомпрометировали себя и явно утрачивали связь с народом. В этих условиях было странно слышать из уст Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева призывы бить по штабам. «Вы жмите снизу (на обкомы партии), а мы возьмемся за них сверху», – говорил он шахтерам Донбасса.

А что же делал в этих условиях Комитет госбезопасности? Следил за обстановкой, противостоял столкновениям, обобщал факты и докладывал свои выводы ЦК, на которые тот не обращал внимания. Иначе как, например, можно объяснить то безмятежное равнодушие, с каким ЦК КПСС относился к положению в

Прибалтике? Анализируя обстановку в этих республиках, нельзя было не заметить, какую истерию (иначе не назовешь) поднимали там определенные круги по поводу протокола Молотова – Риббентропа как приложения к советско-германскому пакту о ненападении, подписанному в 1939 году.

Сейчас становится многое понятно в этой проблеме, однако невозможно осознавать логику сокрытия протокола. Для чего? В самом деле, был такой протокол – очень тяжелое соглашение, которое пришлось подписать в условиях надвигавшейся войны. Протокол этот сыграл определенную положительную роль. Он отодвинул границы с Германией, он должен был оттянуть начало войны в условиях полной изоляции СССР перед натиском германских фашистов. Договор позволил вернуть Литве Виленский край с исконными литовскими городами Вильнюсом и Клайпедой. Это был вовсе не захват чужих территорий, а возвращение своего, незаконно отобранного. Протокол защитил Латвию и Эстонию от немецкого засилья, спас жизнь сотням тысяч польских евреев, обеспечив их эвакуацию в глубь страны в самом начале гитлеровского нашествия на Польшу. И это далеко не все.

Не будем забывать, что прежде советско-германского пакта о ненападении был Мюнхенский договор Англии – Франции – Германии и Италии, по которому Чехословакия была расчленена. Ведь никто не станет утверждать, что 1939 год наступил раньше 1938-го.

Возможно, жизнь народов прибалтийских республик складывалась бы совсем по-иному, если бы в послевоенные годы их не использовали в своих целях Англия и Соединенные Штаты – наши «верные» союзники по антигитлеровской коалиции. Они намеревались превратить Прибалтику в плацдарм для раскола Советского Союза.

Наша извечная секретность привела в данном случае к тяжелым последствиям. Протоколы 1939 года необходимо было опубликовать и обсудить в печати хотя бы в 60-х годах. Я часто задавал себе вопрос: знал ли о наличии у нас этих протоколов Андропов, знал ли о том, что их прячут в архивах ЦК? Беру на себя смелость утверждать: он ничего о них не ведал. Мне просто не верится, что, очень хорошо зная Прибалтику, Андропов не понимал истинного значения своевременного обнародования протоколов.

Впрочем, суть не только в протоколах. Дело в том, что, начиная перестройку, мы не нашли способа сохранить Союз. Развал СССР начался с Прибалтики. Наше руководство только делало вид, будто оно всерьез озабочено ростом сепаратизма в

Латвии, Эстонии и Литве. Выход республик из состава СССР Горбачевым и его командой был предрешен. Мы фактически бросили на произвол судьбы те здоровые силы, которые отчетливо видели опасность отделения Прибалтики, хотя официально постоянно заявляли об их поддержке, формально слушая выступления представителей этих республик на пленумах и съездах партии. Наши лидеры играли в ту же игру, что и руководители компартий социалистических стран, только вина советского руководства неизмеримо больше – ведь СССР служил примером для народов тех стран Восточной Европы, которые двинулись вслед за нами по пути строительства социализма.

Вот таковы мои мысли на тему, почему погиб Советский Союз».

Примечания. Литература. Источники

Учиться контрразведке настоящим образом

1. Богомолов В. О. Сочинения в двух томах. Том I: Момент истины. Автор о себе. История создания романа. История публикации романа. После выхода романа. – М., 2008. С. 619–620.

2. Там же. С. 637–638.

3. Цит. по: Новое время. 1980. № 8. С. 28–29.

4. См.: Drop Shot. The United States Plan for War with the Soviet Union in 1957 / Ed by A. Brown. – N. Y., 1978. P. 6, 20–38; Containment. Documents on American Policy and Strategy 1945–1950 / Ed. by T. Etzold, J. Gaddis. – N. Y., 1978. P. 357–360.

5. Приведенные здесь и далее фрагменты воспоминаний, размышлений и комментариев Ф. Д. Бобкова взяты из его интервью и бесед, данных автору книги, а также из книг самого Ф. Д. Бобкова «Агенты. Опыт борьбы в „Смерше“ и „Пятке“» (М.: Алгоритм, 2012. – 272 с.) и «Последние двадцать лет: Записки начальника политической контрразведки» (М.: «Русское слово – РС», 2006. – 320 с.).

6. Вейнер Т. ЦРУ. Правдивая история / перевод с англ. – М., 2013. С. 44.

7. Джон Прадос: США израсходовали на холодную войну 150 миллиардов – Известия. 07.04.2004.

Американский вызов: появление пятого Управления

1. См.: Containment. Documents on American Policy and Strategy 1945–1950. P. 212, 222.

2. См.: Главный противник: Документы американской внешней политики и стратегии 1945–1955 гг. / сост. и автор вступ. ст. И. М. Ильинский. – М., 2006.

3. Штраус Л. Что такое политическая философия? [Электронный ресурс]. http://www.studmed.ru/view/shtraus-l-chto-takoe-politicheskaya-filosofiya_303b90221b4.html.

4. Там же.

5. Там же.

6. Дерлугьян Г. Как устроен этот мир. Наброски на макросоциологические темы. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. С. 344.

7. Там же. С. 345–346.

8. Геллнер Э. Нации и национализм: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1991. С. 35, 127.
9. Там же. С. 128.
10. Там же. С. 130.
11. Там же. С. 23.
12. Американский идеализм как способ спасти мир. – Известия. 2004. 18 мая.
13. Palmer M. Breaking the Real Axis of Evil. How to Oust the World's Last Dictators by 2025. – Rowman & Littlefield Publishers Inc. 2003. 348 pp.
14. Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. – М.: Международные отношения, 2004. С. 254.
15. Hantington S. Trade, technology and leverage: Economic diplomacy. – Foreign Policy, 1978, Fall, № 32.
16. Швейцер П. Победа. Пер. с польского. – Минск: СП «Авест». 1995. С. 54, 57, 129.
17. Нюрнбергский процесс. Том II. Преступления против мира. – М., 1958. С.643–644.
18. РГВА. Ф. 500. Оп.1. Д. 776. Л. 151–153.
19. Санников Г. З. Большая охота. Разгром вооруженного подполья в Западной Украине. – М., 2002. С. 10.
20. Филби Ким. Моя незримая война. – В книге «Я шел своим путем. Ким Филби в разведке и в жизни». Перевод с англ. – М., 1997. С. 223–224.
21. См.: Harry S. Truman Library. President's Secretary's File.
22. Сондерс Ф. ЦРУ и мир искусств: культурный фронт холодной войны / Пер. с англ. Редактор перевода В. Крашенинникова. – М.: 2013. С. 5.
23. Сондерс Ф., с. 35–36.
24. Сондерс Ф., с. 36; George Kennan (writing as X). The Sources of Soviet Conduct, Foreign Affairs, vol. 26, July 1947;
25. George Kennan. National War College Address, December 1947. Цитата из International Herald Tribune, 28 May 1997.
26. Arthur M. Schlesinger, Jr. A Thousand Days: John F. Kennedy in the White House. – London: Andre Deutsch, 1965.
27. Сондерс Ф., с. 112.
28. Сондерс Ф., с. 181–182.
29. New York Times, 25 december 1977.
30. Сондерс Ф., с. 98, 101–102.
31. Вейнер Т. ЦРУ. Правдивая история / Перевод с англ. – М.: 2013. С. 313–314.
32. Вейнер Т., с. 373–374.
33. Швейцер П. Победа / Пер. с польского. – Минск: 1995. С.

54–57, 129.

34. Грачев А. Кремлевская хроника. – М.: 1994. С. 43–44.

35. Российская газета, 14. 01.1994.

36. Арбатов Г. Свидетельство современника. – М.: 1991. С. 80–83.

37. Шахназаров Г. Цена свободы. – М.: 1993. С. 22–23.

38. Семенов Ю. Неизвестный Юлиан Семенов. – М.: 2008. С. 201.

39. Tarde G. On Communication and Social Influence. – Chicago, 1969, p. 255–275; Ross E. Social Control. A Survey of the Foundations Order. Cleveland. – London, 1969, p. 1–3; Park R. On Social Control and Social Behavior. – Chicago, 1969, p. 181–215; Lapiere R. A Theory of Social Control. – New York – Toronto – London, 1954, p. 30–62.

40. Капица П. Л. Письма о науке. 1930–1980. – М.: 1989. С. 371–373.

41. Фадеев А. Письма и документы. – М.: 2001. С. 215–216.

42. Рассказ о Корде Мейре и Отделе международных организаций ЦРУ сделан по материалам книги Ф. Сондерс «ЦРУ и мир искусств».

43. Сондерс Ф. ЦРУ и мир искусств. С.200.

44. Doug Henwood. Spooks in Blue, Grand Street, vol.7/3, Spring 1998.

45. Chief of Covert Action Staff. CIA. Final Report of the Church Committee, 1976.

46. Сондерс Ф., с. 208.

47. Бирден М., Райзен Дж. Главный противник. Тайная история последних лет противостояния ЦРУ и КГБ. – М., 2004. С. 405–406.

48. James Johnson Sweeney. Press release, 18 April 1952 (ACCF/ NYU).

49. Donald Jameson. Interview, Washington, June 1994.

50. Дорман О. Подстрочник. Жизнь Лилианны Лунгиной, рассказанная ею в фильме Олега Дормана. – М., 2010. С. 144–145.

Пятое Управление и партия: противоречивое сотрудничество

1. Швейцер П. Победа / Пер. с польского. – Минск: СП «Авест». 1995. С. 312–313.

2. Соловьев Э. Личность и ситуация в социально-политическом анализе Маркса. – В книге: Соловьев Э. Ю. Прошлое толкует нас (Очерки по истории философии и культуры). – М.: Политиздат, 1991. С. 201.

3. См., например: Такер Р. Сталин у власти. 1929–1941.

История и личность. – М., 1997. С. 63.

4. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 131. Д. 190. Л. 33.

5. Цит. по: Волкогонов Д. А. Троцкий. Политический портрет. Кн. 2. – М., 1997. С. 70.

6. См.: РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 127. Л. 188–189.

7. Яковлев А. Н. Сумерки. – М., 2003. С. 469.

8. Цит. по: Бакланов Г. Темп вечной погони (Месяц в Америке) (Очерки). – Пядь земли. Повести, рассказ, очерки. – М.: «Художественная литература», 1973. С. 449.

9. В основе монолога Ф. Д. Бобкова его беседа с А. Бондаренко, опубликованная в газете «Красная звезда» 25.11.2005.